

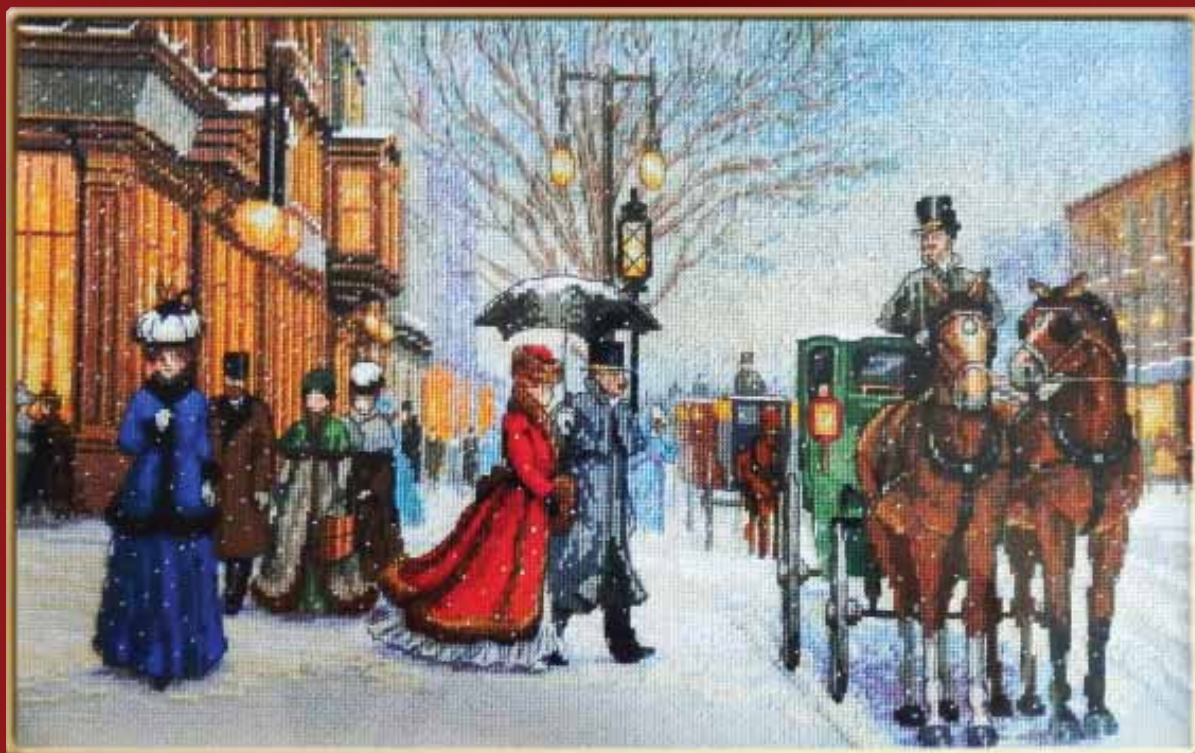
ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№1 ЯНВАРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2015

Тайны Исаака Бабеля

*Как начиналась Гражданская война
1918 — ... гг.*

В. Серов «История двух портретов»

*Криминальный роман
Иосифа Гольмана «Защитница»*

О жизни и творчестве
художника Валентина Серова читайте на стр. 66

Год литературы

Алла Зубкова **Мудрец из Веймара**4

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Гражданская бойня**16

Новое имя

Артем Леушин **Милая фея** 36

Поэзия

Сергей Мнацаканян **Стихи** 47

*Инна Мухина,
Ирина Щербина,
Татьяна Чеглова* **Стихи** 110

Неизвестное об известном

Александр Аннин **Неразгаданная тайна
Исаака Бабея** 52

Наши публикации

О.Л. Д'ор **Моя кандидатура в депутаты**62

Шедевры

Ирина Опимах **Те же глаза, или История
двух портретов** 66

Рандеву

Елена Воробьева **Анна Михайловская: «Мне
всегда везло с режиссерами»** 78

Рассказ

Варвара Клюева **Цветы ядовитые** 84

Дэн Чиаммачелли **Добрый дух Ратон-Сити** 102

Штрихи к портрету

Евгения Белогорцева **Тонкий английский юмор**114

Криминальный роман

Иосиф Гольман **Защитница**124

Кроссворд. Эрудит**188**

Главный редактор, генеральный директор	Кизиллов Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, sales@smena-online.ru
Web-редактор	Калиша Людмила Григорьевна, smena24@mail.ru
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка	«Изящный век». Вышитая работа Людмилы Калининой
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валовая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж — 8550 экз.
Зак. №6959

Цена свободная
Номер подписан в печать: 18.12.2014

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

Уважаемые читатели!

ООО «Журнал «Смена» предлагает Вам оформить новый вид подписки — на электронную версию любимого журнала. Данный вид подписки актуален для читателей, предпочитающих наслаждаться чтением при помощи компьютера, iPad, iPhone и иных современных гаджетов.

Вы можете оформить подписку и ежемесячно получать электронную версию журнала «СМЕНА» на свой e-mail. Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в отделении Банка или при помощи on-line системы любого банка по нашим реквизитам и выслать копию купона и оплаченной квитанции на эл. почту: sales@smena-online.ru

Стоимость за 3 месяца подписки	Стоимость за 6 месяцев подписки
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны без учета комиссии банка.

КУПОН

Ф.И.О. _____ город _____
 Дата рождения _____ Эл. адрес (e-mail) _____
 Указать, интересующие Вас, номера _____

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет 3010181040000000555 в ОПЕРУ Московского ГТУ Банка России		
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
	Подписка на электронную версию журнала «Смена» за _____ (месяца-ев)		
	Кассир	Подпись плательщика	
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет 3010181040000000555 в ОПЕРУ Московского ГТУ Банка России		
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
	Подписка на электронную версию журнала «Смена» за _____ (месяца-ев)		
	Кассир	Подпись плательщика	

Алла Зубкова

МУДРЕЦ

Им восхищались такие разные люди как Наполеон, Байрон и Пушкин. Один из величайших гениев мировой литературы, он стоит в одном ряду с такими титанами, как Гомер, Данте и Шекспир. Ну, а широтой научных интересов Иоганн Вольфганг Гете мог бы сравниться с самим Леонардо. Он совершил важное открытие в анатомии, занимался астрономией, геологией, ботаникой, метеорологией и философией. И это притом, что немало времени тратил на политическую деятельность, будучи министром Веймарского герцогства. Красота и величие его души поражали современников. В то же время ничто человеческое не было ему чуждо — автор «Фауста» влюблялся в женщин до глубокой старости. В последний раз в 74 года, когда всерьез собирался жениться на девятнадцатилетней девушке...

Из Веймара

Он появился на свет 28 августа 1749 года во Франкфурте-на-Майне. В жилах его текла отнюдь не голубая кровь. Прадед по отцовской линии был кузнецом, дед занимался портняжным ремеслом. Тем не менее, отец будущего писателя, Иоганн-Каспар Гете, сумел стать доктором права. А позднее приобрел титул императорского советника. Уже в зрелом возрасте он посватался к юной дочери главы франкфуртского сената, Катарине Элизабет Текстор, и в восемнадцать та подарила ему первенца — Вольфганга. Почти полтора года спустя у них родилась дочь Корнелия. Четверо других их детей умерли в раннем возрасте. Родителей Вольфганга не связывали прочные узы любви и дружбы. Человек неуживчивый и педантичный, Иоганн-Каспар не нашел дорогу к сердцу своей жены, которая была на 21 год моложе его. По характеру она была полной противоположностью угрюмому мужу. Ее жизнерадостность освещала и согревала дом. В чем супруги сходились, так это в любви к детям, особенно к Вольфгангу. Часами просиживала с ним мать, варьируя на разные лады немалый запас знакомых ей народных сказок. Мальчик был страстным слушателем, а затем и сочинителем сказок. Порой она предоставляла ему возможность досказать историю, прерванную на самом интересном месте, и не было для него большей похвалы, чем ее слова: «Ты угадал, так и случилось».

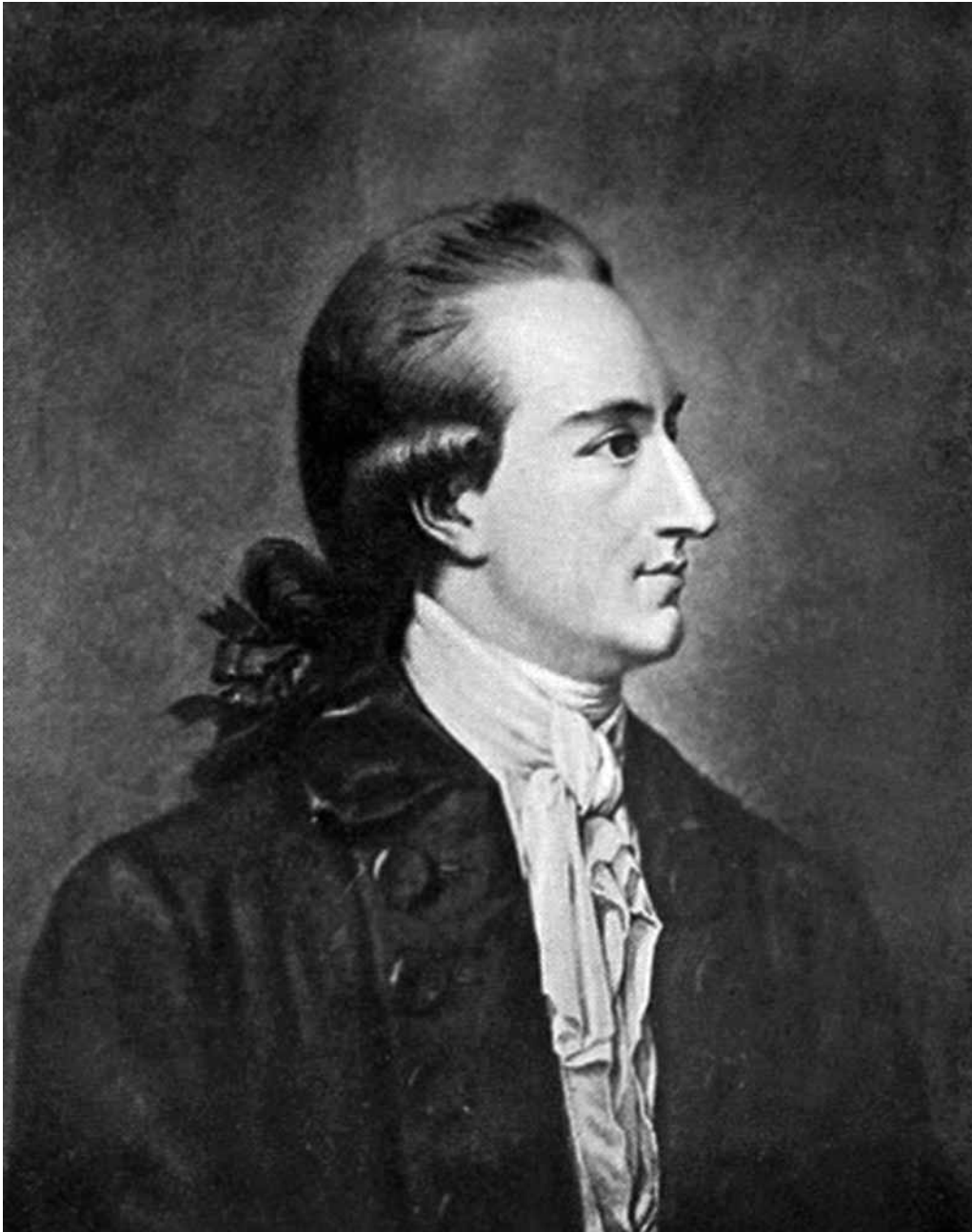
Обширные знания и масса свободного времени у отца (он к тому

времени отошел от адвокатской практики) давали ему возможность самому заниматься детьми. Впрочем, он пользовался и услугами приглашенных педагогов. В результате к пятнадцати годам Вольфганг свободно говорил на трех европейских языках, а кроме того, прекрасно знал латынь, греческий и древнееврейский. Помимо античной философии его обучали игре на клавесине и виолончели, живописи, истории искусств, верховой езде и фехтованию.

Сочинять Вольфганг начал очень рано, пробуя себя во всех жанрах прозы и поэзии. Особенно горячо увлекся драмой. Однако все, что он сочинил в ту пору, было им позднее предано огню. Уцелела, благодаря случайности, рукопись драмы «Иосиф», обнаруженная и опубликованная только в 1920 году. Особенными художественными достоинствами она не блистала.

В 1765 году шестнадцатилетний Вольфганг покинул родной Франкфурт, чтобы по желанию отца изучать юриспруденцию в Лейпциге. Нельзя сказать, что он был очень усидчив в науках, на лекциях юный студент развлекался рисованием карикатур на своих профессоров. Кроме того, он с головой окунулся в круговорот светской жизни. «Вечеринки, концерты, комедия, визиты, прогулки, — писал он в одном из писем домой, — сколько на это идет времени... да и дорого обходится. Черт возьми, это чувствует мой кошелек!»

Разряженный в пух и прах, юный Гете, появляясь в свете, ухаживал за модными барышнями, но мало

кто знал, что его сердце принадлежит вовсе не им. Всеми его помыслами владела дочь трактирщика, у которого он столовался. Ее звали Кетхен Шенкопф. Двадцатилетняя девушка была не слишком красива, не очень образованна и совсем не кокетлива, зато нрав имела на редкость нежный и кроткий. Однажды Гете уже сходил с ума от любви. Это было еще во Франкфурте. Подрост-

ка разлучили тогда с его первой привязанностью — Гретхен, тоже девушкой из народа. Отношения их носили совершенно невинный характер. Сейчас оказалось все гораздо сложнее. Он поклонялся Кетхен, домогался ее любви. В нем бушевал хаос неудержимых чувств, но при этом не оставляли и сомнения. Что ни говори, — она всего лишь дочь трактирщика. Сыну император-

ского советника приходилось выдерживать жестокую борьбу между гордостью и влечением. И все-таки он добился полной близости с Кетхен и решил жениться на ней. Но бессознательное стремление сбросить свою свободу, необходимую для будущего творчества, удерживало его от этого шага. Он понимал, что должен пожертвовать своей любовью, но пришел в отчаяние, когда девушка, вняв его уговорам, дала слово другому претенденту на ее руку.

Катастрофа разразилась неожиданно. Однажды ночью Гете проснулся от кровотечения горлом. Он едва успел разбудить своего соседа за стенкой и потерял сознание.

Несмотря на все старания медиков, болезнь не оставляла его и здесь. Тем не менее, молодой человек напряженно работал. Он много читал, особенно старых философов. Собрал свои стихи, написанные в Лейпциге, и издал их анонимно. Закончил начатую им там же комедию «Совиновники». Но победить болезнь пока не удавалось. Ее рецидив вызвал опасный кризис, и жизнь его висела на волоске. Родители Вольфганга потребовали у лечащего врача, увлекавшегося алхимией, чудодейственного средства, которое только и могло спасти их сына. Тот долго не соглашался, но, в конце концов, среди ночи бросился к себе

Нельзя сказать, что Вольфганг был усидчив в науках, на лекциях юный студент развлекался рисованием карикатур на своих профессоров. Кроме того, он с головой окунулся в круговорот светской жизни. «Вечеринки, концерты, визиты. Прогулки, — писал он в одном из писем домой, — сколько на это идет времени... да и дорого обходится. Черт возьми, это чувствует мой кошелек!»

Многие недели Вольфганг провел в постели. Врачи ставили самые противоречивые диагнозы, но ясно было одно — болезнь вызвана бурными переживаниями и внутренним беспокойством молодого человека.

Гете исполнилось девятнадцать, когда он оставил Лейпциг, в котором так мало учился и где так много узнал, и вернулся домой.

домой, и принес склянку с кристаллами какой-то соли, дав их выпить больному. И — о, чудо! Снадобье, приготовленное по рецептам средневековых алхимиков, неожиданно помогло. Вольфганг пошел на поправку. По совету того же врача Гете изучил «Трактат по маго-каббалистике» одного известного мистика и алхимика и, устроив на чердаке отцовского дома химическую лабораторию

рию, стал проводить там всевозможные опыты. С этого начались естественно-научные занятия Гете.

После окончательного выздоровления весной 1770 года он отправился в Страсбург для продолжения образования. К радости и гордости отца, Вольфганг к сроку предоставил диссертацию по государственному праву, написанную по-латыни, и получил степень доктора. Закончить диссертацию не помешало даже сильное сердечное увлечение. Девушку звали Фридерика Брион, и она была дочерью сельского пастора. Дело уже шло к свадьбе, но, как и несколько лет назад с Кетхен, Гете в последний момент принял решение отказаться от любимой девушки. Перспектива обзавестись семьей и домашним очагом, когда пройдена лишь небольшая часть жизненного пути, казалась ему непростительным легкомыслием. Он разорвал помолвку и покинул Страсбург. «Когда я, уже вскочив в седло, в последний раз протянул ей руку, слезы стояли в ее глазах, у меня же на душе было очень скверно». Он уезжал с сознанием совершенной жестокости, но в то же время и выполненного долга — в отношении себя и своего призвания.

Первым произведением, принесшим Гете известность, стала историческая драма «Гец фон Берлихенген», законченная им в 1771 году, но подлинная национальная и международная слава пришла к нему после выхода в свет в 1774 году романа «Страдания юного Вертера». Произведение это отражало чувства самого Гете, переживавшего незадол-

го до этого несчастную любовь к Шарлотте Буфф, которая предпочла Вольфгангу его друга, Иоганна Кристиана Кестнера. Чтобы преодолеть боль потери и покончить с навязчивыми мыслями о самоубийстве, Гете сел к столу и, без всякого плана, без единого наброска, написал роман. Работа заняла у него ровно несколько месяцев. Успех был ошеломляющим. В Германии одно за другим вышло шестнадцать изданий, во Франции — еще больше. Книга проникла даже в Китай. Китайцы, кстати, изготовили фарфоровую статуэтку Вертера и Шарлотты. Многие молодые немцы в подражание главному герою романа стали носить синий фрак и желтый жилет, некоторые, как и он, сводили счеты с жизнью. Обеспокоенный эпидемией самоубийств, Гете через несколько лет даже предпослал своему роману стихи, в которых просил не следовать примеру его героя.

Теперь он — уже признанный писатель и глава литературного движения, получившего название «Буря и натиск». Европейская слава открыла перед поэтом самые знатные патрицианские дома и сделала возможной его помолвку с Лили Шенеман, дочерью недавно скончавшегося богатейшего франкфуртского финансиста. Но опять повторился прежний сценарий. Любовь, прекрасная как сказка, а потом... снова расторгнутая помолвка. Свадьба так не состоялась. Гете опять был свободен. Свободен, но не счастлив, ибо Лили не переставала его притягивать. Часами бродил он в темноте вокруг ее

дома, в надежде увидеть ее тень за оконными занавесками. Неужели он так и обречен на одиночество?

Во Франкфурте Гете не мог больше оставаться. Как нельзя кстати оказалось приглашение юного герцога Саксен-Веймарского, совсем недавно взошедшего на престол, посетить его владения. В начале ноября 1775 года Гете приехал в Веймар. Герцог, восемнадцатилетний Карл-Август, встретил его с распростертыми объятиями. Автор «Вертера» был его кумиром. Кроме того, герцог мечтал о славе просвещенного правителя, и Гете мог быть ему полезен, как никто другой. Вольфганг и сам был полон идей по всестороннему реформированию жизни этого крохотного государства. Однако для того, чтобы добиться дружбы и полного доверия юного монарха, отъявленного повесы, он стал принимать активное участие во всех его развлечениях. Попойки, во время которых гости пили из черепов, как это делал позднее Байрон со своими друзьями, фривольные пикники, где гости резвились с хорошенькими поселанками, купание в проруби под Новый год, охота на оленей, кабанов и волков — во всех этих забавах Гете не уступал своему августейшему повелителю. Герцогиня, совсем еще девочка, тоже была без ума от Гете, который ввел в моду катание на коньках по глади замерзшего озера. Придворные дамы все чаще шептались, что «этот Гете» — настоящее приобретение для Веймара. Остроумный, всегда галантный, иногда, правда безум-

ствует, но даже и тогда не теряет шарма.

Весной 1776 года герцог подарил Гете дом. Обретя недвижимость, поэт официально стал гражданином Веймара, и вскоре Карл-Август присвоил ему звание тайного советника. Постепенно влияние Гете на герцога росло, и он мог уже осуществить кое-какие планы по совершенствованию жизни маленького государства.

В первые же недели своего пребывания в Веймаре Гете страстно влюбился в придворную даму Шарлотту фон Штейн. Миниатюрную Шарлотту никто бы не решился назвать красавицей. Впрочем, ее кроткое, чуть продолговатое лицо, с красиво очерченным ртом и большими темными итальянскими глазами, было не лишено привлекательности. Она была замужем за обершталмейстером герцога, человеком, совершенно чуждым ей духовно, примитивным и добронравным, страстным охотником и любителем лошадей. Шарлотта родила от него восьмерых детей, в живых из них остались только два сына. Жила она сравнительно уединенно. В пору встречи с Гете ей было тридцать три, ему — двадцать шесть. Вольфганга привлекало в ней все — открытый нрав, нежный и печальный голос, простота, безукоризненные манеры, и она почти сразу же вытеснила из его сердца образ Лили Шенеман. Гете стал объясняться Шарлотте в любви уже вскоре после их знакомства. Он писал ей ежедневно, иногда два раза в день. Обожание такого человека не мог-

*Христиана
Вульпиус*

ло не произвести впечатления даже на такую строгую в вопросах нравственности женщину, как госпожа фон Штейн. Семейная жизнь ее была безрадостна, и вот рядом появился прославленный поэт, страстно в нее влюбленный. Однако Шарлотта обозначила четкую границу их отношениям. Эта граница сделала неизбежным то, что Гете стал оказывать внимание другим женщинам,

не столь целомудренным, как супруга шталмейстера. Поэт нашел взаимность у приехавшей в Веймар необычайно талантливой актрисы и певицы Короны Шретер. Высокая статная красавица с ослепительной кожей и каштановыми кудрями изумительно играла на цитре, флейте и клавинофордах, обладала чудесным голосом. У нее был ясный ум, широкое образование, она свободно

владела тремя языками. На прелестную актрису обратил внимание и Карл-Август. Она не устояла перед натиском герцога, и это чуть не поссорило Гете с его покровителем и привело к его разрыву с Короной.

Пять лет смогла Шарлотта удерживать Гете на некотором расстоянии, не переступая границ платонической любви-дружбы. Но затем в их отношениях произошел перелом, и их близость стала полной. Гете поначалу был счастлив, но постепенно Шарлотта перестала пьянить его. В ее неприступности, вероятно, таилось для него главное очарование, которое она утратила, отдавшись ему. Немалую роль в этом сыграла и патологическая ревность Шарлотты.

Теперь он фактически управлял только чисто просветительскими и культурными учреждениями — Иенским университетом, музеями, герцогской библиотекой, придворным театром. Это оставляло ему гораздо больше времени для творческой и научной работы. Он написал балладу «Лесной царь», завершил трагедию «Эгмонт» и начал работу над романом «Годы учения Вильгельма Мейстера». Кроме этого, усиленно занимался проблемами естествознания и был по-настоящему счастлив, когда открыл межчелюстную кость у человека, тем самым доказав единое строение скелета у всех млекопитающих.

Летом 1788 года Гете встретил женщину, которая последующие

Национальная и международная слава пришла к Гете после выхода в свет романа «Страдания юного Вертера». Успех книги был ошеломляющим. В Германии вышло шестнадцать изданий, во Франции — еще больше. Книга проникла даже в Китай, и китайцы изготовили фарфоровую статуэтку Вертера и Шарлоты

Известное охлаждение произошло и в отношениях Гете с герцогом, хотя внешне все представлялось почти идеальным. В 1782 году Карл-Август возвел его в дворянское достоинство, и в качестве эмблемы для своего герба Гете выбрал утреннюю звезду.

Поэт разочаровался в государственной деятельности, хотя одно время числился даже первым мини-

тридцать лет будет его верной и преданной спутницей. Христиана Вульпиус, дочь архивариуса, после смерти отца оставшись без средств, вынуждена была поступить работницей на фабрику искусственных цветов. Гете — тридцать девять лет, Христиане — двадцать три. Она была хороша собой, жизнерадостна, к тому же отличная хозяйка. Правда, она обожала веселиться и танце-

вать, но репутация ее была безупречна. Гете первое время встречался с ней только в садовом домике, но через два года она переехала в его дом. Поэт был безумно счастлив, находясь рядом с ней. И, быть может, не помышляя еще о браке, непременно хотел иметь детей. Прошло еще полтора года. Христиана родила ему первенца. Он мечтал о многодетной семье, но один за другим умерли четверо новорожденных, и это омрачало счастливое настроение Гете. При дворе и в обществе он почти перестал появляться.

«Римские элегии», завершил роман «Годы учения Вильгельма Мейстера», издал свой труд «Метаморфозы растений», который в определенной степени предвосхищает эволюционную теорию Дарвина.

В это же время Гете очень сблизился с Фридрихом Шиллером. Их дружба продолжалась без малого одиннадцать лет, до самой смерти Шиллера. Гете неустанно заботился о друге, который был моложе его на десять лет. Он снял и обставил для него дом в Веймаре. Сам выбрал обои, высчитывал, сколько дров за-

Гете, которому шел уже седьмой десяток, все равно оставался любимцем женщин. Ему дарили цветы, картины, его обожали и соблазняли. Он наслаждался жизнью, но при этом и много работал. В 1808 году увидела свет первая часть его бессмертной трагедии «Фауст». Замысел этого произведения занимал творческую фантазию поэта на протяжении всей его жизни. Однако драма создавалась с таким трудом и перерывами, что Гете казалось, будто над ней тяготеет злой рок, и она так и останется незаконченной

Супругу обершталмейстера ему простили, но работница с цветочной фабрики! Это уже слишком! Светское общество было оскорблено тем, что один из самых прославленных его членов ввел в свой дом юную плебейку. Впрочем, герцог отнесся с пониманием к выбору своего министра и даже согласился стать крестным отцом его маленького сына.

Досуг Гете всецело заполняли искусство, поэзия, наука. Он посвятил Христиане свои великолепные

казать на зиму, и снабжал Фридриха деньгами. Именно Гете побудил Шиллера написать самые значительные его произведения, а главное, снял с него все заботы о постановке его пьес. Он предоставил ему сцену, на которой ставились все произведения Шиллера. Единственное, что раздражало Гете в друге, было его отношение к Христиане. Фридриха шокировала малообразованность подруги Гете. Ведь даже в письмах она ухитрялась делать

массу орфографических ошибок. Гете только улыбался, он вовсе не хотел ее образовывать, ему нравились ее непосредственность и естественность. А кроме того, он сам, создатель современного немецкого литературного языка, до конца дней своих так и не смог совладать со знаками препинания.

С годами Гете находил все больше совершенств в своей подруге. Она умела влить в него бодрость, а кроме того, обладая большим здравым смыслом и природной проницательностью, порой давала ему очень ценные советы. Более того, она была первой читательницей произведений Гете, с мнением которой он очень считался.

Далеко не самым последним достоинством Христианы было ее незаурядное мужество. Особенно ярко оно проявилось, когда в 1806 году после битвы при Иене, Веймар был захвачен французами. Наполеон лично отдал приказ обеспечить покой и безопасность великого поэта. Однако в ночь на 16 октября в доме Гете развернулась сцена, которая вполне могла закончиться катастрофой. В дом ворвались два французских стрелка. Они требовали еды, питья и ночлега. Христиана, уже подготовившая для солдат и беженцев более пятидесяти кроватей и диванов, не смогла удовлетворить их требования. Тогда пьяные солдаты вбежали в спальню Гете, угрожая ему оружием. Христиана преградила им дорогу и с силой, удешающей страхом за жизнь любимого человека, сбросила с

лестницы нетвердо стоявших на ногах дебоширов.

Эта совместно пережитая опасность побудила, наконец, Гете тут же осуществить давно принятое решение обвенчаться с Христианой.

Вскоре Наполеон удостоил поэта личной аудиенцией. Он принял его с отменной любезностью и признался, что читал его «Вертера» семь раз и даже брал роман в египетский поход.

Шли годы. Госпожа Гете по-прежнему нежно заботилась о нуждах своего любимого супруга. Но отношения их со временем изменились. Когда Гете болел, Христиана преданно ухаживала за ним, но когда он чувствовал себя вполне здоровым, то довольно часто предпринимал поездки на лучшие европейские курорты. Однако отправляется туда один, без жены.

Пути Господни неисповедимы. Почти двадцать лет для Гете не существовало другой женщины, кроме Христианы, но после того, как их соединил законный брак, он сразу же нарушил супружескую верность. В Карлсбаде и Мариенбаде Гете, которому шел уже седьмой десяток, был любимцем женщин. Ему дарили цветы, картины, обожали его, соблазняли. И он, буквально купаясь в женском внимании, наслаждался жизнью.

Впрочем, работал он тоже очень много. Его авторитет в Европе был колоссален, а слава поэта достигла апогея в 1808 году, когда увидела свет первая часть его бессмертной трагедии «Фауст». Замысел этого

произведения возник у писателя еще в 1773 году, когда ему было всего 23–24 года, и занимал его творческую фантазию на протяжении всей жизни. Однако «Фауст» создавался с такими огромными перерывами, что иногда и самому Гете казалось, будто над этой трагедией тяготеет злой рок, и она так и останется незаконченной.

В 1816 году его постиг тяжелейший удар. Скончалась верная Христиана. За последние годы она сильно сдала — потучнела, ослабла, но не утратила своей былой жизнерадостности. Ей было всего пятьдесят лет.

Через год после смерти Христианы Гете решил женить своего сына. Именно женить, так как сам подыскивал ему невесту, стараясь увести его от беспорядочной и распушенной жизни. Позднее одиночество старого поэта скрашивало присутствие в доме двух внуков Вальтера и Вольфганга. Они стали последними бездетными носителями фамилии Гете.

В семьдесят четыре года Вольфганг Гете считал, что все в его жизни уже кончено. Но он ошибался. В Мариенбаде, куда он несколько лет подряд приезжал летом, он снимал комнаты у фрау фон Левецов. Лет пятнадцать назад Гете ухаживал за этой дамой, а сейчас безумно влюбился в ее младшую дочь, девятнадцатилетнюю Ульрику. Она и в самом деле была прелестна — нежна, стройна, с каштановыми кудрями и голубыми глазами. Девушка очень гордилась поклонением этого зна-

менитого человека, которого в Мариенбаде за глаза называли Мерлином, как волшебника и мудреца артуровского цикла. Она не читала ни одного произведения Гете, но считала его гением. Поэт называл ее «доченькой». Он старался не наскучить ей умными разговорами и, когда замечал, что ее не очень интересуют образцы минералов, которые он собирал в окрестных горах, потихоньку клал между ними кусочек шоколада. Ульрика обнаруживала его и с удовольствием лакомилась. Гете любовался, как она танцует на балах, и предвкушение позднего фантастического счастья приводило его в трепет. Ему не было дела до остального мира, который мог осудить и даже посмеяться над ним. Он даже вполне серьезно консультировался с врачом — не повредит ли предполагаемый брак его здоровью? Тот, должно быть, с трудом сдерживая улыбку, успокоил масти того старца. Гете попросил своего герцога взять на себя роль свата. Карл-Август добросовестно выполнил просьбу друга. Но годичная отсрочка, на которой настаивали родные Ульрики, была воспринята Гете как отказ, так что до свадьбы дело не дошло.

После этого жизнь Гете всецело была посвящена труду и наблюдениям за успехами европейской науки и литературы. Между 1825 и 1831 годами он закончил работу над второй частью «Фауста» и в июле 1831 года записал в дневнике: «Закончено главное дело жизни».

Скончался великий поэт 22 марта 1832 года. Последними словами его были: «Откройте же ставни, чтобы было больше света». Его ру-

ка еще что-то писала в воздухе. Потом она медленно упала. Часы показывали половину двенадцатого дня. Час его рождения. □

Светлана
Бестужева-Лада

ГРАЖДАНСКАЯ

БОЙНЯ

Если каким-то образом удалить толстый слой лака, покрывший за десятилетия страницы истории гражданской войны в России, откроется достаточно неприглядная картина жесточайшего кровопролития, причем, как ни грустно это констатировать, «борцы за светлое будущее» были в этом занятии вне конкуренции.

Пришедшие к власти большевики успешно реализовали первую часть популярного когда-то гимна, то есть разрушили до основания весь мир насилия. Дело могло закончиться Мировым Пожаром Революции, о котором идеологи этого события мечтали и грезили. Но — не получилось.

А Россия... Россия, как всегда, шла своим путем...

Не случись Первой мировой войны, революции (а, следовательно, и Гражданской войны), скорее всего, не было бы. И не хотела Россия вступать в эту войну, фактической целью которой был передел колоний. Уж чего-чего, а территорий у Российской империи хватало. Но Германия объявила России войну... и завертелась кровавая карусель.

Если бы не предательство верхушки российской власти, не страх союзников (а ну, как Россия станет первой в новом-то мире?) и не подтачивающая тыл и армию агитация революционеров всех мастей... у нас была бы другая история, в которой даже тачанку не пришлось бы изобретать. Но царь отрекся от престола, Временное правительство вышвырнули менее чем через год, поскольку и от него народ ничего хорошего не увидел. Зато услышал кое-что заманчивое от невысокого человека, пламенно вещавшего с броневика: солдатам — мир, крестьянам — землю, рабочим — заводы, народам — свободу. Это оставило в умах и душах неизгладимый отпечаток, хотя техническую сторону дела мало кто себе четко представлял.

В наших головах прочно засел миф о том, что выстрел с крейсера «Аврора» стал сигналом не только к началу переворота, но и к Гражданской войне. Но если пристально взглянуть на даты, то получается, что Гражданская война, как таковая, началась почти ГОД спустя. Если кто забыл — напомним, что все еще

шла Первая мировая война, где были задействованы основные вооруженные силы, а на маневры невесть откуда взявшихся большевиков основное население страны почти не обратило внимания. Оно привыкло к тому, что в 1917 году состав правительства менялся чуть ли не каждые две недели.

Свергли царя, создали Временное правительство, в котором первую скрипку играли сначала октябристы с кадетами (кто, кроме специалистов, сейчас вспомнит, что это были за партии?!), потом их сменили правые эсеры, потом — левые. Если теперь заправлять будут большевики — так пусть их! Все равно извечный вопрос о том, «как нам обустроить Россию», будут решать на Учредительном собрании, которое образованным слоям населения представлялось чем-то вроде предтечи парламента типа английского.

Кстати, сама «Великая Октябрьская социалистическая революция» стала так называться лишь с тридцатых годов, а до того вполне официально именовалась «переворотом». Причем большевики тогда были как раз в меньшинстве среди всех остальных политических сил, громкое название было получено в результате перевеса голосов на одном из партийных съездов за границей еще ДО переворота. И будь они такими же интеллигентными и правильными, как их менее решительные товарищи по борьбе с царизмом, знали бы о них теперь только

узкие специалисты. Как о тех же кадетах.

Но Ленин и его соратники первыми сделали то, чего все давно хотели, но никто не решался сделать: громогласно озвучили ставший хрестоматийным лозунг: «Власть Советам! Земля крестьянам! Мир народам! Хлеб голодным!» Чем, как бы сейчас сказали, обеспечили невиданный скачок своего рейтинга.

В советское время было принято считать, что партия большевиков была единым целым, сплотившимся вокруг безоговорочного вождя Ленина. Но сейчас, когда многие, ранее недоступные документы, «вышли на свет», тьма вокруг внутрипартийной жизни первых лет революции лишь сгустилась. Многочисленные загадочные смерти видных большевиков (Урицкий, Володарский, Свердлов, Щорс), и даже неудачное покушение на самого Ленина — все это вполне могло быть организовано товарищами по партии. Ничего необычного или из ряда вон выходящего в этом нет.

Вскоре после захвата власти в крупных городах России большевики (а также меньшевики, эсеры всех направлений и анархисты) занялись проведением марксистских (!) экономических реформ, сводившихся к конфискации имеющегося в наличии населения имущества и мобилизации людских ресурсов в целях скорейшего построения социализма.

В своей статье «Как организовать соревнование?» Ленин говорил о необходимости применения суро-

вых мер по отношению к классово чуждым пролетариату элементам, которые, по его мнению, нуждались в разных формах перевоспитания. Первой популярной формой был арест на неопределенный срок без обвинения, второй — расстрел без суда и следствия и, естественно, тоже без обвинения. Достаточно было быть хорошо одетым и говорить на правильном русском языке.

Разумеется, это не понравилось очень многим. Тогда оперативно созданные карательные органы стали посылать своих сотрудников прямо на дом к социально-чуждым элементам. Начались массовые расстрелы, экспроприации, избиение офицеров и просто буржуев. Все банки были заморожены, пресса находилась под жестким контролем.

Красный террор — логическое продолжение октябрьского переворота — начался, кстати, раньше белого террора, а вовсе не был спонтанным ответом на него трудящихся революционных масс. И направлено большевистское насилие было не против какого-то действующего сопротивления (его тогда еще просто не образовалось), а против целых слоев общества, которые были провозглашены вне закона: дворян, помещиков, офицеров, священников, кулаков, казаков, ученых, промышленников.

Сопротивления в первые месяцы после революции не было еще и потому, что идейные (но пассивные) сторонники революции, внезапно оказавшись в числе ее заклятых вра-

гов, впали в некий моральный ступор. Как же так: мечтали о том, что народ проснется, разогнет могучую спину, отыщет дубину покрепче на царя, попов и господ, и наступит общее счастье и взаимное сердец лобызание. А вместо этого в дом врываются непрославшиеся после очередной пьянки граждане, избивают, убивают, насилуют, грабят, точно бандиты какие, а не революционеры. Или приходят «товарищи» в коже и с глазами профессиональных убийц и уводят хозяина дома в неизвестном направлении, помахав в воздухе каким-то «мандатом»...

Из России потек первый тонкий ручеек самых осторожных, решивших пересидеть ЭТО где-нибудь в Швейцарии или в Скандинавии. Пока

это было относительно просто, хотя и приходилось обходить линию фронта окольными путями. Но и фронт уже трещал по всем швам. Ничего, вот соберется долгожданное Учредительное собрание, учредит все законным путем и можно будет вернуться и жить по-прежнему.

Наивные...

6 января 1918 года ожидаемое с марта 1917 года Учредительное собрание, наконец, открылось. Заодно открылась очень неприятная для большевиков истина: в «учредилке» они и их сторонники получили лишь 20% мест. Дальнейшие события, точнее, события вечера того же дня описаны во многих книгах, я же приведу наиболее безобидную цитату из забытого ныне

писателя шестидесятых годов прошлого века.

«В 4 часа 20 минут утра Железняков (матрос конной батареи)... твердой поступью вошел в огромный, ярко освещенный зал дворца, прошел мимо рядов, поднялся на трибуну. Он подошел к Чернову, положил ему на плечо свою сильную руку и громко сказал:

— Прошу прекратить заседание! Караул устал и хочет спать...

Произносивший в это время с большим пафосом свою речь левый эсер Фундаминский застыл на полуслове, уставив испуганные глаза на вооруженного матроса.

Придя в себя после минутной растерянности, охватившей его при словах Железнякова, Чернов закричал:

— Да как вы смеете! Кто вам дал на это право?!

Железняков сказал спокойно:

— Ваша болтовня не нужна трудящимся. Повторяю: караул устал!

Из рядов меньшевиков кто-то крикнул:

— Нам не нужен караул!

Перепуганный Чернов что-то начал торопливо говорить секретарю Учредительного собрания Вишнякову. В зале поднялся шум. С хоров раздались голоса:

— Правильно! Долой буржуев!

— Хватит!»

(Амурский И.Е. «Матрос Железняков». — М.: Московский рабочий, 1968.)

Мало кому известно, что 5 января в Петрограде и 6 января в Москве

были расстреляны митинги в поддержку Учредительного собрания. В митингах участвовали, в основном, рабочие, стреляли, в основном, революционные матросы. Итог — несколько сотен убитых и раненых.

Дальнейшие действия большевиков были не менее решительны. Например, в марте 1918 года сформированное большевиками правительство фактически сбежало из Петрограда в Москву под густой завесой всевозможной дезинформации.

В принципе, возвращение российской столицы в Москву после двухсотлетнего пребывания на берегах Невы — завершение цепи случайностей. В феврале-марте 1918 года на советское руководство посыпались проблемы, одна тяжелее другой. С одной стороны, германские войска в считанные недели оккупировали Латвию, Эстонию, значительную часть Украины и даже взяли Псков. С другой — было совершено неудачное покушение на Ленина, и раскрыты еще два заговора. Оставаться в Петрограде стало небезопасно. Но куда переезжать? Управляющий делами Совнаркома (СНК) Владимир Бонч-Бруевич (бывший генерал царской армии) предложил — в Москву. Ленин согласился, но выдвинул условие: в Москву предварительно не сообщать, переезд организовать внезапно.

Опасались не только терактов, но и массовых беспорядков, когда станет известно, что в столь критический момент все руководство Со-

ветской республики сбежало из Петрограда. А потому и приготовления к отъезду, а уж тем более сам отъезд, не афишировались.

Паники избежать удалось. Народ поверил в то, что переезд правительства в Москву — это временная мера. О том же, что столица перенесена надолго, если не навсегда, знал опять же, избранные. В день отъезда из Петрограда Владимир Ильич произнес:

— Заканчивается петроградский период деятельности нашей центральной власти, что-то скажет нам московский?

16 марта 1918 года на последнем заседании IV Чрезвычайного съезда Советов переезд руководства страны был узаконен. Столица переместилась в Москву, где и осталась.

Уже в Москве на V Всероссийском съезде Советов с отчетом Съезду о деятельности ВЦИК 5 июля 1918 года выступал Я.М. Свердлов. В условиях углубляющегося кризиса большевистской власти он в своем докладе призвал к «массовому террору», который необходимо проводить против «контрреволюции» и «врагов советской власти», и выразил уверенность, что «вся трудовая Россия отнесется с полным одобрением к такой мере, как расстрел контрреволюционных генералов и других врагов трудящихся».

Съезд официально одобрил эту доктрину, предоставив определение, арест и расстрел врагов трудящихся на рассмотрение местных

властей. Фактически, этот момент можно считать началом Гражданской войны, потому что подавляющему большинству населения совершенно не понравилась перспектива быть расстрелянным на месте без суда и следствия — просто за «недостаточно восторженный образ мыслей». Или за чистые руки и свежую сорочку. Или за «дворянскую» фамилию: человек мог быть трижды мещанином, но если его фамилия была Голицын или Оболенский, шансы преждевременно расстаться с жизнью у него резко возрастали.

Тут потек уже более полноводный ручей беженцев из России: менее обеспеченных, но еще не лишившихся всего. А навстречу им хлынули солдаты со всех фронтов, которым все до чертиков надоело, и которые получали из дома слезные письма о голоде и разрухе.

3 декабря 1917 года в Брест-Литовске советским правительством было заключено сепаратное соглашение о перемирии с Германией и ее союзниками. 22 декабря начались переговоры о мире. Германия претендовала на обширные территории России, имевшие большие запасы продовольствия и материальных ресурсов.

В большевистском руководстве произошел раскол. Ленин категорически выступал за удовлетворение всех требований Германии. Троцкий настаивал на затягивании переговоров. Левые эсеры и некоторые большевики предлагали не заключать

мир и продолжать войну с немцами, что не только вело к конфронтации с Германией, но и подрывало позиции большевиков внутри России, поскольку их популярность в солдатских массах строилась на обещании выхода из войны.

Победила точка зрения Ленина, и 3 марта был подписан Брест-Литовский мирный договор, по которому Россия теряла около 1 млн кв. км территории и обязывалась демобилизовать армию и флот.

IV Чрезвычайный съезд Советов, контролируемый большевиками, несмотря на сопротивление «левых коммунистов» и левых эсеров, расценивавших заключение мира как предательство интересов «мировой революции» и национальных интересов, 15 марта 1918 ратифицировал Брест-Литовский мирный договор.

К апрелю 1918 года с помощью немецких войск местное правительство восстановило контроль над всей территорией Финляндии. Немецкая армия беспрепятственно заняла Прибалтику и ликвидировала там советскую власть. То же самое произошло в Белоруссии, на Украине, в Закавказье, которое вновь стало турецким. (Думаю, не стоит лишний раз говорить о том, какие жертвы понесло при этом мирное население.)

Вечером 30 августа в Москве на заводе Михельсона было совершено покушение на Ленина: неизвестный выстрелил в него три раза из револьвера и тяжело ранил. В 22 часа 40 минут появилось воззвание Свердлова:

«Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на тов. Ленина. По выходе с митинга тов. Ленин был ранен. Двое стрелявших

задержаны. Их личности выясняются. Мы не сомневаемся в том, что и здесь будут найдены следы правых эсеров, наймитов англичан и французов».

Воззвание датировано конкретным часом. А «несколько часов назад» — значит, в семь или восемь часов. Но Ленин приехал на завод лишь в 10 вечера, а закончил выступать в 11.00. И кто эти «двое стрелявших»? Ведь в результате виновной оказалась только некая Фанни Каплан, которую подозрительно быстро расстреляли, а следствие по делу прекратили.

Утром того же дня в Петрограде был убит председатель Петроград-

ской ЧК М.С. Урицкий, который занял эту должность в марте 1918 года. Он был одной из самых зловещих фигур первых лет правления большевиков. По отзыву Луначарского, Урицкий был «железной рукой, которая реально держала горло контрреволюции в своих пальцах».

На деле террор, развернутый Урицким в Петрограде, был направлен на физическое уничтожение не только «контрреволюции», но и всех, кто хотя бы потенциально мог не поддержать большевиков. По распоряжению Урицкого были расстреляны демонстрации рабочих, возмущенных действиями новой власти,

подвергнуты пыткам, а затем убиты офицеры Балтийского флота и члены их семей. Несколько барж с арестованными офицерами были потоплены в Финском заливе. Петроградская ЧК обрела репутацию поистине дьявольского застенка, а имя ее главы наводило ужас.

За творимые в ЧК зверства Урицкий был застрелен молодым поэтом Леонидом Канегисером, принадлежавшим к партии эсеров. И 5 сентября большевиками был объявлен красный террор — массовые репрессии в отношении политических противников. За одну только ночь в Москве и Петрограде было убито 2200 человек.

Такие действия большевиков не понравились очень многим. Прежде всего, они не понравились тем, кого впоследствии назовут «Белой гвардией» — кадровым офицерам, юнкерам, монархистам и сочувствующим. Первая схватка была очень быстрой и почти стопроцентно обречена на победу... гвардейцев, ибо силы красных были еще, можно сказать, в зародыше. Под командованием генерала Корнилова на Кубани собралась Добровольческая армия и двинулась на Москву, фактически не встречая сопротивления.

Но вмешался Его Величество Случай. В середине победного марша случайный снаряд залетел в дом, где заседал штаб Корнилова, и положил заперто практически всех участников совещания. Добровольческая армия лишилась популярнейшего ко-

мандира, замялась и, как говорится, потеряла стратегический момент.

А красный террор продолжался — с прямого благословения товарища В.И. Ленина. Формально он был прекращен 6 ноября 1918 года. По некоторым данным, в течение 1918 года ВЧК репрессировала 31 тысячу человек, из которых 6 тысяч было расстреляно. В то же время, в октябре 1918 года, Ю. Мартов, лидер партии меньшевиков, заявил, что жертв репрессий ЧК в ходе красного террора с начала сентября было «более чем десять тысяч».

Казалось бы — довольно, павшие жертвой в борьбе роковой товарищи по партии полностью отмщены. Однако даже в 1922 году В.И. Ленин заявлял о невозможности прекращения террора и необходимости его законодательного урегулирования, что следует из его письма наркому юстиции Курскому от 17 мая 1922 года:

«Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Сформулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого. С коммунистическим приветом, Ленин».

Оправившись после потери главнокомандующего, Добровольческая армия во главе с генералами Алексеевым и Деникиным перешла в ре-

шителъное наступление с Кубани и Северного Кавказа на Москву. Фактически рука об руку с ними шли донские казаки во главе с генералом Красновым.

Следует добавить, что этот поход отличался куда большей жесткостью со стороны Добровольческой армии, чем предыдущий. Дело в том, что погибшего от шального снаряда генерала Корнилова тайно похоронили в 40 верстах от Екатеринодара, после чего белогвардейцы отступили. Через несколько дней большевики обнаружили свежую могилу, и по приказу командующего Сорокина тело бывшего Верховного главнокомандующего было выкопано и отвезено в Екатеринодар на Соборную площадь. Там уже полностью обнаженное тело повесили на дерево и долго рубили шашками, попутно фотографируя это действо. Даже в советской историографии обращение большевиков с телом убитого генерала называется словом глумление.

В 1919 году на Петроград с северо-запада направились регулярные части белой армии, у которой был практически стопроцентный шанс взять колыбель революции без особых усилий. Но этот шанс был бездарно упущен: командовавший армией генерал Родзянко... отменил начавшееся наступление, поскольку узнал о бунте гарнизонов двух ключевых фортов близ Питера.

Командование принял куда более талантливый и успешный боевой генерал Юденич. Но своих войск для

решительного наступления не хватало. Юденич попытался вступить в союз с финнами и эстонцами, которые успешно уничтожали коммунистов на своих теперь уже независимых территориях, но большая часть офицеров, следуя лозунгу «Россия — единая и неделимая!», новое финское и эстонское руководство не признавали. В результате союз провалился.

Юденич был вынужден идти вперед своими силами, которые в 3-4 раза были меньше сил красных. Самое удивительное, что талант Юденича позволил ему практически разгромить противника в первых же боях. Теперь требовалось лишь быстро и решительно идти вперед. Но Юденич был из незнатного рода и либералом, а подчиненные у него, напротив, сплошь и рядом монархисты из знатных родов. Они не считали нужным выполнять приказы того, кто поддержал свержение императора. То есть о единстве в рядах командования не было и речи. Наступление самым фатальным образом захлебнулось в амбициях штабистов.

Стремительность была потеряна, а в Петроград, который уже был готов сдаться, прибыл нарком Троцкий. Нарком быстро навел революционный порядок, пригрозив, что расстреляет каждого, кто не встанет грудью на защиту Петрограда. Народ уже знал, что угрозы большевиков пустыми не бывают. В итоге белые встретили куда более организованное, чем ожидалось, сопротивление,

а отступавшие остатки армии Юденича были добиты... эстонцами, которые сообразили, что выгодно дружить только с теми, кто представляет собой реальную силу.

Непосредственно после этого Троцкий начал формировать рабоче-крестьянскую Красную армию, куда добровольно-принудительно стали привлекать бывших царских офицеров, здраво рассудив, что расстрелять их можно и потом. Впрочем, были и действительно добровольцы (Тухачевский, Егоров, Брусилев). По статистике, каждый пятый офицер царского Генштаба служил в РККА.

Серьезная опасность появилась и там, где ее вовсе не ждали. 8 июня 1918 года в освобожденной от красных Самаре эсерами был создан Комитет Учредительного собрания (Комуч). Он объявил себя временной революционной властью, которая должна была, по замыслу его создателей, распространиться на всю территорию России, передать управление страной законно избранному Учредительному собранию.

Комуч создал собственные вооруженные силы — Народную армию (на самом деле — большой вооруженный отряд), командовать которой взялся подполковник Генерального штаба В.О. Каппель. Под его командованием отряд в середине июня 1918 года взял Сызрань и Ставрополь Волжский, а 21 июля — Симбирск, разгромив превосходящие силы большевиков.

К Народной армии присоединились пленные чехи, которых после окончания войны собирались вывезти на родину — через Владивосток, а там кораблем во Францию. Дело это было нелегким: чехов много, а железных дорог мало — и потому эшелоны с ними растянулись на огромных пространствах от Пензы до конечного пункта назначения.

Ввиду сильной перегруженности дорог поезда часто простаивали. Во время одной из таких стоянок среди чехов прошел слухок: мол, сейчас их снимут с поезда и выдадут обратно домой, к немцам, где им будут гарантированы массовые расстрелы. На всякий случай чехи начали свержать местную (советскую) власть в тех местах, где стояли их поезда, и не просто свержать, а планомерно уничтожать всех коммунистов и примкнувших к ним товарищей — на всем протяжении железной дороги Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока.

В июле 1918 года русские и чехословацкие отряды заняли Уфу, а чехи под командованием подполковника Войцеховского 25 июля взяли Екатеринбург. К югу от Самары отряд подполковника Ф.Е. Махина взял Хвалынский и подступил к Вольску. К антибольшевистским силам Поволжья присоединились Уральское и Оренбургское казачьи войска.

7 августа 1918 года войска Каппеля, предварительно разгромив в устье Камы вышедшую навстречу красную речную флотилию, заняли Казань, где захватили часть золото-

го запаса Российской империи, а также огромные склады с вооружением, боеприпасами, медикаментами и амуницией.

Для борьбы с чехословаками и белогвардейцами советское командование 13 июня 1918 года создало Восточный фронт под командованием левого эсера Муравьева, в подчинении которого находилось шесть армий.

6 июля 1918 года Антанта объявила Владивосток международной зоной, где высадились японские и американские войска, не ставшие свержать большевистскую власть. Это сделали 29 июля чехи под руководством русского генерала М.К. Дитерихса.

В Уральской области еще в марте казаки без труда разогнали мест-

ные большевистские ревкомы и уничтожили присланные для подавления восстания красногвардейские части.

К началу сентября 1918 года большевистская власть была ликвидирована на всем Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Антибольшевистские повстанческие отряды в Сибири воевали под бело-зеленым флагом: эти цвета символизировали сибирские леса и снега.

Однако в сентябре 1918 года войска Восточного фронта, сосредоточив под Казанью 11 тысяч штыков и сабель против 5 тысяч у противника, перешли в наступление. После ожесточенных боев они 10 сентября захватили Казань, и, прорвав фронт, заняли 12 сентября Сим-

бирск, а 7 октября Самару, нанеся тяжелое поражение Народной армии.

В ноябре произошел военный переворот — власть на востоке России перешла к адмиралу Александру Васильевичу Колчаку, поскольку военным надоели, мягко говоря, непрофессиональные действия всевозможных народных армий и вообще — штатских.

Колчак, правда, так и не сумел навести порядок в тылу, но смог организовать армию и отправить ее в наступление. Зимой 1918–1919 и ранней весной 1919 года колчаковцы достаточно успешно вели бои с только что созданной РККА. Но тут из Средней Азии был срочно вызван красный командарм Михаил Фрунзе, зарекомендовавший себя успешным военачальником. Рекомендации оправдались: колчаковцы покатались назад.

В итоге, летом они отступили за Урал, осенью отдали РККА Западную Сибирь, зимой — Сибирь Восточную. Колчак, как всем известно, был выдан, арестован и расстрелян.

Примерно в то же время произошло одно из самых крупных народных восстаний против советской власти, так называемый «Тамбовский мятеж». Предыстория восстания такова: после октябрьского переворота крестьян на Тамбовщине, как и по всей России, лишили всяких политических и экономических прав, запретили торговать хлебом и стали забирать его силой. В 1920 году Тамбовщину поразила засуха,

и хлеба было собрано всего 12 млн пудов. Между тем продразверстка не была уменьшена, составив 11,5 млн пудов.

Восстание вспыхнуло 15 августа 1920 года в селе Хитрово, где местный комитет Союза Трудовых Крестьян разоружил продотряд. 19 августа сразу в нескольких селах крестьяне отказались сдавать хлеб и при поддержке партизан уничтожили продотряды, местных коммунистов и чекистов. Вскоре восстание распространилось на территории Тамбовской губернии, а также на соседние с ней уезды других губерний. Повстанцы ликвидировали органы советской власти, уничтожали ее представителей и воинские гарнизоны и брали власть в свои руки.

Хотя войска Тамбовской губернии сумели нанести мятежникам ощутимые потери, восстание приобрело массовый и затяжной характер. В октябре 1920 года Ленин поручил Дзержинскому «ускорить разгром». Но тут уже оказался бессильным даже ЧК. Только в феврале 1921 года, на основании решения Наркомата продовольствия, на территории Тамбовской губернии было остановлено выполнение продовольственной разверстки, а в марте Десятый съезд РКП(б) принял решение отменить продовольственную разверстку, вместо которой вводили фиксированный продовольственный налог.

Для рядовых повстанцев была объявлена амнистия (при условии

сдачи оружия и информации о местонахождении командиров). Предпринятые меры широко освещались в печати и агитационных материалах и сыграли определенную роль в пересмотре частью крестьянства своей позиции в отношении советской власти.

Одновременно численность большевистских войск в Тамбовской губернии быстро увеличивалась и к концу мая 1921 года составила 43 тысячи красноармейцев (35 тысяч штыков и 8 тысяч сабель при 463 пулеметах и 63 артиллерийских орудиях) под командованием Михаила Тухачевского, который получил директиву — ликвидировать тамбовское восстание не позже чем в месячный срок.

Не последнюю роль в разгроме крестьянского бунта на Тамбовщине сыграли жестокие репрессивные меры против восставших, их семей и односельчан. На следующий день 12 июня 1921 года Тухачевский подписал приказ № 0116 о применении против повстанцев химического оружия.

В основу своих операций он положил создание на Тамбовщине жестокого оккупационного режима и террор против населения губернии, со взятием заложников, уничтожением сел и деревень, созданием концлагерей и массовых расстрелов. В наскоро оборудованных концентрационных лагерях наряду со взрослыми содержались и дети. 27 июня 1921 года на заседании полномочной ко-

миссии ВЦИК был отмечен «большой наплыв в концентрационно-полевые лагеря малолетних, начиная от грудных детей».

16 июля 1922 года Тухачевский доложил ЦК РКП(б): «...мятеж ликвидирован, Советская власть восстановлена повсеместно». Общее число крестьян Тамбовской губернии, подвергшихся репрессиям, оценивается в 30–50 тысяч человек.

То, что крестьяне были не в восторге от продразверстки и взбунтовались, понятно. Но вот так называемый «Кронштадский мятеж»... Когда те же матросы, которые с упоением брали Зимний и потом устанавливали советскую власть в Петрограде, ставят ультиматум большевистским правителям: либо вы исполняете свои обещания, либо... Это можно считать уникальным явлением.

Но дело в том, что в Первую мировую Балтийский флот России, по сути, бездействовал. И матросы, не особо рвавшиеся, кстати, на фронт, стали легкой и благодарной добычей революционных агитаторов. Итог: матросы объявили себя не просто матросами, а матросами революционными, поубивали офицеров, участвовали в разгоне Временного правительства и в уничтожении «всякой буржуйской сволочи» и стали ждать обещанного агитаторами праздника жизни. А вместо этого получили гражданскую войну, голод, холод и прочие «удовольствия», из-за которых в Питере чуть было не взбунто-

вались рабочие, так что пришлось вводить военное положение.

Восстание в Кронштадте началось 1 марта 1921 года. В советской истории его называли мятежом, что, в общем, справедливо, поскольку еще Роберт Бернс подметил, что «мятеж не может кончиться удачно, в противном случае его зовут иначе». Неправильным было только то, что мятежников объявили наймитами белогвардейцев и иностранных держав, поскольку матросы действовали абсолютно автономно. Хотя бы потому, что не дождались, пока не растает лед на заливе, чтоб иметь возможность подойти на кораблях поближе к Смольному. Тогда события могли бы принять совсем другой оборот.

Совнаркомом было немедленно принято решение: в переговоры не

вступать, а мятеж подавить любыми средствами. Сделать это нужно было как можно скорее, до начала ледохода, чтобы кронштадский гарнизон не мог использовать корабли.

Первый штурм был отбит. После этого в армии началось брожение, солдаты не желали стрелять по своим, что заставило чекистов провести с ними воспитательную работу и пополнить ряды атакующих курсантами военных училищ и милиционерами.

Штурм повторили. В итоге незначительная часть восставших с потерями отступила в соседнюю Финляндию, где и осталась, а основная часть погибла в бою. Тех, кто попал в плен, в том числе и представители мирного населения, расстреляли, уцелевших практически не было. Потом к делу кронштадских мятеж-

ников пристегнули так называемое «Дело Таганцева» — свыше девяноста человек, в основном, представителей интеллигенции, и тоже расстреляли. В числе убитых был поэт Николай Гумилев.

Секретарь Ленина, а позднее заместитель Ягоды Агранов так объяснил жестокость, проявленную даже к не причастным:

«В 1921 г. 70% петроградской интеллигенции были одной ногой в стане врага. Мы должны были эту ногу ожечь».

Составной частью гражданской войны была вооруженная борьба национальных «окраин» бывшей Российской империи за свою независимость и повстанческое движение широких слоев населения против войск основных противоборствующих сторон — «красных» и «белых».

Попытки провозглашения независимости «окраинами» вызывали отпор как со стороны «белых», сражавшихся за «единую и неделимую Россию», так и со стороны «красных», видевших в росте национализма угрозу завоеваниям революции.

Оставались Сибирь и Крым. Первая людскими ресурсами была не богата, оружейных заводов в то время там еще почти не было, а чехам надоело воевать, и они потихоньку покидали эту непонятную Россию. Все талантливые царские офицеры либо уже погибли, либо служили в Крыму, либо у Троцкого. У Колчака же способных офицеров было крайне мало, разве что только Каппель да Войцеховский.

Сыграл свою роль и беспредел генералов на окраинных территориях (вроде Анненкова, Унгерна и Семенова), которые «дрались потому, что дрались» и противника, в общем-то, не выбирали. Приказы Колчака этими бравыми генералами игнорировались, а местное население они восстановили против себя до такой степени, что те массами «записывались в большевики».

Все когда-нибудь заканчивается, закончилась фактически и гражданская война в Сибири, хотя при наличии там около полумиллиона партизан под разными флагами дело не могло не затянуться. Хорошо еще, что японцы, быстро поняв, что в данный момент им с Россией не справиться, расстреляли несколько тысяч подвернувшихся под руку чело-

век, сожгли в паровозной топке услужливо выданного им американской разведкой Сергея Лазо — и отчалили к родным берегам.

В сухом остатке — южное направление, точнее, Крым. Командовавший там белыми войсками Деникин теоретически мог бы захватить Москву, но его погубила идеологическая упертость. Он не отдал крестьянам землю, не дал никому автономии, не навел банального порядка в тылу, считая, что все это можно сделать ПОСЛЕ победы и въезда в Москву на белом коне. Донести же до генерала очевидную мысль, что без этих мер и победы не будет, оказалось некому. Так что весной 1920 года деникинские войска были загнаны на Крымский полуостров.

Деникин признал поражение и добровольно ушел в отставку, остатки войск возглавил генерал Врангель. Он был первым (и последним) белым генералом, который понял, что войну выиграет не тот, кто сильнее, а кто больше наобещает народу. Он пообещал крестьянам землю, провел ряд демократических реформ. Но было уже поздно — красные наобещали во много раз больше и значительно раньше.

После заключения Версальского мира (1919), оформившего поражение Германии в войне, помощь западных союзников Белому движению, видевших в нем, прежде всего, борцов с правительством большевиков, постепенно прекратилась. Так британский премьер-министр Ллойд

Джордж вскоре после неудавшейся попытки усадить белых и красных за стол переговоров, высказался в следующем ключе:

«Целесообразность содействия адм. Колчаку и ген. Деникину является тем более вопросом спорным, что они «борются за Единую Россию»... Не мне указывать, соответствует ли этот лозунг политике Великобритании... Огромная, могучая и великая Россия, катящаяся подобно глетчеру по направлению к Персии, Афганистану и Индии, представляла бы самую грозную опасность для Великобритании империи... Следует признать большевиков, ведь торговать можно и с людоедами».

7 ноября 1920 года Михаил Фрунзе, сосредоточив около 190 тысяч бойцов против 41 тысячи штыков и сабель у Врангеля, начал штурм Крыма. 11 ноября оборона белых была прорвана, и Красная армия ворвалась в Крым. Началась эвакуация Русской армии и гражданских лиц. В течение трех дней на 126 судов были погружены войска, семьи офицеров, часть гражданского населения крымских портов — Севастополя, Ялты, Феодосии и Керчи. Общее количество добровольных изгнанников составило 150 тысяч человек.

После захвата Крыма большевиками начались массовые расстрелы гражданского и военного населения, поскольку на территории полуострова осталось значительное число офицеров и солдат, которые не захотели или не смогли его поки-

нуть. 14 ноября был создан Крымский ревком, которому были предоставлены неограниченные полномочия. Возглавил его Бела Кун. Позднее в состав ревкома вошла Землячка. Крымревком сразу же установил на полуострове режим чрезвычайного положения и начал проводить политику террора, жестокость которого превосходила другие регионы в разы.

Задержанных расстреливали, вешали, топили в море. Террор в Крыму касался самых широких социальных и общественных групп населения: офицеров и военных чиновников, солдат, врачей и служащих Красного Креста, сестер милосердия, ветеринаров, учителей, чиновников, земских деятелей, журналистов, инженеров, бывших дворян, священников, крестьян, убивали даже больных и раненых в лазаретах.

Точная цифра убитых и замученных неизвестна и различается от ис-

точника к источнику. По оценкам очевидцев, с ноября 1920-го по март 1921 года было убито от 15 до 120 тысяч человек. Последняя цифра, которая, хотя и может быть завышенной, ближе к правде, поскольку размах террора вызвал недовольство даже советского руководства. Кун и Землячка были в спешном порядке отозваны в Москву.

Но и это было еще не все. 9 апреля 1921 года Ф.Дзержинский пишет Лацису следующее:

«Церковь разваливается, этому нам надо помочь, но никоим образом не возрождать ее в обновленной форме. Поэтому церковную политику развала должна вести ВЧК, а не кто-либо другой... Наша ставка на коммунизм, а не религию. Ликвидировать может только ВЧК...

При реализации политики борьбы с инакомыслием и контрреволюцией важным моментом являлась окончательная ликвидация какого-

либо влияния церкви на политическую и социально-культурную ситуацию в республике и избавление от так называемого «реакционного духовенства».

В частности, политику РКП(б) времен красного террора проясняет письмо В. И. Ленина, направленное руководящим органам Политбюро, ОГПУ, Наркомата юстиции и Ревтрибунала от 19 марта 1923 года:

«Изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно, ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем

лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

Немудрено, что при таком отношении церковь «разваливалась». По оценкам некоторых историков, с 1918-го до конца 1930-х в ходе репрессий в отношении духовенства было расстреляно либо умерло в местах лишения свободы около 42 000 священнослужителей.

И, наконец, самая главная причина победы большевиков в этой гражданской войне. У них была Идея, план, четкая программа действий. У белых ничего подобного не было. Как управлять страной, генералы и адмиралы представляли себе слабо, потому что, в отличие от красных, их возглавляли не профессиональ-

ные политики-революционеры, а профессиональные военные. А ведь, согласно Макиавелли, «сильный, но не смертельный удар означает смерть для того, кто такой удар наносит».

Итогом Гражданской войны стало признание независимости Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии, а также создание на подконтрольной большевикам территории Российской, Украинской, Белорусской и Закавказской советских республик, 30 декабря 1922 года подписавших договор об образовании СССР. Около 2 миллионов человек, не разделявших взглядов новой власти, предпочло покинуть страну.

К 1921 году Россия буквально лежала в руинах. По подсчетам специалистов, численность населения на оставшихся территориях едва достигала до 135 миллионов человек. Потери в результате войн, эпидемий, эмиграции, сокращения рождаемости составили с 1914 года не менее 25 миллионов человек.

Из-за нехватки топлива и сырья останавливались заводы. Рабочие были вынуждены покидать города и уезжать в деревню. В общем, уровень промышленности сократился в 5 раз. Оборудование давно не обновлялось. Сельское производство сократилось на 40%. Почти вся имперская интеллигенция была уничтожена. Оставшиеся в срочном порядке эмигрировали, чтобы избежать этой участи.

Резко увеличилось число беспризорных детей. По одним данным в 1921 году в России насчитыва-

лось 4,5 миллиона беспризорников, по другим — в 1922 году их было 7 миллионов.

Потери в ходе войны

	Числен. (тыс. чел.)
Всего убито и умерло от ран	2500
Красная армия	950
Белая и национальные армии	650
партизанские отряды	900
Погибло в результате террора	2000
от красного террора	1200
от белого террора	300
Умерло от голода и эпидемий	6000
Всего погибло	10 500
Эмигрировало	2000

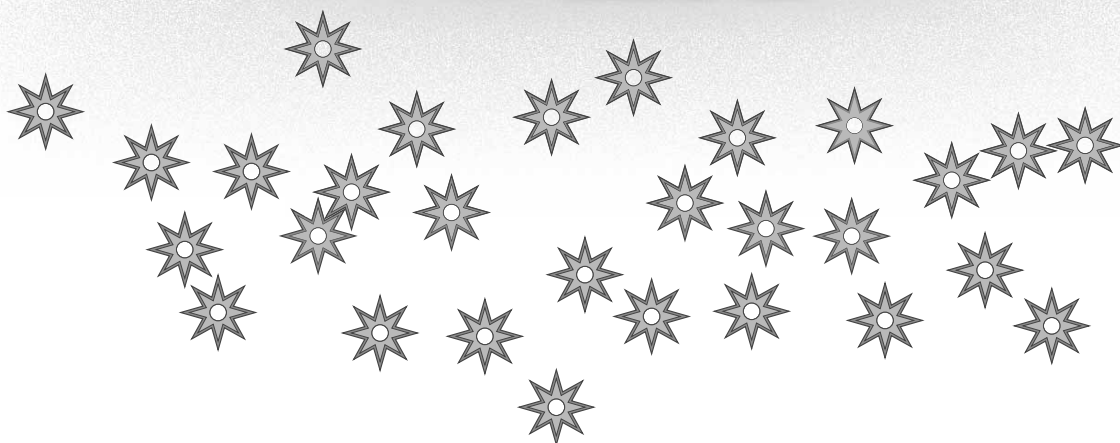
Выводы делайте сами.

P.S. 6 ноября 1997 года президент РФ Б. Ельцин подписал Указ «О возведении памятника россиянам, погибшим в годы Гражданской войны», согласно которому планируется возвести памятник в г. Москве россиянам, погибшим в годы Гражданской войны. Правительству РФ совместно с правительством Москвы поручено определить место возведения памятника.

Определяют его и по сей день... □

МИЛАЯ ФЕЯ

Посвящается К.

Все было украшено цветами, всего одно растение, и та новогодняя ель, а везде вокруг одни цвета! Яркие и сочные, слепящие и волнительные — а они действительно волновали меня, обращали на себя внимание и заставляли задумываться — они были везде. Мамино платье, ярко-фиолетовое, в маленький светло-зеленый горошек, а в руках серебряное блюдо, а на блюде птица, и тоже яркая, не жар-птица, но золотисто-оранжевая, даже запах ее имел цвет! Бурый! А папин пиджак, темно-коричневый, вельветовый, с закатанными рукавами, разговаривал с приятно-красным жилетом дедушки, худым, но таким воспитанным. Ох, дедушка! Мужчина моей мечты! Свет от лампы, теплый и желтый, разлетался по всей комнате, как маленькие птички, а гирлянды моргали, медленно затухая и резко загораясь, играла музыка, собирались гости. Вся страна готовилась к главному празднику года, и все эти салаты, угощения, трещавшие от такого объема столы, друзья, гости, родственники, доволь-

ные собаки, довольные кошки, гостеприимные соседи, взрывы хлопушек, дыхание уходящего в историю года, его настоящие провода и последний отсчет. Девять, восемь, семь, шесть, пять... и так далее. А перед этим еще — речь президента, шампанское и — о,боже! — поцелуи, все целуются, всем хорошо, все сыты, все счастливы, все — кроме меня.

Я — самый несчастный ребенок на этой планете, и вряд ли вы найдете человека столь же несчастного в новогодний праздник, как я. Вы можете обойти всю землю пешком, вдоль и поперек, заплывать, зайти, залететь в самые отдаленные уголки цивилизации и не встретить ни одного человека, который был бы так же грустен, как я в самый главный праздник года. Если вам все же случится несчастье встретить такого человека, то, скорее всего, это буду я. И все потому, что моя мама встретила моего папу в конце марта. А потом появилась я. Кудровая Екатерина Валерьевна, самый несчастный ребенок, который родился ранним утром 31 декабря.

Раньше я этого не понимала, но теперь понимаю до слез. Никому нет дела до моего дня рождения, все заняты Новым годом. Ужасный праздник! Ненавижу его! Утром мама на скорую руку поцеловала меня, причем так быстро это сделала, будто я вся в соли вымазалась, вручила подарок и сказала, что это от нее с папой. А сам папа ушел покупать елку. Небось часов в пять утра встал ради этого. Всем хорошо. Все бегают, все заведены, все в предвкушении. А я сижу на полу, опершись на кровать, и реву в своем нарядном темно-синем платье. Было еще белое, но я со злости на него вишневый компот пролила. Мама уже привыкла к моим выходкам, поэтому сразу два платья готовит. Сижу, реву, а на меня даже никто внимания не обращает. И так каждый год. Никто не смотрит. Правда, подходил брат мамы, спросил, как в школе дела, как учусь, ухажеры, наверное, проходу не дают, а я ему — мол, у нас в классе всего два мальчика, и те все в веснушках. Братья Гримм, чтоб их!

И почему всем хорошо, а мне нет? Праздник же! Надо было мне летом родиться, скажем, в июле, вот тогда бы у меня день рождения был, ни школы, ни Нового года!

Но это еще не самое страшное. Вот когда все сядут за стол, тогда и начнется весь ужас, тогда про меня вообще все забудут, и буду сидеть одна, как мышь, на крупу надувшаяся, сидеть и салаты вилкой месить весь вечер. Завтра наступит первый день в новом году, и у родителей будут довольные лица, а на лицах такие же довольно-кошачьи вопросы: «Как день рождения?» Да никак!

Я решила пойти в свою комнату. Квартира у нас старая, такая старая, что строили ее еще умные люди, в два этажа. И второй этаж отдали мне. Вот здорово, все одноклассники мне завидуют. Мол, у них либо вообще

нет своей комнаты, с родителями живут, а если есть, то очень маленькая с маленьким окошком, выходящим на кирпичную стенку. Ужас!

Кровать в комнате большая, там таких, как я, можно четверых уложить или даже больше. И книг! Книг очень много, я люблю читать! Мой папа, Валерий Семенович, — буквоед, так его мама называет. «...вместо того, чтобы, как все нормальные люди на работу ходить, чтобы деньги зарабатывать, ты ходишь на работу, чтобы книги читать». Он работает в собственном книжном магазине. Успешно работает. За прошлый год всего Диккенса с Достоевским перечитал. И зарабатывает, конечно. Хотя нет, нисколько не зарабатывает. Зато мама, заведующая кафедрой высшей математики, проектирования зданий и архитектуры уникальных строений, зарабатывает много, так много, что папа может даже вообще не работать. Он у нас из интеллигентной семьи, аспирантуру окончил, доцентом стал, а потом взял... у мамы заем и открыл свой магазин. Так и живем. Я частенько туда заглядываю, там уютно, сухой запах старых книжных страниц успокаивает и вводит меня в мечтательное настроение. Пираты, моря, осьминоги, верблюды, пески, Аляска, любовь, большая и поменьше, друзья, настоящие и только на вторники, мечты, ставшие целями, и цели, ставшие настоящим.

Вообще-то, я выделяюсь среди сверстников, и говорю по-другому, и пишу, и думаю. Это дедушка постарался. Он был главным ответственным за мое воспитание, я рано научилась читать и писать. Он меня и рисовать научил, и на скрипке играть, а еще...боксировать! Да, дело, конечно, сомнительное для красивой девочки, но, тем не менее, я всегда говорю, что никогда не выйду замуж, если мой суженный не будет уметь всего того, что умеет дедушка. Семен Матвеевич его зовут. Не человек, а скала! Ходит гордый, как орел, и умный-преумный! И очень красивый. А еще аккуратный! Мне иногда кажется, что он с собой все время маленький утюг носит, чтобы, если что, подгладить в нужный момент.

Дедушка появился в моей комнате, словно из ниоткуда. Стоял на пороге, высоченный, осанистый, прямо настоящая птица. Стоял и смотрел на меня, улыбаясь широченной улыбкой. Мужчина моей мечты.

— Катя, а ты чего здесь? Сегодня же такой праздник, а ты одна сидишь? — И не стал предлагать спуститься вниз, не стал уговаривать, ведь все понимал. Хитрый еж! Понимал, что не до смеха мне каждый год в этот день. А потом продолжил: — Вон, сколько народу пришло, никто не желает праздник пропускать...

Зашел в комнату, а я сижу на кровати, обняла колени руками, прижалась к стене, надула губы и приняла такой серьезный вид, что, смотри я на себя со стороны, так бы и лопнула со смеху. Не девочка в канун Нового года,

а камень в платье. А дедушка подошел к моей кровати и сел на пол, так что я видела лишь его плечи и голову, покрытую седыми короткими волосами.

— Катя, а, Катя?

А я сижу, и из меня песок вместо слов сыпется. Я же камень.

— Да?

Грубая невоспитанная девчонка.

— Мама внизу?

А я не хочу отвечать. Не хочу, и все. В конце концов, у меня день рождения, и это мое желание, раз больше никто ничего не подарил, так могу же я сама себе подарок выбрать.

— Катя?

Дедушка сидит и не поворачивается в мою сторону. Смотрит на мои грамоты и немногочисленные... Вру! Многочисленные кубки. Так уж случилось, что я уродилась умной. Умной и красивой. Родители говорят, что с самооценкой у меня проблем никогда не будет, а то, что я на всех олимпиадах побеждаю, а еще и спортивной гимнастикой занимаюсь, так это спасибо деду. Он мною занимался, и я — его гордость. Моим папой он тоже гордится, но не так сильно, как мной.

Смотрит дедушка на эти грамоты, а я чувствую, буквально слышу, как он думает: «Вот, какая Катя хорошая, вы только посмотрите, какая умница». Против этого мне не устоять. Я и не устояла — ответила:

— Да, внизу...

— А папа?

— Папа тоже внизу.

— А дядя?

— Витя? — Виктор, это брат мамы. — Он тоже там.

— Много же людей собралось, — покивал дедушка.

Действительно много. Если подумать, да взять бумагу с ручкой и всех пересчитать, то человек тринадцать, а то и больше, точно наберется. Родственники, друзья, родственники друзей, все в красивых платьях и костюмах, хорошие духи — обязательно, и хорошее настроение, как духи. Все пришли в мой дом, и никто не пришел ко мне. Я буду реветь. Буду реветь и не отвечать.

За окном грохнул салют! Новый год совсем близко, наверное, уже на третьем этаже где-то. Мы на пятом живем, получается, у кого-то следующий год уже наступил...

— А знаешь, зачем они пришли?

Мой дедушка, выпавший из книг позапрошлого столетия, знал, как меня развеселить и поднять мне настроение. Я не видела его, не видела выражения его лица, его глаз и улыбки, но знала, что он улыбается. И тут вдруг

вспомнила, как он рассказывал мне о бабушке. Вспомнила потому, что многие из этих историй были по-настоящему веселыми, я смеялась над ними, как смеются зрители в театре или при просмотре хорошей комедии. А жизнь дедушки была действительно почти комедией, хорошей и настоящей.

Я помню, как дедушка рассказывал о бабушке, о любви к ней, о том, что после женитьбы получилось так, что они долгое время не виделись. Говорил, что и в этом есть своя прелесть, сумасшедшая прелесть, ребяческая романтика, завернутая в почтовую бумагу и тонны часов ожидания. Только ожидание. Но оно того стоило. Всякая настоящая любовь стоит того.

Вот они с бабушкой лежат в кровати. Ночь. Вроде спят. Бабушка уж точно. Тишина, настоящая идиллия. Но дедушка не спит, его всего трясет, как в лихорадке, лежать на месте точно не может, ворочается с боку на бок, но медленно — чтобы Антонину Александровну не разбудить. Бабушку. Он ее нежно Тошей называл, не на людях, конечно, но я знала.

А потом дедушка как вспрыгнет с кровати, включит свет, вскинет руки и уставится на очумевшую бабушку.

— Тоша!.. Ты должна знать!.. Нет, ты и так знаешь...

Выбегает на балкон и как закричит на всю улицу:

— Я люблю эту женщину! Я так люблю Тошу!

А Антонина, бабушка моя, сидит на кровати и хохочет, как шестиклассница, вся красная от смущения, но такая гордая за деда! А потом как рывкнет:

— Дурак, вернись в постель!

— Чехов такой женщины не знал, не писал, а я что? А я на ней женат! Тоша! Антонина Александровна, я люблю тебя!

Дедушка кричит, горло срывает, а потом поворачивается и смотрит на бабушку, а она — вся пунцовая, глаза на мокром месте, и взгляд такой преданный. А что значит преданный? Преданность — это удивительное смешение нежности и благодарности. Бабушка тянется к нему и всхлипывает у него на плече:

— Ду... ду... дурачье...

Мне нравились эти истории. Отчасти потому, что они были веселыми, а отчасти, что были такими простыми и правдивыми. Удивительный человек мой дедушка, но он, наверное, таким стал, потому что хотел понравиться моей бабушке, Тоше. И это желание он пронес через всю их жизнь. Он каждый день был влюблен в нее, идеальная история, почти книжная, и почему мой дедушка не стал писателем?

— ...а помню, как Тоша моя, чудачка еще та, чуть не погибла от удара молнии, — продолжал дедушка. — Знаешь, Катя, я был на Севере, пробир-

ки снегом заполнял, чтобы воды достать, а она пытается мне дозвониться. А как на Север позвонить? Это сейчас есть такие возможности, а раньше ничего не было, и все же она не сдавалась. Нашла номер нашего научного руководства, номер самого председателя научного совета, кричит ему в трубку, и ничего не слышно. Шумы, помехи, ни черта не слышно, ну и что? Забралась на дерево, а гроза! Молнии сверкают, бухают торпеды в небе, а ей все нипочем! Забралась на ель с телефоном в руке, старым и тяжелым, с длиннющим проводом. И тут молния как ударит, прямо в ту ель. Погибла бы, одни сапоги бы резиновые остались, да только за мгновение до этого оступилась, упала, ногу сломала и сотрясение мозга получила. Жива. Еще и счастлива! Повезло!

— Деда!

— Да, маленькая?

— А бабушка, я тут о ней думала... Расскажи о ней.

— Я ведь уже рассказывал, много рассказывал, что ты еще хочешь узнать?

— ...о чем-нибудь, что я не знаю... что-то такое, что тебе больше всего запомнилось, есть же такое?

— Конечно, есть, но...

— Катя, папа! — нарисовалась вдруг в дверном проеме мама. Такая красивая, худенькая, с талией, как соломенная тросточка, кроха, а не женщина. Красивая у меня мама. Вся в меня. — За стол, вас только ждут.

Дедушка обернулся, бросил на меня взгляд, полный театрального сожаления, и со скрипом оторвался от пола.

— Идем-идем, а мы здесь, понимаешь, с внучкой разговорились, у нее же день рождения сегодня, так, внучка?

Так точно, день рождения у меня сегодня.

Мама стыдливо отвела глаза в сторону. Помнит, конечно, но не до этого ей сейчас, вон, сколько народу пришло, сколько еды нужно приготовить, и приготовила ведь.

А за столом, и в правду, все собрались. Шестнадцать человек, больше, чем когда-либо.

Я села рядом с дедушкой, и он сразу начал за мной ухаживать. Аккуратно так, будто я вся из хрусталя была сделана, одно неловкое движение, и все, рассыплюсь, в банку меня пересыпят, куда мама разбитые кружки перекладывает в надежде на то, что когда-нибудь кто-нибудь их склеит. Хотя дед для меня отдельную банку нашел бы. Я уверена.

— ...Ну...

Это заговорил мой отец, с бокалом в руке, мальчишка, ей-богу, любит он длинные речи, ой, как любит, и все слушают, но говорит он действительно хорошо. Что-то про старый год, про то, что много в уходящем году было хорошего (мамино новое платье, купленное в январе, а впервые надетое только сегодня, новая машина, мои успехи, новый роман Маркуса Зусака, отдых летом в Алтайском крае и семейные встречи, коих в этом году было больше, чем в прошлом). Все молча кивали, а когда начали чокаться, я опять размечталась. Мне надо стать писателем! Не дедушка, так я стану вторым Толстым. Не писателем — Толстым! Писателей много, всяких разных, а Лев Николаевич, он один! Второй быть не страшно.

Дедушка много рассказывал про бабушку. Про Тошу. Но рассказывал только мне, по большей части. Доверял, наверное. Истории в основном были смешные, правда, с легкой грустинкой. Но одна была по-настоящему грустная. Это подвиг одного человека для другого.

Началась она чуть более года назад, а закончилась совсем недавно. Не помню, сколько времени прошло, кажется, уже осень была.

Такое случается, что люди болеют. Это нормально. Мы не герои из сказок, мы — обычные люди, ходим к врачу, принимаем лекарства. Вот и Антонина Александровна как-то заболела. Пошла к врачу, но лекарства ей не дали, рецепта не выписали, а вместо этого попросили родственников приехать. С вещами. Приехали все. Каково было дедушке, я даже представить не могу, но виду он не подавал. Орел!

А потом бабушку положили в больницу, прописали постельный режим, и отказаться от него было не во власти мужчины моей мечты.

Это было лучшее время в моей жизни. Я приходила к бабушке каждый день после школы и оставалось там много дольше, чем было положено. Врачи ничего не говорили, не будут же они выгонять маленькую девочку силой, не позовут же охранников?

Мы играли с Антониной Александровной в мяч. Она лежала в постели, а я стояла у самой стенки, мы перебрасывали друг другу маленький кожаный шарик и часами разговаривали. Нас охватил самый настоящий голод по разговорам, мы никак не могли наговориться. Говорили обо всем подряд, про маму, папу и врачей, про деда, естественно. Для этих разговоров у нас был выделен специальный день. Четверг.

Бабушка много смеялась, зачастую до слез, а иногда даже задыхалась, страшно, признаюсь, бывало, но все обходилось. Вообще-то, удивительная женщина моя бабушка и немного странная. Сначала нянчится со мной, как с кричащим карапузом, а потом вдруг начинает вдаваться

в глубокие размышления, которые я с трудом понимала. Помню, она тогда сказала:

...Нет, возможно, Катя, ты сейчас этого и не поймешь, но потом... потом обязательно поймешь. Твой дедушка никогда мне не изменял! Не вдавайся в подробности, маленькая, в этой взрослой чепухе ты еще успеешь покопаться, я хочу тебе сказать, что твой дедушка никогда не заставлял в себе усомниться, и никогда, повторяю, никогда не изменял. Любил в семнадцать лет, любит и сейчас, а завтра? Завтра тоже будет любить, вот это то, чем можно гордиться! Твой дедушка не ездит на дорогой машине, зато такую семью построил, это не каждому дано. И ты, видишь, какая умненькая вышла, спасибо деду скажи...

А я смотрела на бабушку в тот день и чуть не ревела. Она так восхищалась дедушкой, что я тоже вдруг захотела стать старой, и плевать на институт, на медовый месяц и прочую взрослую ерунду, которую все так ждут, я хочу как бабушка!

Мы с ней продолжали играть в шахматы и мяч, я читала ей стихи и пьесы, и она не могла нарадоваться на меня. Но последнюю партию в шахматы мы так и не доиграли. Бабушка вдруг начала как-то странно переставлять фигуры: пешкой — на два хода назад, конем — по прямой, а ладья бегала по полю как ненормальная. Я старалась делать вид, что все хорошо, ничего страшного не произошло, но она вновь ходила не по правилам, а я продолжала делать вид, что все хорошо.

Худшее, что можно делать в такой ситуации, это делать вид, что все хорошо.

Дедушка не отходил от Тоши, от маленькой крохи, которая за последнее время стала совсем уже маленькой, как-то высохла. Ее глаза серели, и с каждым днем в них оставалось все меньше понимания, бабушка словно спала с открытыми глазами, ворочалась в постели и стонала.

Когда я видела бабушку в последний раз, она даже меня не узнала. Мне стало страшно, по-настоящему страшно, как не было еще никогда.

— ...ты, наверное, к своей маме пришла? — И взгляд такой пустой, как картонная коробка.

А дед сидел рядом и держал ее за руку. При бабушке он не мог позволить себе слез, и только за дверью палаты его разгрызало адское чувство несправедливости, он врезался ногтями в голову и кричал, как кричат люди, которых душат. Дедушку душила смертельная боль, он не мог этого вынести, не мог представить свою жизнь без трогательной, хрустальной души маленькой феи, которая наполняла все его существо на протяжении века. Его века. Он раздирал свою душу в клочья в коридорах больницы не-

сколько минут, всего несколько минут, а потом, как ни в чем не бывало, возвращался в палату, понимая, что это последнее лето...

К сентябрю в постели была серая тусклая, холодная тень, почти чужой человек, незнакомый слепок чужака. Эта была история двоих, и дедушка уже никого не впускал в палату, кроме врачей. Только он мог видеть, в каком состоянии пребывала бабушка.

И все же его не отпускали воспоминания, которые, в сущности, и составляли хрупкий образ Тоши. Ее губы, столь удивительные в своей красоте, что, казалось, их не Мать-природа создала, а гениальный скульптор ваял из чудесных цветов. Ее карие глаза, от которых сходили с ума все мужчины, глаза, как две капли шоколада... Ее маленькие, как у куколки, руки, и всегда теплые, как у ребенка, пальчики. Каждая мелочь в Антонине Александровне восхищала дедушку, она была для него нежной хрустальной феей.

Как-то давным-давно они поклялись друг другу, что никакие беды не сломают их любовь. А сейчас, в последние дни последнего лета, бабушка лежала в белой пелене простых коротких мыслей, а дедушка смотрел и еще больше влюблялся в нее. Несмотря на сухость кожи, на тусклый взгляд, на конвульсию мыслей, это была все та же Тоша, все та же Антонина Александровна, та же Парижанка, которую он любил. Это была она, бабушка, просто в другой форме. В незнакомой и пугающей форме, но не имеющей никакого значения, если любишь человека. Если отдал ему свой век, а взамен забрал его.

Дедушка продолжал читать ей Чехова, продолжал читать стихи, любимые Тошей — Цветаеву и Евтушенко. Продолжал готовить ей соки из ее любимых гранатов и апельсинов. Каждый вечер выливал их в раковину, и каждое утро делал заново. Продолжал разговаривать с ней, держал ее в курсе всех событий, рассказывал о политике, о новостях спорта и культуры, но, конечно, больше всего рассказывал о семье, и, в частности, обо мне. Ведь бабушка меня очень любила.

А потом началось совсем страшное. Невозможно об этом рассказывать, единственное, что хотелось бы сказать — об удивительной преданности моего деда.

Этой преданности не было предела, она была вся в нем, и строилась на вере, что, может, это не конец, что есть обратный путь, и все еще вернется. Дедушка действительно верил в чудо. Вдруг это случится — вдруг?! Так что никак нельзя не разговаривать с Тошей, никак нельзя держать ее в глухой изоляции, она все должна знать. И дедушка до самого последнего дня того лета каждый вечер обнимал ее худенькую веточку своими ручонками, обнимал и целовал, медленно и горячо, обжигая огнем остывшей

страсти ее кожу и ее сердце. Бабушка чувствовала это. Мы с дедом в этом уверены, а иначе — зачем это все? Она все понимала, все чувствовала и страдала не меньше деда, только показать не могла. Вот и вся разница.

Его руки каждый вечер плавали по жидким седым волосам счастливой женщины, которая до последнего своего вздоха оставалась любимой.

И все же этот последний вздох случился.

Что было с бабушкой, никому не узнать, ведь он никогда не подавал виду, но с того дня каждый вечер отправлялся в гараж, на час, не больше, и возвращался весь красный. Как человек, которого душат.

Но в тот Новый год дедушка никуда не пошел и исполнил мое желание. Правда, первого января. Рассказал веселую историю, которую я не слышала раньше.

Оказывается, они с бабушкой были в Париже. А я и не знала. Дед несколько лет копил деньги на эту поездку, собрал кучу бумаг, получил ряд отказов, но, в итоге, проломив бюрократическую стену, вывез любимую во Францию. А там они прыгали на матрацах! Музей, башни, арки — это да, но матрацы-то бесплатно! Дурачились! Нашли в пригороде заброшенную шоколадную фабрику, а рядом с ней гору матрацев, и прыгали на них по очереди с высоты четырех метров. С обрыва. Думали, их никто не видит. Да никто и не увидел, кроме группы из сорока школьников. Сорвали весь педагогический процесс. Французские дети, может, и не бросаются едой и за косички не дергают одноклассниц, а вот на матрацах с взрослыми попрыгать — это, пожалуйста. Так вот и случилось, что под вечер двое взрослых влюбленных да еще сорок французских детей со всей мочи врезались своими телами в мягкие пуховые матрацы. Впрочем, какие влюбленные взрослые? Дети, искренние и наивные! Так в пригороде Парижа, на заброшенной шоколадной фабрике сходили с ума сорок два ребенка. Но двое из них сошли с ума до конца.

От любви. Настоящей.

А сегодня у нас новогодний праздник, и мой день рождения. В честь меня даже песню спели всей семьей. Папа играл на гитаре, не очень хорошо играл, но в этой его непутевости было что-то и смешное. Все танцевали, было много еды и конфет, взрывались салюты, всем было хорошо, а потом еще и петь хором начали, вместе со мной и бабушкой.

Он, кажется, вновь поймал свое счастье. Может, и во мне. Может, и ненадолго. Даже если всего на один день. На один вечер. Но в этот вечер, я уверена, он мыслями был только с Антониной Александровной Кудровой, со своей любимой Тошей, с Парижанкой, весь с ней, целиком.

Она ведь тоже тридцать первого декабря родилась. □

Сергей Мнацаканян

Не вернуть, не вернуть
навсегда уходящего мига.
Ах, лети, дорогая,
за теплым трамвайным стеклом...
Зная каждый тупик
на окраинах зимнего мира,
я, подняв воротник,
сквозь поземку рвану напролом...

И достаточно этого лада,
чтобы жить, не впадая в тщету,
и достаточно нежного взгляда
на страдание и нищету...

Преисподняя, словно награда,
преисполнила верою в свет,
потому что без этого ада
благодати и радости нет.

Ничего, кроме этого ада,
в мире нет — и поэтому всласть
человечеству бедному надо
верить в долг, уповая на страсть.

Неспроста, как хмельная отрада,
поднебесная правда крива,
и рыбацкая сеть снегопада
ловит души в свои кружева.

ДЕКАБРЬ

Так второго и третьего сердце щемило,
что и пульс обрывался гнилой бечевой,
и казалось — по сердцу все
трещины мира
пролегли, разрывая его.

А сквозь трещины эти являлись виденья,
ослепляя на все времена,
чтобы там, где в просветы срывались
каменья,
приоткрылась иная страна.

В ту страну поезда не отходят с перронов,
самолет не рванет в те края,

ДРУГУ

Ты потерянный человек,
постаревший, безумный,
брошенный,
седойной вовсю припорошенный,
как бессмысленный соловей.

Пусть потеряны смысл и цель,
пусть окрест потрясают копьями,
ты стоишь под густыми хлопьями
и заносит тебя метель...

Ты не виден уже в ночи —
все равно не услышат в сумерках

голос твой, этот крик
об умерших,
хоть кричи, а хоть не кричи...

Ты потерянный навсегда
и терзает тебя бессонница,
муки нежности, муки совести,
прочий бред и твоя беда.

А над миром несется снег,
пролетают пришельцы тайно,
жизнь чудесна и необычайна...
Так проходят за веком век.

Снова снежно за душой,
снова заморозки схватят,
хрустнет снег, как хорошо
накрахмаленная скатерть.

А вселенная — бела,
окна, двери, клены, время...
социальные дела,
непечатные проблемы...

Так просторно, так светло,
как бывает в жизни редко,
утром глянешь на стекло —
словно в изморози ветка!

А опять бегом, стремглав,
на свиданье, на работу,
а морозец влез в рукав
безо всякого расчета...

Ты расстанешься с тоской —
неизбынно это благо:
снег, доверчивый такой,
словно писчая бумага.

Воробьиная семья
без помарки, без ошибки
зябкий снег клюет с утра
типа старой пишмашинки.

Понимаешь? — от души
после первого морозца
все, что хочется, пиши! —
это вскорости сотрется.

И аукнутся снега,
заметая наши раны,
наши творческие планы,
окна, клены и века... □

Александр Аннин

НЕРАЗГАДАННАЯ Тайна

Исаака Бабеля

75 лет назад, 27 января 1940 года, после истязаний, был расстрелян «за шпионскую деятельность против СССР» Исаак Эммануилович Бабель.

Его житейское благополучие и прочное положение на Олимпе

советской литературы — все это рухнуло в одночасье. Майским утром 1939 года 45-летний, пышущий здоровьем Бабель прогуливался возле своей дачи в Переделкино. Настроение было хорошее, и он, разговорившись с соседом, сказал философски: «Две вещи не удастся мне испытать в жизни: никогда я не буду рожать, и никогда не посадят меня в кутузку». «Ой, Исаак Эммануилович, не зарекайтесь! — испугался сосед. — Как говорится, от сумы да от тюрьмы... В ответ Бабель снисходительно усмехнулся: «Э-э, бросьте... С моими-то связями...»

На следующий день, 15 мая 1939 года, Бабель был арестован...

Лишь немногие догадывались, что истинной виновницей трагедии была супруга кровавого наркома внутренних дел Николая Ежова — сердцеядка и страстная искательница приключений. В кремлевских кругах Евгению Ежову называли «Стрекоза» — по причине ее крайнего легкомыслия...

Не отличался житейской мудростью, равно как и осторожностью, и «классик советской литературы» — так Исаака Бабеля называли еще при жизни. Авантюрный, рискованный склад его характера стал отчетливо проявляться уже в ранней юности. Этот щедушный, анемичный паренек легко подчинял себе женщин. По воспоминаниям современников, он имел над ними поистине дьявольскую власть, за что ему люто завидовали и друзья, и недруги.

Некий мистический намек на темные силы этой личности содержится в самой фамилии писателя.

В «Завете Соломона» упоминается inferнальный дух по имени Бототель, он же — Бобель. Это один из духов — правителей тьмы. Именно Бобель, а не Бабель — фамилия предков «певца революции». Исаак Эммануилович родился в Одессе, на Молдаванке, в 1894 году, и назывался Бобелем до десятилетнего возраста.

Но уже с 1905 года Бобели решили сменить одиозную фамилию и стали Бабелями.

В 1912 году юный Исаак уехал учиться в Киев.

Дочь богатого фабриканта, рыжеволосая гимназистка Евгения Гронфайн, которую Бабель называл «ангел Женечка», влюбилась в неказистого студента. Однако Гронфайн-старший считал Бабеля негодным кандидатом в зятя. Оскорбленный Исаак впервые в жизни пошел на неслыханную авантюру: похитил девицу и увез ее в Одессу...

Не удивительно, что Бабель приветствовал приход советской власти: это был момент его торжества над жадным и гордым тестем, который лишился всего и, по слухам, умер от голода. А Бабель к 1920 году уже имел комиссарское звание и странствовал с Первой конной по дорогам войны.

Всю кровь и резню Гражданской войны Бабель выплеснет потом в рассказах, которые Маяковский

опубликует в журнале «Леф» в 1924 году. Эти-то истории и составят знаменитый сборник «Конармия».

Буденный был взбешен этой книгой, назвал ее клеветническими домыслами, а самого Бабеля — дегенератом от литературы. Полководец открыто требовал расправы над автором «Конармии». Бабель же потешался от души...

На гребне славы он вместе с «ангелом Женечкой» перебрался в Москву, где они получили роскошную двухэтажную квартиру на Таганке.

В Москве «ангел Женечка» серьезно увлеклась живописью. А Бабель — актрисой театра Мейерхольда Татьяной Кашириной. И тоже — весьма серьезно... Вскоре у Бабеля и Кашириной родился сын, которого писатель назвал в честь своего отца — Эммануил. Правда, Каширина после долгих раздумий выйдет замуж за другого писателя — Всеволода Иванова; и сын Кашириной и Бабеля станет не только Ивановым по фамилии, но и Михаилом по имени.

В дальнейшем Иванов всячески ограждал Михаила от его биологического отца. Возможно, это было продиктовано тем, что после выхода «Конармии» многие считали писателя субъектом с явно садистскими наклонностями. «Он болен, серьезно болен!» — шептались за спиной у Бабеля.

Для Исаака Эммануиловича драматическая связь с Татьяной Каши-

риной закончилась разрывом с женой: «ангел Женечка» крепко обиделась на мужа-изменника и покинула Россию, навсегда переехав в Париж, будучи окрыленной лестными отзывами о своем таланте художника-акварелиста.

Бабель тяжело переживал ее отъезд... Страдал... Плакался в жилетку всем подряд... С тоски он напросился в продотряд, шерстивший крестьян голодающего Поволжья...

А весной 1927 года Бабель отправился в Европу, благо в то время (сейчас об этом мало кто знает) границы СССР были практически открыты для выезда, а паспортного режима еще не существовало. По

Евгения Соломоновна происходила из многодетной семьи бедного гомельского ремесленника. С детства она мечтала носить самые модные платья и шляпки и, помимо вереницы ухажеров, иметь статусного мужа.

Впрочем, первым ее мужем стал слесарь Хаютин — для Гомеля такой брак был выдающейся партией. Но после революции наступило время дерзких личностей. Сословные границы рухнули. Евгения бросила суженого и вышла замуж за красного командира Александра Гладуна. Он-то и перевез ее в Москву. Здесь она соприкоснулась, наконец, с той жизнью, о которой грезила с детства: встречи со знаменитостями, шикар-

В

сю кровь и резню Гражданской войны Бабель выплеснул в рассказах, которые составили знаменитый сборник «Конармия». Буденный был взбешен этой книгой, назвал ее клеветническими домыслами, а самого Бабеля — дегенератом от литературы, и требовал расправы над автором «Конармии». Бабель же потешался от души...

пути в Париж Исаак Эммануилович остановился в Берлине, где произошла его судьбоносная встреча с другой рыжекудрой Женечкой — Евгенией Хаютиной-Гладун, в девичестве — Фейгинберг.

«Я пригласил Гладун покататься по городу в такси, убедил ее зайти ко мне в гостиницу. Там произошло наше сближение», — признавался Бабель спустя 13 лет, во время допроса.

ные платья, конфискованные у дворянок...

В Берлине Бабель понял, что повстречал женщину своей мечты. Они были словно созданы друг для друга: оба — любители интриг, жадные до приключений. Лишь в ноябре 1927 года Бабель расстался-таки с Евгенией Гладун и уехал в Париж — под крышу квартиры на Монмартре. Здесь, среди богемной элиты, оби-

тала его первая жена, «ангел Женечка». Ее акварели уже имели некоторый успех на выставках импрессионистов. Во всяком случае, на жизнь «ангелу Женечке» хватало. Чего нельзя было сказать про самого Бабея. Все его попытки взять в долг энную сумму наталкивались на стойкое недоумение, и он с горечью осознал, что Париж — не Москва; здесь не дают займы постороннему

человеку, даже если человек этот где-то там и чем-то там знаменит.

Однако кое-кто из окружения жены читал-таки рассказы Бабея. Более того, Исаак Эммануилович с изумлением узнал, что в Париже его именуют «маркиз де Сад русской революции».

И Бабель принялся изучать исторические материалы о личности реального маркиза де Сада. Он был

поражен: как много общего у французского аристократа и у него, выходца из семьи одесского коммерсанта! Оба они своим творческим взлетом обязаны революции. Как и де Сад, Бабель считал насилие совершенно естественным для природы человека. Де Сад утверждал, что человек — лишь жалкая песчинка в мире террора всех видов, и, прежде всего, — сексуального. И для Бабеля в его рассказах все живое — комиссары, казаки, крестьяне, одесские бандиты, кони и петухи — интересно, прежде всего, как плохое или

Николай Ежов

Внизу: *самый маленький — Николай Ежов — крайний справа*

*Жена Николая
Ежова —
«Стрекоза»
Евгения
Ежова
(Гладун)
с приемной
дочерью
Натальей*

хорошее топливо для революционного котла. Насилие возведено у Бабеля в абсолют. Есть мнение, что советская литература 20-х появилась на свет благодаря такому общественному явлению того времени, как садизм, ставший ее гимном. И Бабель талантливо исполнил этот гимн.

...Он вроде бы примирился с супругой — во всяком случае, через девять месяцев после его отъезда из Парижа, а именно — 17 июля 1929 года, «ангел Женечка» родила дочь Наталью.

Но... Парижская жена, хоть и согласилась исполнять супружеский долг, однако содержать мужа не желала.

Бабель заглядывал и на Капри к Горькому: здесь-то, был уверен он, его примут с любовью и похвалой. Возможно, даже дадут займы. Ведь Горький еще с 1916 года покровительствовал Бабелю, опубликовал его первые рассказы в своем петроградском журнале «Летописи».

Правда, после выхода этих рассказов их автор был привлечен к уголовному суду за порнографию. Впрочем, на счастье Бабеля, февраль 1917-го снял с него все обвинения.

Горький действительно радушно встретил Бабеля. Но денег не дал: к тому времени Алексей Максимович и сам сидел на мели.

*Исаак
Бабель*

Впоследствии Бабель намекал, что именно он-то и уговорил Горького вернуться в Россию, пробудив в нем ностальгию по родине. На самом деле причины возвращения Алексея Максимовича в СССР были, конечно же, куда глубже. А точнее — причины те же, что и у Бабея: оба они были в то время по-настоящему нужны только советской власти.

Вместе с Горьким и другими писателями Бабель отправляется в пре-

стижнейшую поездку по маршруту «Москва — Беломорканал — Москва». Одно лишь участие в этом рейде означало высокую степень литературного признания, то есть, признания со стороны товарища Сталина. Кто бы мог подумать, что уже вскоре большинство писателей, «отметившихся» в поездке, будут расстреляны по его приказу!

Бабель был поражен той атмосферой насилия, подавления лично-

сти, которая царила на Беломорканале. Но именно это и являлось предметом его творчества.

В 1931 году Бабеля приняли в Союз писателей СССР.

Казалось, он достиг всего, о чем только мог мечтать. Признание властей и миллионов читателей, постоянные приглашения в высшее общество... И — возможность не заботиться о хлебе насущном.

Но судьба внезапно сделала крутой поворот. В том же 1931 году, на очередной элитной вечеринке, Бабель встретил свою берлинскую любовницу — Евгению Гладун. И узнал, что теперь она вовсе даже не Гладун... Евгения щеголяла среди кремлевского бомонда в качестве жены заведующего организационно-распределительным отделом ЦК Николая Ежова, вскоре ставшего наркомом внутренних дел. Да, она, как и Бабель, тоже добилась всего, о чем мечтала. Заполучила статусного мужа. Да какого!..

Но не такими людьми были Исаак Бабель и Евгения Ежова, чтобы успокоиться и зажить мирной, сытой жизнью. Они не мыслили свою судьбу без постоянного риска, опасных связей и любовных авантур.

И страсть между ними вспыхнула с новой силой.

...Бабель не был ревнив, Николай Ежов — тоже. Его вполне устраивал такой брак: супруга окружила его женской заботой, обустроила холостяцкую квартиру, кормила Ежова

*Евгения Ежова
с приемной дочерью Натальей*

вкусным, горячим супом. А готовила она просто восхитительно!

Как-то Илья Эренбург спросил Бабеля, зачем он ходит к жене Ежова? Зачем искушает судьбу, играет со смертью — неужели мало других женщин? Бабель таинственно ответил, что хочет разгадать загадку.

Какую же?

Исаака Эммануиловича до крайности интересовало, зачем подвергать небывалому в истории террору страну с таким феноменально покорным народонаселением? Как могло случиться, что кучка безобидных, на первый взгляд, авантюристов, придя к власти и едва понюхав крови, превратилась в неутомимых палачей, людей без жалости и сострадания... И каков вообще механизм перевоплощения обычного че-

*Бабель,
Антонина
Пирожкова
и дочь Лидя*

ловека в садиста — механизм как нравственный, так и физиологический? Бабель замысливал создать эпохальный роман о садизме, героем которого должен был стать Ежов. Роман о загадке маленького человека, которого власть над людьми делает маньяком и убийцей.

Именно поэтому его так влекло в квартиру Ежовых... А ведь ко времени взлета Николая Ивановича Ежова у Бабеля уже была молоденькая гражданская жена — Антонина Пирожкова, инженер-метростроитель. В феврале 1937-го Пирожкова родила Бабелю дочь Лиду.

...Летом 38-го пошатнулось могущество наркома внутренних дел Ни-

колая Ежова. Он делал судорожные попытки спастись от сталинского гнева. Объявил о своем разводе с женой, внутренне осознавая, что именно она является причиной его опалы. Но развод в те времена — это лишь полдела. Стрекоза была обречена на смерть.

В ноябре 1938-го труп «Рыжеволосой Суламифи» обнаружили в подмосковном санатории, где она отдыхала. Вердикт следствия: отравление люминалом, самоубийство...

Тогда же, в ноябре, Сталин прилюдно назвал Ежова мерзавцем. Был ли это намек, понятный только им двоим — диктатору и наркому внутренних дел? И если Стрекоза

не покончила с собой, а была отравлена, то по чьему приказу?

Ежова арестовали в апреле 1939 года. К тому времени Стрекозу уже посмертно объявили английской шпионкой. Дело в том, что за несколько недель до ареста Ежова на Лубянку был доставлен второй муж Евгении Соломоновны, комиссар Александр Гладун. Под пытками он дал показания, что был завербован

ский подвал «шпион» Исаак Бабель.

Кстати, документальных свидетельств и протоколов уничтожения рукописей Бабеля нет. И, возможно, когда-нибудь увидят свет наброски его романа — страшные свидетельства жизни «людей власти» в мрачные годы тоталитаризма. Романа, который Бабель никому не показывал.

...В Сухановской тюрьме, посреди разоренного храма святой Екате-

Н

иколай Ежов под пытками признался в своей шпионской деятельности при посредничестве жены. А через месяц после его ареста был брошен в лубянский подвал и «шпион» Бабель. В Сухановской тюрьме, посреди разоренного храма святой Екатерины, они оба были поочередно расстреляны и потом сожжены в мазутной печи...

английской разведкой через свою жену Евгению. Это якобы произошло в 1927 году в Берлине. В то самое время, когда Стрекоза сблизилась с Бабелем.

Эти показания Александра Гладуна позволили арестовать и расстрелять всех мужчин, состоявших в близких отношениях с «Рыжеволосой Суламифью». Разыскали и казнили даже ее первого мужа — безобидного гомельского слесаря Хаютина.

Под пытками признался в своей шпионской деятельности и Николай Ежов — он, дескать, также был завербован иностранной разведкой при посредничестве его жены. А 15 мая 1939 года, через месяц после ареста Ежова, был брошен в лубян-

рины, были поочередно расстреляны и затем сожжены в мазутной печи Исаак Бабель и Николай Ежов. Бабель — 27 января, а Ежов — 4 февраля 1940 года.

Прах Исаака Бабеля захоронили в так называемой «могиле номер один» в Донском монастыре. В эту братскую могилу также ссыпали пепел Михаила Кольцова. Чуть позже, по личному распоряжению Сталина, к их останкам прибавится прах Николая Ежова.

Над этой общей могилой, разумеется, не было установлено никакого надгробия. Но рядом, буквально в метре, уже высился столбик с неприметной табличкой: «Евгения Хаютина». □

МОЯ

О.Л. Д'ОР

Кандидатура в депутаты

Честное слово, не по Твену

Я

Как русский гражданин, я привык к ударам судьбы. Поэтому когда партия выставила мою кандидатуру в члены Государственной Думы, я не растерялся.

— Не запугаете! — сказал я спокойно. — От тюрьмы и сумы все равно никто не застрахован. Одним шансом больше, одним шансом меньше...Пустяки!

И я склонил голову, покорившись судьбе.

Жена приняла весть о моей кандидатуре с наружным спокойствием, но скоро вышла из комнаты, а когда вернулась, глаза у нее были заплаканы.

Несколько раз она заговаривала о Герценштейне и Иоллосе, расстрелянных черносотенцах, но я успокаивал ее.

— Союзные пули, — говорил я убежденно, — теперь потеряли свою смертельную силу... Финляндский суд отучил желторубашечников убивать из-за угла...

— Конечно, конечно, — соглашалась со мной жена. — Но пуля — дура, а браунинг — дурак. Кажется, так сказал Суворов.

Ночь я провел неважно. В голову лезла всякая дрянь: то реплики правых, то речи октябристов.

Заснул только под утро.

Два дня газеты не знали о моей кандидатуре и продолжали относиться ко мне превосходно. Говорили обо мне с уважением и посылали ко мне интервьюеров по поводу важнейших событий. Каждое интервью со мной почти во всех газетах начиналось так:

«Наш уважаемый Михайлов (это моя фамилия) в беседе с нашим сотрудником высказал весьма ценную мысль».

«Сотруднику нашей газеты посчастливилось узнать мнение г. Михайлова».

«Г. Михайлов встретил нас ласково и, взглянув на нас своими умными пронизательными глазами, улыбнулся своей очаровательной улыбкой».

И все в таком духе. Но, узнав, что я буду баллотироваться в члены Государственной Думы, отозвали своих интервьюеров и подняли против меня «знамя пророка».

На третий день газеты уже были полны статьями обо мне. Я читал, ужасался и восклицал после каждой строки:

— Господи! Какой злодей! Не понимаю, как еще меня земля держит!..

В газете крайне правых «Пей, Бей и Удирай» писали про меня: «Не будем говорить о мелких убийствах, совершенных г. Михайловым в его бытность вожаком крайних максималистов.

Позволим себе только заметить, что во всех экспроприациях г. Михайлов участвовал и забирал себе из награбленных денег львиную долю.

Во время правительства Витте (тьфу! тьфу!) и совета рабочих депутатов (тьфу! тьфу!) г. Михайлов за удачное ограбление московского банка был назначен на весьма высокий пост.

На Невском в это время нередко встречали г. Михайлова гуляющим в обнимку с советом рабочих депутатов.

Получив власть, этот инородец немедленно поспешил выписать своих сородичей — грузин и евреев, и заполнил ими все тепленькие местечки в департаментах.

Теперь г. Михайлов хочет попасть в Государственную Думу, которая, в сущности, не существует.

Русский народ! Возьми дубину, револьвер, нагайку и скажи свое мощное "русское слово"..."»

Прочитав эти строки, я сказал себе:

— А, так ты вот какой молодец! Убийца, экспроприатор, грабитель! Отныне я с тобой не знаком...

И решил при встрече не подавать себе руки.

В следующий раз я развернул газету крайне левых «Короткий век» и нашел о себе следующие строки:

«Г. Михайлов теперь решил баллотироваться в члены Государственной Думы, которую мы бойкотируем.

Что ж, в добрый час! Мы просим только господ избирателей, когда с шаром подойдете к урне, вспомните одесский погром, вдохновителем и руководителем которого был г. Михайлов.

Г. Михайлов первый ввел в учебных заведениях процентную норму. Ему крестьяне обязаны безземельем, засухами, градобитиями и карательными отрядами.

В памяти всех еще свежо воспоминание о проекте г. Михайлова, в котором он предлагал натравливать армян на грузин, татар на калмыков, евреев на татар, русских на евреев.

Теперь этот господин старается проникнуть в Государственную Думу (ничтожное учреждение) и законодательствовать...

Неужели мало черносотенцев в Думе?!»

— Злодей! — воскликнул я, прочитав газету. — Не смей больше раскланиваться со мной!

С этой минуты я перестал раскланиваться с собой.

Газета «Беспартийный шантаж» ограничилась тем, что напечатала мою биографию. Вот что я узнал о себе:

«Первоначальное воспитание г. Михайлов получил в колонии для малолетних преступников.

Вышедши оттуда, он сделался присяжным поверенным, но время от времени продолжал заниматься кражами с взломом.

После одной неудачной кражи в церкви г. Михайлова приговорили к арестантским ротам на несколько лет.

Отбыв наказание, он занялся литературой и шантажами в банках.

Приходил к директорам банков, посылал им карточку, на которой было напечатано: «Михайлов. Сотрудник газет» и заставлял их открывать десятитысячный кредит для своей газеты.

Занимался он также писанием шантажных романов.

В конце концов, он попался и угодил на каторгу.

С каторги он бежал и, чтобы загладить свою вину, стал бюрократом, на каком поприще немало отличился.

Между прочим, г. Михайлову приписывается изобретение виселицы и пытки огнем.

Но и будучи бюрократом, г. Михайлов не мог отвыкнуть от своих дурных наклонностей.

Однажды он украл самовар у сановника, к которому был приглашен на чай.

Пришлось бедному сановнику остаться без чая и самовара».

В конце биографии редакция «Беспартийного шантажа» сделала приписку:

«Вот биография г. Михайлова. Выбирайте его, если хотите. Наше дело — сторона».

— Теперь, милостивый государь, — сказал я себе после прочтения моей биографии, — извольте выйти вон из моего дома. Считаю для себя позором жить с вами под одной крышей.

Не знаю, удастся ли мне расстаться с самим собой и поселиться на отдельной квартире?

А сделать это я решил твердо после того, как прочитал о себе в «Беспартийном шантаже».

«Рыбьи пляски», 1912 г. □

Публикация **Рафаэля Соколовского**

Те же Глаза, ИЛИ ИСТОРИЯ

Ирина
Опимах

Валентин Серов за свою не такую уж долгую жизнь — он умер в 46 лет — написал огромное количество портретов. Тут и очень важные государственные чины, и даже члены царского семейства, генералы, политики, богатые промышленники и их очаровательные жены. Ну и, конечно, его друзья, художники, артисты, пи-

В 1880 году пятнадцатилетнего Тошу (так его все называли дома) зачислили по рекомендации Репина, дававшего ему уроки, в петербургскую Академию художеств. Серов попал в класс П.П. Чистякова, где подружился с Михаилом Врубелем, Константином Коровиным и Владимиром Дервизом. Молодые люди много и увлеченно работали, оттачивали рисунок и композицию, а потом с удовольствием вместе отдыхали. Часто вечерами они приходили в дом тетки Серова Аделаиды Семеновны Симонович, на Кирочную улицу. Аделаида Симонович стала, по сути, второй матерью Серова. Ее сестре Валентине всегда было не до сына. Совсем юной она поступила в консерваторию, была талантливой пианисткой. Как это часто случается, влюбилась в своего учителя, уже немолодого композитора Александра Серова, автора известных опер «Рогнеда» и

«Вражья сила», вышла за него замуж (ей было тогда 17 лет!) и родила сына, будущего знаменитого художника. Рано овдовев, Валентина Семеновна не оставила музыку — она стала первой в России женщиной-композитором и даже написала оперу, которую поставили в Большом театре. Ко всему прочему, увлекшись идеями Чернышевского и народников, она организовывала народные театры и коммуны. В общем, ей некогда было заниматься сыном, и хорошо, что рядом оказался Репин, который взял способного мальчика под свое крыло, обратив внимание на его яркие способности. Вот почему настоящей семьей для Серова стал шумный дом его тетки Аделаиды. Надо сказать, Аделаида Семеновна, как и ее сестра, была незаурядной натурой. Российская педагогическая наука знает ее как основательницу детского дошколь-

ДВУХ ПОРТРЕТОВ

сатели. Но два портрета — «Девушка, освещенная солнцем» и «Портрет М.Я. Львовой» — выделяются какой-то особенной теплотой, особенной нежностью. Оба хороши, хотя и написаны в разные годы. Один портрет более известен, он хранится в Третьяковской галерее, а второй знают и видели далеко не все почитатели таланта замечательного русского художника...

*Летом.
Портрет
О.Ф. Серовой*

ного образования. Выдержав экзамен на звание домашней учительницы, она пыталась поступить в Московский университет, но не поступила, зато вышла замуж за детского врача и педагога Якова Мироновича Симоновича и уехала в Швейцарию, где и получила высшее образование. Затем Симоновичи вернулись в Россию (Герцен, к которому они ездили в Лондон и которого глубоко уважали, сказал, что Россия остро нуждается в таких талантливых молодых людях, как они). В 22 года Аделаида открыла первый в России детский сад, начала издавать журнал «Детский сад» и писала книги о педагогике.

В общем, Тоша обожал Симоновичей и с удовольствием приводил сюда своих друзей.

Там их всегда ждали — с вкусной едой, музыкой, стихами... А еще тут были три очаровательные девушки —

дочери Аделаиды Семеновны Маша, Надя и воспитанница Оля Трубникова. Врубель увлекся Машей, Дервиз — Надей, а Серов — Олей. Все оказалось очень серьезно. Как-то Врубель карандашом набросал портрет Маши, позже изобразил ее в образе Тамары в «Демоне», потом и Офелией... Он звал ее с собой в Киев, но Аделаида Семеновна не разрешила. (Видно, чувствовала, что жизнь с Врубелем не принесет счастья ее дочери.) Через несколько лет, в 1889 году, Серов женился на Оле Трубниковой, ставшей ему верной и все понимающей женой. А Дервиз (кстати, барон, и небедный) женился на Наде и купил имение Домотканово, в 18 верстах от Твери, где и поселился со своей юной супругой. Ясное дело, теперь все члены семейств Серовых, Симоновичей и Дервизов встречались там, на лоне природы — жили, работали, отдыхали. Ставили

спектакли, музицировали, читали. Обсуждали пути развития искусства и пути развития своей страны. Русские интеллигенты всегда любили поспорить о том, куда мчится русская тройка и правильно ли управляет ею ямщик. А еще, кто виноват и что делать? Но главное — работа, искусство. Вскоре Домотканово превратилось в настоящий культурный центр Тверской губернии. «Это какое-то государство в государстве», — жаловался тверской губернатор. Серов любил Домотканово. «Ароматный воздух полей проникал в самую душу, — вспоминала дочь художника Ольга. — Дом окружал

прохладный парк, который приводил к девяти прудам, а затем начинался еловый лес. Отец приезжал сюда, как в родной дом». В Домотканове Серову всегда легко работалось — тут он создал около тридцати живописных работ и бесчисленное количество рисунков. Вскоре поблизости, в деревне Единово, обосновалась и мать Серова Валентина Семеновна. Лев Толстой посоветовал ей заняться просветительством и даже подарил специально написанную для этого пьесу «Первый винокур», которую она и поставила в Единово — с собственной музыкой и декорациями не кого-нибудь, а самого Вере-

*Девочка
с персиками*

щагина. Когда ее дом сгорел, Валентина Семеновна перебралась в Домотканово. Серову тут было очень хорошо — в окружении близких, любящих людей, которым нравился и он сам, и то, что он делал в живописи.

Вот и лето 1887 года молодой художник провел в имении Дервизов. Серову 23 года, он недавно вернулся из поездки по Италии, потрясенный встречей со старыми мастерами, особенно его «опьянили», как он говорил, Веласкес и Тициан. Но и сам Серов уже настоящий мастер, и уже написана «Девочка с персиками», за которую он получил премию Московского общества любителей художеств. Теперь же, летними днями в Домотканово, он искал сюжет новой картины. «Однажды Серов предложил мне позировать, — вспоминала позже Мария Симонович. — После долгих поисков в саду, наконец, остановились под деревом, где

солнце скользило по лицу через листву. Задача была трудная и интересная для художника — добиться сходства и вместе с тем игры солнца на лице. Помнится, Серов взял полотно, на котором было уже что-то начато, другого полотна под рукой не оказалось. «Тут будем писать», — сказал он. Сеансы происходили по утрам и после обеда — по целым дням я с удовольствием позировала знаменитому художнику, каким мы его тогда считали, правда, еще не признанному в обществе, но давно признанному у нас в семье... Мы работали запоем, оба одинаково увлекаясь, он — удачным писанием, я — важностью своего назначения».

Так рождалась «Девушка, освещенная солнцем». Надо сказать, что они всегда были очень дружны — Маша и Тоша, особенно их связывала любовь к искусству, ведь Маша мечтала стать скульптором, и ее

*Заросший
пруд.
Домотканово*

*Октябрь.
Домотканово*

первые работы хвалил сам Антокольский!

«Он все писал, а я все сидела, — рассказывает она в своих мемуарах. — Часы, дни, недели летели, вот уже начался третий месяц позирования... Да, я просидела три месяца... и почти без перерыва... В начале четвертого месяца вдруг я почувствовала нетерпение. Я знала, что он выполнил ту задачу, которую себе назначил, больше сказать ничего не мог, и я со спокойной совестью сбежала, именно сбежала, в Петербург, под предлогом своих занятий по скульптуре в школе Штиглица. Когда я собралась уезжать в Петербург, Серов подарил мне три рубля на дорогу. Эта сумма представляла для него нечто, но мне она очень пригодилась. Он, как многие художники того времени, страдал вечным безденежьем».

Впервые «Девушка...» была показана публике на выставке в московском Обществе любителей худо-

жеств. Встретили ее по-разному. Одни — с восхищением, другие — не приняли совсем. Так, Грабарь писал, что, наконец «стало ясно, что есть не один Репин, но и Серов», зато маститый передвижник Владимир Маковский, узнав, что Третьяков купил картину у молодого Серова, воскликнул: «С каких пор, Павел Михайлович, вы стали прививать своей галерее сифилис?» Не понял Маковский серовского импрессионизма, неуловимую игру бликов света...

А потом Маша уехала заниматься скульптурой в Париж и задержалась в столице Франции на многие годы, вернее — навсегда. Общие знакомые попросили встретить ее на вокзале Соломона Львова. Так молодые люди познакомились, и вскоре Маша стала мадам Львова. Устоять перед обаянием этого яркого, непростого человека она не смогла. Соломон Львов был страстным народо-вольцем. За участие в студенческом революционном движении в Киеве

*Портрет
П.А. Мамон-
товой*

его вместе с братьями Наумом и Ароном сослали в Олонецкую губернию. Но этот человек не мог жить в клетке — в 1887 году он бежал из ссылки, а затем эмигрировал во Францию. Когда Серов приехал туда на Всемирную выставку и встретился со своей любимой кухонной Машей, он понял, что ее держит в Париже — конечно, искусство, но главное — любовь.

Однако родину Маша не забывала и нередко приезжала в Россию. Вот и в 1895 году она приеха-

ла в Петербург и, конечно же, побывала в гостях у любимого Тоши и Оли. И ему снова захотелось написать ее — ведь теперь Маша была совсем иной, взрослой красивой замужней дамой. Да и как она могла отказать своему дорогому кузену! И Серов пишет «Портрет М.Я. Львово-вой», который уехал вместе с ней в Париж. На портрете она совсем не та «девушка, освещенная солнцем» из Домотканова. Очень оживляет картину букетик полевых цветов в нижнем левом углу. Племянница Ма-

ши и Серова, художница Мария Фаворская, дочь Нади Дервиз и жена известного советского графика Владимира Фаворского (в этой семье столько замечательных талантливых людей, внесших огромный вклад в культуру России!), вспоминала: «Эти цветы мы с сестрой набирали каждое утро свежими. Но смотреть, как пишется портрет, мне не пришлось. Тоша безжалостно выгонял нас, когда брал кисти в руки». Это полотно стало последним в серовской серии портретов Маши. Картина получи-

лась чудесной, и чуткий критик Стасов не мог его не заметить. Он писал: «Серов, все идущий в гору и уже начинающий достигать совершенства, представил... замечательно изящную молодую женщину... Судя по взгляду, выражению, всей внешней обстановке вокруг нее, она предана науке, знанию, она любит и умеет серьезно заниматься делом и посвящает ему всю жизнь. Серов умеет талантом выражать все это, всю истинную натуру и характер человека».

*Портрет
художника
К. Коровина*

По-разному складывались судьбы Серова, его любимых моделей и друзей. В 1907 году умерла — очень рано — хозяйка Домотканова Надя Дервиз, и в Домотканове все пошло совсем не так, как раньше. В 1911 году умер и Валентин Серов — у него всегда было слабое сердце. А потом была Октябрьская революция, она убила — если не физически, то духовно — многих из бывших гостей имения Дервизов. А Маша прожила долгую жизнь — наверное, ее спасло то, что она уехала во Францию.

Она не забросила скульптуру, участвовала в разных выставках, но ее работы были в основном из глины и гипса, и многое не сохранилось, слишком трудные годы пришлось ей пережить. Ее муж Соломон Львов стал известным психиатром. В 1910–1911 годах он возглавлял государственную экспедицию по изучению психических заболеваний и психиатрической помощи в Алжире и Марокко, а затем опубликовал ряд важных работ по психиатрической эпидемиологии, актуальных и се-

*Дети.
Саша и Юра Серовы*

*Портрет
И. Репина*

годня, позже занимался организацией медицинской помощи душевнобольным в сельских районах Франции, писал книги. Дом Львовых славился в Париже своим гостеприимством, уютom и теплом, здесь всегда стоял самовар, и всегда были рады встретить друзей и — тех, кто хотел увидеть серовский шедевр, «Портрет М.Я. Львовой». А еще на стене в гостиной висела репродукция «Девушки, освещенной солнцем». В 1902 году у Маши и Соломона появился наследник — родился сын Андре Мишель. Этого мальчика ждало блестящее будущее — он стал выдающимся генети-

ком и вирусологом, а в 1965 году ему была присуждена Нобелевская премия по физиологии и медицине. Конечно, это было не случайно. Отец с юных лет приобщал сына к науке, брал на обходы в больницу, а также посещал вместе с ним научные лаборатории. Во время одного из таких походов Андре Мишель встретился с другом отца Ильей Мечниковым, и тот показал мальчику, как выглядит под микроскопом возбудитель страшной болезни, брюшного тифа, — тифозная палочка. Андре вспоминал спустя много лет и то, как началась Первая мировая война. Ему тогда было 12 лет. Боевые дей-

ствия приблизились к их дому на расстояние каких-нибудь 20 миль. «Зенитные пулеметы находились рядом, осколки [шрапнель] свистели и ударили по крыше. Я с любопытством слушал эту странную музыку, совершенно не осознавая опасности... Я был еще недостаточно взрослым, чтобы постичь всю глубину военной трагедии». Но его родители хорошо понимали, что происходит в мире. И Мария Яковлевна очень волновалась, как там, в далекой России живут ее родственники. Как могла, она всегда поддерживала с ними связь, и была счастлива узнать, что многие еще живы...

Однажды, уже в 1938 году, ее сестра Нина получила письмо, в котором Маша рассказывала удивительную историю: на днях к ним в гости пришел один знакомый, русский инженер. Выпив чаю, он засел с хозяином дома за шахматы, но никак не мог сосредоточиться на игре — то и дело посматривал на всегда висевшую в доме Львовых репродукцию «Девушки, освещенной солнцем», а потом, не выдержав, спросил:

— Скажите, чей это портрет?

— Моей жены, — с гордостью произнес Соломон Кеселевич.

Гость был потрясен.

— Неужели я очень изменилась? — слегка улыбнулась Мария.

— Глаза те же, — ответил гость.

И поведал, что героиня серовского портрета была его первой любовью, и он почти каждый день ходил в Третьяковку на свидание с ней. И вот теперь, наконец, встретил свою бывшую возлюбленную...

Уходя от Львовых в тот вечер, он сказал: «Благодарю вас за глаза».

Десятки лет хранила Мария Львова письма и рисунки своего знаменитого кузена, Валентина Серова, а незадолго до начала Второй мировой войны, словно предчувствуя, что мир ждут страшные испытания, отправила их в дар Третьяковской галереи. Ей очень хотелось, чтобы и ее последний серовский портрет 1895 года висел рядом с «Девушкой, освещенной солнцем». (Однако ее сын Андре Мишель Львов, всегда помня о том, как относился отец (Соломон Львов умер в 1939 году) к большевистской, а потом сталинской России, после смерти матери в 1955 году передал картину в парижский музей Д'Орсэ — в знак благодарности своей второй родине.)

Марии Львовой пришлось пережить и Первую мировую войну, и Вторую. Когда началась Вторая, Маша писала сестрам в Россию: «Дорогие сестры, это мое последнее письмо, может быть. Вся Франция на дорогах, бежит — пешком, на велосипедах, даже на похоронных дрогах — до того давление немцев велико. Мы окружены справа, слева и с севера, я, думаю, буду расстреляна как довольно пожившая. Что же Россия не приходит к нам на помощь?.. Шум адский со всех сторон. Это конец света. Прощайте, Мари».

Но Мария Львова, серовская «девушка, освещенная солнцем», уцелела в оккупированной Франции. Кто знает — может, тот солнечный свет, отблеск серовского гения, спас ее в ужасе мировой бойни? Ей было

*Портрет
княгини
З.Н. Юсуповой*

суждено прожить еще 15 лет — она скончалась в Париже в 1955 году, в возрасте 90 лет. Наверное, ее бы очень порадовало известие о том, что ее сыну вручили Нобелевскую премию, и то, что в 1967 году Андре стал иностранным членом Академии наук СССР, таким образом словно вернувшись на ее родину.

Спустя 125 лет после создания «Девушки, освещенной солнцем», в 2013 году, потомки Марии Яковлевны Львовой приехали в Москву.

Придя в серовский зал Третьяковки, они с восторгом смотрели на знаменитую картину — «глаза те же!», вспоминали супругов Львовых, атмосферу добра, увлеченности, преданности науки и искусству, царившие в их доме. Оказалось, что французский правнук Марии Яковлевны женат на русской — в род Симоновичей-Львовых снова влилась русская кровь! И кто знает, вдруг мы вскоре узнаем о новых талантах, художниках и ученых, носящих это славное имя... □

МАнна **ИХАЙЛОВСКАЯ:**

*Мне всегда везло
с режиссерами*

Молодая, обаятельная, талантливая актриса театра и кино, хорошо известная телезрителям по сериалам: «Самая красивая», «Барвиха», «Молодежка», «Возвращение Турецкого», «Маргоша», «Кадетство», «Карпов», «Счастье есть»...

Анна — одаренная актриса, с пяти лет она занималась хореографией и со временем добилась блестящих результатов — стала кандидатом в мастера спорта по бальным танцам. Кроме того, будучи еще девочкой, увлекалась восточными единоборствами.

Анна служит в театре имени Моссовета, где занята во многих постановках. Театралы помнят, как в 2008 году она блестяще сыграла на сцене Московского драматического театра имени М.Н. Ермоловой в спектакле «Александр Пушкин», в паре с Сергеем Безруковым, главную роль — Натальи Гончаровой.

— Анна, вы решили стать артисткой еще в детстве?

— Что вы! Никогда не мечтала! В конце одиннадцатого класса я снялась в картине «Самая красивая», и после этого актеры на площадке стали убеждать меня, что я должна попробовать поступить в театральный институт. Я рискнула подать документы во ВГИК и, сдав вступительные экзамены, поступила на курс к Владимиру Александровичу Грамматикову. Интересное было время, необычное и очень познавательное. Мы, студенты, тогда просмотрели огромное количество фильмов из сокровищницы мирового кинематографа.

— У вас есть какие-то особенно любимые актеры?

— Кумира как такового у меня нет. Мне очень многие нравятся. Например, люблю смотреть картины с участием Роберта де Ниро, прекрасный актер! Люблю также советские картины, особенно с участием Юрия Никулина — «Бриллиантовая рука», «Операция Ы, или Новые приключения Шурика». Комедии режиссера Леонида Гайдая вообще все потрясающие!

— Сами вы ходите в театр, если бывает свободное время?

— Проблема в том, что его очень мало! Но, если удастся, то обязательно хожу. Не так давно смотрела «Вишневый сад» в театре Сатиры, куда меня пригласила народная артистка Вера Кузьминична Васильева.

Мы с ней познакомились на съемках картины «Деревенщина». Это потрясающая актриса и удивительная женщина! Когда видишь таких людей — хочется на них равняться! Вера Кузьминична — человек большой культуры. С каким уважением она относится к людям! Хотелось бы пронести через всю жизнь такую Любовь к Профессии.

— Как вам работалось на площадке с разными режиссерами?

— Мне всегда везло с режиссерами в театре и в кино. Несколько раз я снялась у режиссера Елены Николаевой, это фильмы: «Ангел сердца», «Манекенщица», «Самая красивая»...

Елена Николаева четко знает, что хочет от артистов, она невероятно талантливая и требовательная, у нее

выкладываешься на двести процентов. Все ее фильмы — это Красота, она большой эстет. С удовольствием с ней еще бы поработала. Знаете, у нее мастерски выставлен свет на площадке, отличный грим, костюмы, от артистов глаз не оторвать. С этим режиссером я испытываю наслаждение во время работы, а это важно в нашей профессии. Драматургия в ее картинах сильная, и актер может быть каждый раз разным.

В театре с удовольствием работала и работаю с Павлом Хомским, Юрием Ереминым, Аллой Сигаловой — в спектакле «Casting/Кастинг».

— С детства вы увлекались хореографией, вы еще и кандидат в мастера спорта по спортивным

танцам, — такие достижения есть далеко не у каждой артистки! Как шла работа с хореографом Аллой Сигаловой? Что это за постановка?

— «Casting/Кастинг» — это пьеса Юрия Еремина в двух частях. Спектакль поставлен в импровизационной манере — соединение драмы и музыкального шоу. Режиссер — Юрий Еремин, он же автор пьесы и сценограф, работал вместе с хореографом Аллой Сигаловой, она играет в спектакле одну из главных ролей.

В работе Алла Сигалова очень требовательна, но в то же время прекрасно относится к своим «подопечным». Спектакль яркий, динамичный, красочный.

Перед зрителями, которые становятся на время представления участниками отборочной комиссии, проходят участники кастинга.

Каждый герой рассказывает свою историю и исполняет оригинальный танец. А красивые костюмы созданы для нас Викторией Севрюковой.

— Анна, а сегодня у вас какие новые работы?

— Закончились съемки картины «В созвездии Стрельца» — о знаменитом футболисте, легендарном Эдуарде Стрельцове, в фильме у меня роль Светланы Фурцевой, дочери Екатерины Фурцевой. Вышел на телевидении сериал «Молодежка», художественный фильм «Шоколадная фабрика», недавно состоялась премьера картины «Деревенщина».

В театре имени Моссовета, где я служу, Юрий Иванович Еремин собирается ставить новый спектакль «Морское путешествие». А еще я занята в постановках «Серебряный век», «Опасные связи», «Casting/Кастинг», «Фома Опискин», «Р.Р.Р.» — по мотивам романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

В кино хотелось бы сыграть в костюмированной исторической картине XVIII века, а также в картине в жанре фэнтези. Вообще, я открыта для любых предложений!

— Анна, а удастся ли вам отдохнуть, ведь вы живете в таком напряженном графике?

— Это случается не так часто, как хотелось бы. Летом постоянно идут съемки, если и получается вырваться к морю, то на пять дней, максимум. Люблю отдыхать в Испа-

нии, это моя страна, если так можно выразиться, очень нравится мне Барселона.

Зимой люблю кататься на горных лыжах. Папа, брат и мой муж —

все увлекаются сноубордингом. Иногда все вместе отдыхаем в Подмосковье.

— Интересно, а вы умеете готовить?

— Умею и очень люблю! В нашей семье принято собираться всем вместе, общаться. Бабушка моя родом из Украины, прекрасная хозяйка! Ей нравится всех вкусно накормить. А какой украинский борщ, какие пироги у нее получаются!

Когда я была еще маленькой, она научила меня, как правильно печь эклеры, помню, к Новому году мы всей семьей пекли их.

У нас часто бывали гости, и гостеприимство передалось мне от родных. Если жду гостей, стол для них всегда накрыт — просто напоить чаем я своих друзей и близких не могу.

Красиво сервировать стол, красиво подать еду — так меня воспитали с детства.

— Вы следите за модными тенденциями?

— Слежу, но если мне какая-то вещь очень понравится, и мне она подходит, то, невзирая на моду, я ее обязательно приобрету.

— Какие люди вам нравятся, кто более близок по духу?

— Я люблю добрых, искренних и щедрых людей. Не люблю лицемерных и расчетливых, которые общаются ради выгоды. Не терплю в людях ложь, зависть, жадность.

— Что пожелаете читателям в Новом году?

— Удачи, успехов, счастья!!! □

Беседовала **Елена Воробьева**

Варвара Ключева

ЦВЕТЫ ЯДОВИТЫЕ

ЯДОВИТЫЕ
ЦВЕТЫ

Призрак, отразившийся в зеркале, перед которым я «рисовала» глаза, напугал меня до чертиков. И вовсе не неожиданностью появления. (Второпях я оставила дверь душевой нараспашку, и, хотя надеялась, что никто не припрется в наш блок в такой ответственный момент, слишком хорошо знала общежитские реалии, чтобы всерьез в это верить). Нет, моя душа нырнула в пятки по более весомой причине: физиономия, которую я увидела в зазеркалье, явно выскочила то ли из мира кошмарных снов, то ли из ужасика. Бледная до неправдоподобия, глаза — с чайные блюдца, губы трясутся, прическа из серии «взрыв на макаронной фабрике»...

— Черт!!!

— Извини, — дрожащим голосом сказала привидение. — У вас было открыто.

Тут я узнала в кошмарном явлении Ирку Кудрявцеву. И это открытие подействовало на меня едва ли не сильнее, чем несостоявшийся мистический опыт.

Замкнутая и целеустремленная Кудрявцева в студенческом братстве считалась потерянным человеком. Она не ходила в походы, не отрывалась на дискотеках и спортивных площадках, не резалась в «преф», не участвовала в попойках. Даже в общеаге не жила, хоть и не москвичка. То ли из природного усердия, то ли из страха вылететь из универа, но первые три года несчастная не поднимала головы от учебников. Потом немного расслабилась и перешла, было, на более здоровый образ жизни, но тут с ней

ЦВЕТЫ ЯДОВИТЫЕ

приключилась беда: кто-то из наших затащил ее на пати, куда забрел Жора Панков — с гитарой. И девушка пропала.

Внешность у Жорика самая заурядная, что называется, второй раз не взглянешь. Круглолицый крепыш невнятной масти — то ли темный блондин, то ли светлый шатен. Мощью интеллекта и остроумием парень тоже не блистает. При всем при том, ни одна девица в нашей группе не избежала помешательства, выражаемого известной формулой «жить без него не могу». Стоит Жорик расчехлить гитару и пройтись перебором по струнам, все окрестное женское население впадает в транс сродни тому, что снизошел когда-то на детишек вольного города Хаммельна. Потом в игру вступает проникновенный баритон, который вдруг прорезается у Жорки, когда он начинает петь. И все — девицы падают к его ногам, как переспелые груши. По счастью, этот морок обычно длится недолго — от двух-трех недель до пары месяцев.

Кудрявцева и тут отклонилась от нормы: ее помешательство тянулось уже больше полугода и лишь недавно начало отступать. Сначала оно было вполне счастливым (если не считать того, что девчонка-отличница едва не завалила зимнюю сессию): в Жорке вспыхнуло ответное чувство. Роман века искрил фейерверком и буйствовал до весны, потом между влюбленными что-то пробежало, и на Ирку стало больно смотреть. Но она оказалась девушкой с характером. Другая на ее месте забилась бы в нору и предалась бы безудержному страданию, а Ирка, стиснув зубы, ходила на занятия и вытягивала свои «хвосты». К маю отчаяние в ее шальных глазах уступило место угрюмому спокойствию, и мы перевели дух. Дело явно шло к выздоровлению. Но, похоже, с выводами мы поторопились. Даже в первые дни после разрыва — на пике своих страданий — Ирка выглядела более вменяемой, чем теперь.

Я мысленно помахала ручкой веселой тусовке, которую собиралась осчастливить своим присутствием, бросила карандаш на полочку и повернулась к «привидению»:

— Пошли в комнату. У меня припрятана бутылка бренди.

Судя по взгляду, Ирка вряд ли поняла хоть слово, но послушно двинулась за мной, взяла вложенный в руку стакан и даже его опустошила — вылив чуть не половину на себя. Я усадила бедняжку на кровать, выждала минуты три, наблюдая за затухающими колебаниями ее губ, потом командовала:

— Рассказывай.

Ей потребовалось еще несколько минут, чтобы собраться с мыслями и вытолкнуть из себя первые слова, но, в конце концов, она справилась.

— У нас... в доме, где я живу... умерла девочка. Снежана, семнадцать лет. Отравилась. Покончила с собой, как мы думали... А сегодня были поминки — девять дней. И... и там кое-что произошло... В общем, получается, что она не подходила к этому цветку... То есть ее убили, понимаешь? Сделать это могли два человека: я и хозяйка. Но я точно знаю, что после ее ухода с цветком все было в порядке. Получается, что это я, да? — Ирка подняла на меня полные ужаса глаза, и губы ее снова задрожали.

Речь ее напоминала горячечный бред, но какие-то проблески смысла в нем определенно мелькали. Только как до этого смысла добраться? Смекнув, что связного рассказа от Ирки в таком состоянии не добьешься, я решила зайти издалека.

— А где ты живешь? У родственников? Или снимаешь комнату?

— Снимаю комнату. То есть не совсем комнату... Это что-то вроде частного пансионата для студентов. Даже название специальное есть, только я его забыла. Платишь за комнату, уборку, кормежку... С понедельника по субботу — завтраки и ужины, в воскресенье еще и обед. Удобно, намного уютнее, чем в общежитии, и не так уж дорого по московским меркам... Родители мне на учебу копили, а я на бюджет поступила, вот они и предложили...

Уловка сработала. Заговорив об обыденном и понятном, Ирка на глазах эволюционировала в человека разумного. Мне оставалось только придерживаться избранной тактики.

— Я и не слышала, что у нас такой сервис появился.

— У нас это экзотика, да. Хозяин — он закончил институт стран Азии и Африки — в молодости ездил в Японию и жил там в таком вот заведении для студентов-иностранцев. Ему понравилось, вот он и собезьянничал. Благо, условия позволяют. У них хоромы — две соседние квартиры в «сталинке». С перепланировкой, конечно, пришлось повозиться, но получи-

ЦВЕТЫ ЯДОВИТЫЕ

лось здорово. Апартаменты «люкс» — огромная студия, большая ванная, кухонька, отдельный вход. И «кампус» — четыре спальни, столовая, просторная кухня и аж два санузла.

— А хозяин где обретается?

— Хозяева. Супружеская пара. Там же и живут, в «кампусе». Оставили за собой одну из комнат.

Аккуратно задавая вопрос за вопросом, я выяснила следующее.

Комнаты в доморощенном пансионате снимали трое студентов. Фаршад — богатый араб, сын какого-то нефтяного князька и аспирант Керосинки — жил в «люксе». Ирка и Саманта (мулатка, американская студентка, изучающая русский язык) занимали две из четырех жилых комнат «кампуса». В третьей обитали хозяева, а в четвертой до нового года жил поляк Томаш — историк, который приезжал работать с нашими военными архивами. После его отъезда хозяева начали искать нового жильца, но тут у хозяйки где-то под Вологдой умерла кузина, оставив шестнадцатилетнюю дочь. Отец девочки спился лет десять назад, других близких родственников не осталось, и двоюродные тетя с дядей решили забрать сироту к себе.

Дойдя до рассказа о Снежане, Ирка опять начала трястись и заикаться. Подумав, что ей нужно дать возможность собраться с духом, я еще раз свернула на сравнительно безопасную тему:

— Расскажи немного о них обо всех. Что они из себя представляют?

Я — гений, да. Стоило Кудрявцевой задуматься, и ее тут же перестало трясти.

— Ну... не знаю. Не очень-то я разбираюсь в людях. Могу сказать только о своем впечатлении...

Я поощрила ее кивком и одобрительным угу-каньем.

— Хозяина зовут Николай Сергеевич. Ему под пятьдесят, но он просит называть себя Ником. Эдакий душка... Мне он не нравится. Фальшивый какой-то. Весь из себя сплошное благородство, прямо образец русского интеллигента, а по хозяйству пальцем о палец не ударит, целиком переложил этот воз на жену. Развлекает нас застольной беседой, а Елена Петровна и стирает, и убирает, и за продуктами ездит, и готовит... А у нее, между прочим, образование не хуже, тот же институт закончила. Неплохая тетка, хоть с виду и не скажешь. Некрасивая, хмурая, молчаливая, прижимистая, но совесть у нее есть. Порядок в доме поддерживает идеальный, кормит вкусно... И все сама. Снежана ей только последние два месяца помогала, когда отошла немного после смерти матери, а до этого Елене Петровне приходилось еще и о сиротке заботиться. Хотя тут-то добровольных помощников хватало... — Ирка дернула ртом, обозначая усмешку. — Тот же Ник хлопотал над новообретенной племянницей, как наседка. И Фаршад — куда только спесь подевалась? И... — В этом месте она споткнулась и судорожно втянула в себя воздух, но все же закончила фразу. — И Гоша.

Сообразив, что Гоша — это Жорик, я чуть не присвистнула. Темная история с печальным концом романа века начала проясняться. И наличие смысла в бреде про гибель девочки, которую вроде как убили (причем убийство Ирка, похоже, готова взять на себя), теперь уже не вызывало сомнений. Если Кудрявцева отчаянно — до потери рассудка — ревновала Жорку к сироте, у нее вполне могла возникнуть идея, будто она в бессознательном состоянии отравила соперницу. Идея, правда, все равно бредовая. Действительность — это не роман с сомнамбулическими героями, тела которых автономно обтяпывают сомнительные делишки. Ну, ладно, с этим мы еще разберемся. А пока нужно срочно переключить Ирку на нейтральную тему, а то у нее опять язык отнимается.

— Ты не перескакивай, — строго сказала я. — С хозяевами все более или менее ясно, а про Фаршада поподробнее, пожалуйста.

— Ага, — кивнула Ирка. — Красивый до офонарения. Черные глаза, ресницы, что крылья, тонкий нос с горбинкой, овал лица — хоть на медали чекань. И полный набор «правоверных» предрассудков. Ну, знаешь: женщина — сосуд греха, наличие души у нее под большим вопросом, зато ума нет по определению, единственное, на что она годится — рожать детей и обслуживать мужа. Даже странно, что он считает возможным есть с нами за одним столом. Хотя, если вспомнить, как он держался два года назад, когда только появился, его нынешнее поведение вполне и за приличное сойдет. Видела бы ты, как Сэми тогда на него кидалась! Она же американка: феминистка, прямая как рельс, плюс темперамент почище мавритан-

ЦВЕТЫ ЯДОВИТЫЕ

ского. Мы первое время сидели за столом как на иголках — все ждали, что они передерутся. Пару раз Саманту и, правда, пришлось оттаскивать от его смоляных кудрей. Слава богу, что восточный кодекс не одобряет драк мужчины с посторонней женщиной!

Представив себе картину, как американская феминистка вцепляется в шевелюру арабского секс-шовиниста, я не смогла удержаться от смешка. Ирка, к моему облегчению, тоже ухмыльнулась.

— Это еще что! Самое веселье началось, когда стало ясно, что они друг к другу неровно дышат. Ник первым заметил, что дело нечисто, начал всякие дурацкие шуточки отпускать. А мы ему еще не верили! Потом я случайно наткнулась на Сэми в клубе универа и удивилась: чего это она так смутилась? Темно-бурая вся сделалась. Гляжу, а на первой аудитории висит объявление о заседании общества арабско-российской дружбы. И по времени оно как раз должно было закончиться. Правда, Фаршада я не видела, но не на демонстрацию же протеста Сэми туда ходила! Ну а когда Елена Петровна в четыре утра поймала ее в дверях «люкса», развеялись последние сомнения. Как мы потешались, когда они по привычке завели за обедом свой «холивар»! Кажется, я никогда так не смеялась...

— Снежана была красавицей, да? — спросила я.

— Наверное... — замялась Ирка. — Мне трудно судить, я не понимаю прелести блондинок. Хотя, нужно признать, такое сочетание цветов в природе редко встречается. Волосы почти белые, а брови и ресницы — темные. Заметь, не крашенные! И темно-серые глаза. Дымчатые. Мордашка милая, но до классических канонов ей, по-моему, далеко. Да и не в красоте тут дело, Кать. Она была... странной.

— Что значит — странной?

— Ну... заторможенной, что ли. Не знаю, как объяснить. Двигалась очень плавно, как в хороводе. И реагировала на все как-то... неуверенно. У меня то и дело возникало ощущение, будто она — инопланетянин в скафандре, имитирующий человеческую девушку, и, когда к ней обращаются, ей нужно запустить программу-переводчик, чтобы понять, о чем речь, а потом еще свериться со справочником на предмет, что в таких случаях говорят и делают люди. Сначала-то я думала, что девчонка в шоковом состоянии после смерти матери и переезда в чужой город. Но она такой и оставалась — почти до конца. Думаю, мужиков сводила с ума эта ее нездешность...

— Почти до конца, — повторила я. — А в конце?

Предвидя новый приступ трясушки, я постаралась задать вопрос небрежно. Не знаю, сработало это или Ирка сумела, наконец, отрешиться от своих переживаний, но ответила она почти спокойно:

— В конце Снежана как будто очнулась и превратилась в нормальную девушку — только очень несчастную. Но с конца непонятно будет, давай я по порядку расскажу...

Снежана переехала к родственникам в феврале. К этому времени Жорка-Гоша практически переселился к Ире (даже начал платить хозяевам за кормежку), поэтому в утешении сироты принял самое деятельное участие. Вел с девчонкой долгие разговоры, пытался веселить студенческими байками, пел... Как Ирка ни внушала себе, что любимым движет исключительно сострадание к ребенку, ревность все равно внедрилась в душу, пустила там корни и зацвела пышным цветом. Попытки игнорировать или задушить мерзкое чувство кончились тем, чем обычно и заканчиваются подобные попытки — взрывом. Ирка устроила ему скандал и велела убираться. Он оскорбленно хлопнул дверью, но через несколько дней снова появился в «кампусе» — в качестве гостя Саманты.

Поначалу игра, которую вели Жорка и Сэми, вызывала у Ирки только злорадство: американка не умела притворяться и, изображая повышенный интерес к новообретенному ухажеру, то и дело косилась на Фаршада — проверяла, производят ли ее маневры должное впечатление. Араб пожирает глазами Снежану и маневров не замечал. Снежана, по большей части, смотрела в пространство и не замечала ни маневров, ни араба, ни суеты, производимой вокруг нее добрым дядюшкой Ником. Ирка с Еленой Петровной обменивались понимающими взглядами и усмехались. Ночевать у Саманты Жорка не оставался, посему для тревоги, казалось бы, не было оснований.

Однако в апреле картина изменилась. Весна ли повлияла, или капля, наконец, подточила камень, но очарование певца начало действовать на

ЦВЕТЫ ЯДОВИТЫЕ

обеих девушек. Сэми перестала коситься на неверного араба, и нежность в шоколадных глазах, устремленных на Жорку, утратила оттенок демонстративности. Одновременно и Снежана начала поглядывать на Жорку с интересом. Отступившая, было, ревность набросилась на Ирку с утроенной силой.

— Знаешь, Кать, я всегда считала себя приличным человеком, а тут... Должно быть, у меня «крышу» сдернуло, иначе не могу объяснить, почему сделала то, что сделала. Причем мне даже в голову не пришло, что поступок отвратительный... Короче, я посадила к Саманте в комнату «жучка», — зардевшись, призналась Кудрявцева.

Оценивать степень ее нравственного падения, равно как и спрашивать, где студентка отделения радиофизики взяла «жучка», я сочла неуместным, посему просто кивнула, предлагая продолжать. Но Ирка самозабвенно выискивала на моем лице признаки презрения, и кивка не заметила. Пришлось-таки высказаться.

— Слышала такое слово — аффект? Измененное состояние сознания, в котором человек находится под действием сильных эмоций. Так вот, оно самое у тебя и случилось. Я понятия не имею, как бы повела себя на твоём месте, так что позволь мне не фарисействовать. Лучше скажи, принесла ли твоя шпионская деятельность плоды?

— Никаких, — грустно ответила Ирка. — Я неудачно поместила «насекомое» поблизости от музыкального центра. Сэми обожает американскую попсу и практически не выключает этот агрегат, так что сама понимаешь, чем обернулась моя «прослушка». А когда я прокралась в ее комнату еще раз, Сэми внезапно вернулась из ванной и чуть не поймала меня с поличным. Очень неловко вышло... Но меня это не остановило. Я до такой степени жаждала узнать правду, что насаждала «жучков» по всей квартире —

на кухне, в столовой, у Снежаны, у Фаршада... Странно, что не в туалетах. Не спрашивай меня, в чем смысл. Это было похоже на манию. Разумеется, никаких откровений я не услышала. До того проклятого дня...

Проклятый день был днем рождения Снежаны. Дядюшка с тетушкой сочли семнадцатилетие племянницы достаточно важным событием, чтобы устроить пир горой. Девушке предложили позвать друзей — всех, кого ей хотелось бы видеть на своем празднике. Щедрое, но странное предложение — учитывая, что ее однокашники с Вологодчины вряд ли имели возможность прошвырнуться на денек в столицу, а здесь Снежана никого, кроме пансионеров дяди и тети, не знала. В общем, за праздничный стол сели все те же участники все той же драмы. Что и ускорило развязку.

То ли на Снежану подействовало выпитое шампанское, то ли ей придал куража статус именинницы, но никогда еще девочка не выглядела такой оживленной. Болтала без умолку, много смеялась и почти неприкрыто пыталась заигрывать с Жорой. Наверное, по неопытности она не отдавала себе отчета, насколько заметны эти попытки, и потому не могла оценить по достоинству грубость Жорки, который ее неумелые заигрывания игнорировал. Иначе девушка не пошла бы за ним в холл, когда он собрался уходить, и не дала бы ему повод себя унижить.

Ее негромких слов, адресованных Жорке, никто не расслышал, зато его резкий ответ услышали все:

— Правда? А ничего, что ты меня в упор не видела, пока я не увлекся Сэми? Знаешь, милая, как это называется? Зависть! Так что не пудри мне мозги, лучше обрати нежный взор на Фаршада, пока не поздно. Не то он тоже разглядит в тебе ледяную куклу и найдет кого-нибудь поживее.

Девушка выбежала из холла, закрыв руками лицо, и бросилась в свою комнату. Фаршад вскочил, уронив стул, и в два прыжка оказался в холле. Сэми, взвизгнув, бросилась следом, но опоздала: нокаутированный Жорик уже сползал по стеночке. Фаршад тут же ушел к себе. Пока Саманта и Елена Петровна суетились вокруг поверженного героя-любownika, Николай Сергеевич решил успокоить племянницу. Ирка, оставшаяся в столовой в одиночестве, отчетливо услышала из-за неплотно прикрытой двери звенящий от злости голос Снежаны:

— Не смейте ко мне прикасаться! Вы только притворяетесь добрым. Думаете, я не замечаю, что вы все время норовите меня облапать? Убирайтесь!

Ирка выскочила из-за стола, намереваясь удрать в свою комнату, и заметила Елену Петровну, которая как раз выходила из кухни со льдом, насыпанным на полотенце. По невыразительному лицу хозяйки невозможно было определить, слышала ли она обвинения в адрес своего супруга, но,

ЦВЕТЫ ЯДОВИТЫЕ

судя по тому, как щедра была судьба в тот день на пакости, скорее всего, слышала.

Оклемавшись, Жорик вскоре ушел, Саманта заперлась у себя, Елена Петровна убрала со стола, загрузила посудомоечную машину и тоже удалилась. Ирка дорого бы дала, чтобы послушать ее разговор с супругом, но хозяйская спальня была единственным помещением, куда она не осмелилась пристроить закладное устройство, поэтому Кудрявцева настроила приемник на «жучка» в комнате Снежаны, надеясь, что хозяйка перед сном пойдет к племяннице поговорить о ее обвинениях. Но вместо разговоров услышала безудержные, отчаянные рыдания.

— У меня буквально сердце зашло от жалости, Кать. Подхватилась бежать к ней, утешать, но в дверях опомнилась: когда человек так плачет, свидетели ему невыносимы. Как же мне стало стыдно! За то, что злилась на нее, ревновала к ней этого урода — надо ведь быть настоящим уродом, чтобы так обойтись с влюбленным ребенком, правда? А главное — за эти «жучки». Это до какой же степени нужно потерять самоуважение!

В столовой и кухне раскаявшаяся Ирка провела «дезинсекцию» той же ночью. «Жучков» из комнат Саманты и Снежаны убрала, пока девушки совершали утренний туалет. Труднее всего было добраться до «жучка» в люксе. Поймать момент, когда человек, живущий в отдельной квартире, пойдет принимать ванну, трудно; снять устройство в присутствии Фаршада невозможно — заметит. Изобрести предлог, чтобы отослать его из комнаты? Сначала неплохо бы придумать предлог для визита. Дружбы с высокомерным арабом у Ирки как-то не сложилось.

В общем, кружила она у двери Фаршада до полудня, а потом ей повезло: из люкса вышла хозяйка с пылесосом, увидела Ирку и сказала, кивнув на дверь:

— Ты к нему? Зайди позже, он в ванне плещется. — И ушла на кухню.

Ирка сделала вид, что идет к себе, а потом проскользнула обратно и прокралась в люкс. «Жучок» был прикреплен к верхней части шторы — чтобы на него случайно не наткнулись. Для того, чтобы его снять, Ирке нужно было встать на подоконник. Именно тогда она обратила внимание на олеандр, кадку с которым хозяйка с приходом тепла выставила на балкон. Растение выглядело абсолютно нетронутым, в этом Ирка готова поклясться чем угодно.

А на следующее утро Снежану нашли мертвой. Экспертиза установила, что она отравилась олеанином — гликозидом, в избытке содержащемся в листьях и цветах олеандра. Именно их — листья и цветы — обнаружили в заварочном чайнике, стоявшем на столе в комнате девушки. Там же стояла чашка с остатками ядовитого чая. А олеандр на балконе Фаршада оказался оципаным.

Следствие закончилось быстро. Отпечатки пальцев, найденные на чашке и заварочном чайнике, принадлежали Снежане. Узнав о публичной сцене, которую Жорка устроил влюбленной девочке в день ее рождения, о том, что Снежана заперлась у себя в комнате и отказалась выйти к завтраку, обеду и ужину, следователь пришел к выводу, что девочка покончила с собой. Проскользнула в квартиру Фаршада, пока все сидели за столом, оборвала цветок, а ночью заварила и выпила отраву. Обитатели пансионата думали так же. До сегодняшнего дня.

А сегодня за поминальным столом, когда хозяйка расплакалась, причитая, что не может даже заказать заупокойную службу, потому что церковь запрещает молиться о самоубийцах, Фаршад внезапно взорвал «бомбу»:

— Она не сама. Ее убили.

И рассказал следующее.

Месяца два назад он заметил, что у него начали пропадать деньги. Небольшие. По тысяче, по две за неделю. Он сразу подумал на Снежану, потому что девушка как раз взялась помогать тетке по хозяйству и, в числе прочего, убирала его апартаменты, а до этого деньги не исчезали. Хитрый араб решил, что судьба сама вкладывает ему в руки оружие, которое поможет завоевать равнодушную красавицу. Поэтому он не стал учинять скандал, а вместо этого с помощью соотечественника-специалиста установил записывающую видеокамеру, нацеленную на секретер, где хранились деньги. Маскировало камеру бра, которое умелец-компатриот повесил на противоположной стене над кроватью Фаршада.

Однако ловушка не сработала. Камера не зафиксировала воришку, деньги пропадать перестали. Сначала Фаршад ежедневно просматривал записи, потом плюнул и забыл. А вчера вечером, обнаружив на компью-

ЦВЕТЫ ЯДОВИТЫЕ

терном столе невесть откуда взявшиеся девять тысяч, вспомнил. История с кражей его уже не особенно волновала, да и угол, где стоял компьютерный стол, камерой не просматривался. Но Фаршад сообразил, что на пути к балкону с ядовитым цветком Снежана обязательно должна была попасть в поле зрения камеры, и внимательно просмотрел записи за двадцать восьмое (день рождения Снежаны) и двадцать девятое (последний день ее жизни). Двадцать восьмого незримую линию между камерой и секретером никто, кроме самого Фаршада, не пересекал, а двадцать девятого в сторону балкона и обратно прошли два человека: сначала Елена Петровна, потом — Ирка.

Выслушав сенсационное сообщение Фаршада, все сидящие за поминальным столом устремили вопрошающие взгляды на Ирку и Елену Петровну. Хозяйка, пунцовая, призналась, что нашла девять тысяч в пакете с колготками, когда разбирала вещи покойной племянницы. находка ее испугала. Своих доходов у девушки не было, подарок Снежана вряд ли стала бы прятать в таком месте. Напрашивался вывод, что деньги она «позаимствовала». Не у дяди с тетей, потому что за расходами Елена Петровна следила строго, и необъяснимую пропажу девяти тысяч непременно заметила бы. Не у Саманты, которая пользуется карточками, и больше пяти тысяч наличными при себе никогда не держит. Не у Ирки, которая слишком стеснена в средствах, чтобы не всполошиться при исчезновении такой суммы. Оставался Фаршад. Хозяйка постеснялась спрашивать, не замечал ли он пропажи, вот и придумала положить деньги на видное место, решив, что араб обязательно спросит, кто их принес, если она ошиблась в выводах. Что же до того, что она подходила двадцать девятого к балкону, то это естественно, ведь она убирала студию.

Оказавшаяся в перекрестье подозрительных взглядов Ирка поняла, что сейчас ей придется рассказать про «жучков», после чего с ней случился нервический припадок. Пришлось даже вызывать «скорую». Врач сделал укол и сказал, что она скоро уснет. Ирка действительно начала погружаться в дрему, но ее выкинуло оттуда видение нетронутого олеандрового куста. Куста, который она видела собственными глазами после того, как хозяйка вышла из «люкса», закончив уборку.

— Кать, ты что-нибудь понимаешь? — спросила она, и глаза ее снова стали шальными. — Я уверена, что не делала этого... После того как услышала ее плач, я просто возненавидела его... Панкова. Он мне больше даром не нужен, честное слово! Ты мне веришь?

— Ирка, прекрати! Конечно, я тебе верю, ты же не сумасшедшая. Зачем бы тебе устраивать этот спектакль, если девчонку отравила ты? Или ты хочешь сказать, что могла позабыть, как ощипывала олеандр и угощала Снежану отравой?

— Нет... Конечно, нет, — с сомнением проговорила она.

— В чем дело, Кудрявцева? Ты что, страдаешь провалами в памяти?

— Нет-нет, просто... Иногда я ухожу в себя... Например, иду по улице, задумываюсь о чем-нибудь, а потом вдруг оказываюсь дома и не помню, как дошла. И тогда, на подоконнике... Я посмотрела на этот олеандр, вспомнила, как Елена Петровна рассказывала, что он очень ядовитый: даже если просто дотронешься до его листьев или цветков, нужно обязательно помыть руки... И я подумала... Ну, в общем, глупости всякие полезли в голову. Потом в ванной перестала течь вода, я сообразила, что Фаршад вот-вот вернется, а я как идиотка стою на его подоконнике... Но не могла же я за это время выйти на балкон, оборвать цветок и не заметить этого?

— Что за шизофренические фантазии! А ночью на тебя тоже задумчивость напала? Такая, что ты незаметно для себя заварила припрятанные невесть где листья-цветочки и пошла угощать Снежану «чаем»? Совсем обалдела?

— Но как же тогда?.. — пролепетала Ирка. — Если после меня к балкону никто не подходил, а до этого цветок был цел?

— Ты точно знаешь?

— Я же видела, как его эксперты выносили — общипанный. Когда я стояла на подоконнике, он выглядел совсем иначе. — Теперь ее голос звучал вполне уверенно.

— А про то, что к балкону после тебя никто не подходил? Ты сама-то запись араба смотрела?

— Нет, но зачем ему лгать? Он четко сказал, что на записи от двадцать девятого были только Елена Петровна и я, причем я — последняя.

ЦВЕТЫ ЯДОВИТЫЕ

— Мда... странно. — Я задумалась. — Если араб отравил девчонку сам, зачем ему поднимать кипеж? Если он умолчал о ком-то, собираясь этого кого-то шантажировать, то почему рассказал о записи всем? Понятно же, что теперь придется передать ее полиции... Слушай, а ты не помнишь, когда этот умелец, земляк Фаршада, приходил вешать бра?

— День не назову, но умельца помню хорошо. Мы как раз ужинали, когда он пришел. Раздался звонок, Ник пошел открыть дверь. Мы прислушались. Парень по-русски говорил очень плохо, только имя Фаршада и можно было разобрать. Ник не стал с ним объясняться, провел гостя в столовую. Фаршад, скотина, даже не привстал. Сказал парню пару фраз по-арабски, ключи от «люкса» швырнул и, как ни в чем не бывало, продолжал есть. Так и просидел с нами, пока умелец дрелью жужжал. Только потом, когда парень выглянул и поманил его, изволил выйти.

— А кто-нибудь из ваших к Фаршаду в тот вечер заходил? Пока у него был мастер?

— Нет. Мы после ужина фильм смотрели. Весь вечер, словно загипнотизированные, у экрана просидели.

— Так... — Минуту-другую я барабанила пальцами по столу, выстукивая увертюру из «Шерлока Холмса». Потом встала. — Мне нужна информация. Пошли на факультет.

— Кать, ты чего? Какая информация? Кто нас пустит на факультет в десятом часу?

Я бросила взгляд на часы.

— Действительно... Придется идти на поклон к Захарову, клянчить его «ноут» со встроенным модемом.

Увидев имя Елены Петровны Зуйковой в списке авторов сборника статей, выпущенного кафедрой арабской филологии филологического отделения ИСАА в 1993 году, Ирка ахнула:

— Неужели она?..

— Ты имеешь в виду — отравила племянницу? Нет, думаю, ее вина существенно скромнее. Она знала, что Фаршад подозревает Снежану в краже денег. Знала с самого начала. Он ведь не утруждал себя соблюдением правил хорошего тона, верно? Значит, вполне мог трепаться по телефону с кем-нибудь из соотечественников в ее присутствии. Чего стесняться тетку, которая тебя обслуживает? А тетка ничем не выдала своей осведомленности. Не поговорила с племянницей, не кинулась искать в ее вещах деньги, не воспрепятствовала тому, чтобы Снежана продолжала убирать «люкс». Немного странное поведение для любящей тетушки и щепетильной хозяйки, которая дорожит репутацией своего заведения, да? А отгадка проста: тетушка одобряла план Фаршада. Очень ей хотелось выдать племянницу за богатого араба. И с нефтяным князьком породниться, и сиротку сбагрить, при виде которой у души-Ника слюнки текут. А девушка, как назло, на араба не смотрит, намеков не понимает. Но, если поймать ее на воровстве с поличным, припугнуть тюрьмой, наверняка станет сговорчивее.

— Кать, да с чего ты взяла, что все было так? Что Елена Петровна знала о краже и планах Фаршада?

— А тебе самой не показались нелепыми ее объяснения? Это нормально — найти в чулках покойной племянницы записку и тут же заподозрить ее в воровстве? К тому же никто ведь о краже даже не заикался. Почему не предположить, что девочка всю жизнь копила деньги и привезла их еще из Вологды? Выиграла в лотерею? Заняла у кого-нибудь? Нашла кошелек на улице? Но мало того, что твоей хозяйке не пришел в голову ни один из этих невинных вариантов, так она еще и с находкой своей обошлась до невозможности оригинально. Представь: ты находишь у кого-то из своих близких деньги, уверяешь себя, будто они украдены, прикидываешь, кого бы могли обворовать. Неужели ты подбросишь их предполагаемой жертве, даже не попытавшись узнать, имела ли место кража?

— Ну... Не знаю. Пожалуй, и, правда, странный поступок.

— Более чем.

— Ладно, убедила. Да, я понимаю: если Елена Петровна подбросила деньги, зная о видеокамере, то она не убивала. Зачем напоминать о краже и видеозаписи, если знаешь, что Снежана не ходила на балкон, что на записи ее не будет, и такая удобная версия самоубийства может рухнуть?

— И какой смысл пробираться к цветку по-пластунски, чтобы не попасть в объектив, если до этого она подходила к балкону совершенно открыто? — подхватила я. — Вот о чем твоя хозяйка точно не могла знать, так это о том, что ты обратишь внимание на ее олеандр и запомнишь его нетронутым.

ЦВЕТЫ ЯДОВИТЫЕ

— Но кто же тогда убийца? Ты знаешь?

— Догадываюсь. И об этом, и о том, кто на самом деле воровал у араба деньги, желая подставить Снежану. Будь воровкой Снежана, она попала бы в Фаршадову ловушку. Как ты понимаешь, девочка с Вологодчины вряд ли учила арабский.

Я стерла в окошке поисковика предыдущую надпись и вбила «общество российско-арабской дружбы». Первая же ссылка на открывшейся странице вела на официальный сайт общества, на главной странице которого предлагалось меню с пунктом «расписание мероприятий». Щелкнув по нему, я выделила надпись «курсы арабского языка» и повернулась к Ирке.

— Не может быть! — Она прижала ладони к щекам. — Сэми не могла! Она же законопослушная американка! Она притворяться не умеет!

— Тем не менее Сэми долгое время успешно дурила вам голову, открыто нападая на араба и путаясь с ним тайком, — пожалала я плечами. — Ты действительно веришь, что после такого красавца она могла запасть на Жорку, вся прелесть которого заключается в умении петь задушевные бардовские песни? Мне кажется, логичнее предположить, что она с Жоркиной помощью развила свои актерские способности. Только это ей не помогло. Фаршад по-прежнему не замечал ничего и никого, кроме Снежаны. И даже не поленился дать в морду ее обидчику: для человека, презирающего женщин как класс, поступок, согласись, неординарный. Наверное, он стал для Сэми последней каплей. Толчком за грань — туда, где решение уничтожить соперницу представляется и разумным, и морально оправданным.

— Кать, это все очень логично, но... Не знаю, как объяснить, чтобы не выглядеть снобкой. Если без тонкостей, то Сэми попросту не хватило бы ума...

— На что? Способ убийства ей предупредительно подсказала хозяйка, объяснившая, как опасен олеандр. Про видеокамеру она узнала из разговора арабов. А уж на то, чтобы прижаться к стеночке, на которой висит камера, и проделать путь до балкона на карачках у Сэми как-нибудь должно было хватить соображения. Как и на то, чтобы подловить Снежану ночью, когда все разошлись спать. Особенно учитывая, что днем девочка старалась из комнаты не выходить.

— Но она должна была убедить Снежану выпить отраву, — не сдавалась Ирка. — Прикинуться заботливой, сочувствующей. Говорить всякие ободряющие слова, наблюдая, как девочка, которую ты утешаешь, пьет приготовленный тобой яд — это какой же циничной хитрой дрянью нужно быть?

Я понимала, что мои слова будут восприняты, как удар ниже пояса, но все равно не удержалась:

— Ир, мы с тобой уже говорили сегодня о том, что люди, пожираемые страстью, находятся в измененном состоянии сознания, помнишь? Обычные мерки тут не годятся. □

Дэн Чиаммачелли

Добрый
дух

Ратон-Сити

На фоне серо-стального зимнего неба, затянутого похожими на клочья грязной ваты облаками, огромный конус вулкана Капулин напоминал одинокого стража, мрачно взиравшего на покрытую застывшей лавой долину Эль-Дьябло в северо-восточной части штата Нью-Мексико.

Майк Макфадден, сидевший за рулем тягача «питербилт» с 18-колесным трейлером на буксире, медленно ползущего по шоссе № 87, петлявшему меж уродливых нагромождений скал, чувствовал этот «взгляд», как говорится, «всей кожей», поскольку за два года регулярных рейсов по маршруту Амарильо — Таос прекрасно изучил, какие гадкие «сюрпризы» способен преподнести этот участок дороги. Тем не менее, в тот вечер он — опытный и осторожный «дальнобойщик» — упорно продолжал жать на газ, надеясь успеть домой в Таос до начала снежной бури, чтобы отметить первое совместное Рождество с молодой женой и их недавно родившимся малышом.

Включив рацию, он принялся вращать ручку настройки, пока не наткнулся на песню «К нам приехал Санта-Клаус!» — «подарок» радиостанции KRTN из Ратон-Сити, городка, расположенного милях в тридцати к западу.

Буквально в ту же минуту по лобовому стеклу забарабанили первые шарики снежной крупы, а машина содрогнулась от бешеного порыва ветра. Вскоре снегопад превратился в настоящий буран, однако Майк и не думал сбавлять скорость. Конечно, лучше всего было бы остановиться и переждать, пока метель хоть немного не стихнет, но, судя по показаниям

Добрый
дух
Ратон-Сити

приборов, бензина хватало лишь на то, чтобы с трудом дотянуть до Ратон-Сити — ни о каком отоплении не могло быть и речи.

Когда же тягач внезапно начал соскальзывать с шоссе в придорожный кювет, Майк понял, что остановиться все равно придется. Резко затормозив, он попытался вывернуть руль влево, но было слишком поздно — тяжелый трейлер на полном ходу врезался в «питербилт», и вся «сцепка» завалилась набок, словно выброшенный на берег кит, а сам Майк по неволе скатился на пассажирское сиденье.

Убедившись, что он цел и невредим, Майк первым делом схватил микрофон, теперь болтавшийся у него над головой, и попытался вызвать помощь, но из динамика раздавалось лишь шипение. «Антенна сломалась!» — понял он и, кипя от злости, стукнул кулаком по покрытому паутиной трещин ветровому стеклу, тут же рассыпавшемуся на мелкие осколки. Проклиная себя за несдержанность, Майк осторожно выбрался на капот, прыгнул на землю и, обогнув перевернутый «питербилт», медленно поплелся по шоссе в сторону Ратон-Сити. Все вокруг скрывала белая пелена, и ему оставалось только одно — надеяться, что он — на верном пути.

Ему не понадобилось много времени, чтобы понять всю глупость этой затеи — идти пешком в самый разгар снежной бури. Все, что он сотворил, теперь казалось настолько нелепым, что Майк подумал — уж не сама ли Судьба решила, что его земные дни сочтены? Снежные хлопья забивали глаза, яростные порывы ветра проникали сквозь куртку и толстый свитер, ледяной холод пробирал до костей. Около часа Майк, словно в трансе, шагал вперед, не разбирая дороги, пока, споткнувшись, не скатился вниз по насыпи. Он попытался встать, но обледеневшие ноги отказывались повиноваться. Почувствовав, что он окончательно выбился из сил, Майк свернулся калачиком и крепко зажмурился.

— Отдохну пару минут, а потом попробую встать, — решил он, погружаясь в дрему.

Неожиданно ему стало так тепло и уютно, что он даже увидел свою жену Лору, которая, сидя на старом продавленном диване, играла с их трехмесячным сынишкой Джимми. Это зрелище настолько завораживало, что он едва не вскрикнул от негодования, когда его грезы прервал чей-то незнакомый голос.

— Слава богу, очухался! А то я уж подумал, что ты околел от холода.

Открыв глаза, Майк с удивлением обнаружил, что находится на пассажирском сиденье машины, и кто-то закутал его в теплый пушистый клетчатый плед. Заметив на приборной панели радиостанцию и красную «мигалку», он подумал, что находится в полицейском патрульном «крейсере» и, повернув голову налево, понял, что не ошибся. Сидевший за рулем человек явно был копом: на рукаве его форменной куртки красовался шеврон сержанта полиции Ратон-Сити, да и вообще, несмотря на седину в волосах и очки в стальной оправе, незнакомец вполне мог служить моделью для рекламного плаката — каким должен быть настоящий служитель закона.

— Как самочувствие, приятель? — звучным баритоном пророкотал сержант, добродушно глянув на Майка. — Тебе чертовски повезло, что я оказался рядом, иначе ты бы уже превратился в ледышку.

— Вы правы, сэр, — пробормотал тот. — Наверное, мне стоило отсидеться в кабине тягача и как-нибудь переждать этот буран... Но вас-то куда понесло в такую погоду? Я не могу разглядеть даже капота вашей машины.

— А ты бы предпочел, чтобы я сидел в участке, попивая кофе, когда человек замерзает до смерти? — усмехнулся полицейский. — Кстати, о кофе — рядом с тобой стоит термос! Угощайся.

— Спасибо! — Отвинтив колпачок, Майк наполнил его до краев и с наслаждением глотнул обжигающего напитка. — И все-таки, как вы меня нашли?

— Кое-кто увидел твой перевернутый тягач и набрал «911».

— Неужели вы забираетесь так далеко от города?

— Обычно — нет. Нас слишком мало, чтобы патрулировать такую огромную территорию, особенно в буран. Просто повезло — ты отошел от своего тягача всего футов на пятьдесят, а потом потерялся и начал петлять кругами. — Он дружески подмигнул Майку, вызвав у него прилив симпатии, и хотя шофер, как и большинство его коллег, недолюбливал «блюстителей порядка» за их чрезмерную придирчивость, этот сержант с первого взгляда показался ему «своим парнем». — Я заранее забронировал тебе номер в мотеле, откуда ты можешь позвонить кому угодно.

Майк тут же вспомнил о жене и сыне.

— Я надеялся взять напрокат машину и рвануть домой — в Таос. Моя жена недавно родила первенца, и мне бы очень хотелось встретить наше первое Рождество вместе с ними.

Добрый
дух
Ратон-Сити

— Увы, приятель, но в Сочельник все тачки на-расхват. А, кроме того, полиция штата перекрыла все дороги, так что даже если бы тебе удалось раздобыть машину, ты бы не выбрался из Ратона. Сомневаюсь, что ты попадешь домой к Рождеству — разве что через день! Впрочем, пусть это тебя не волнует... если хоть немножко веришь в чудеса.

Майк тяжело вздохнул, подумав, что в его нынешнем положении и впрямь остается уповать лишь на чудо.

— А у вас есть семья?

— Еще бы! Лучшая жена на свете и трое чудесных ребятишек. Мы почти не расстаемся, но я знаю, каково это — оказаться вдали от тех, кого любишь всем сердцем. У меня еще двое от первого брака, и знал бы ты, как я по ним тоскую. Мои родители тоже живут довольно далеко отсюда, и мы видимся куда реже, чем хотелось бы. Отсюда вывод — каким бы испытаниям не подверг нас Господь, надо выдержать их с честью. Научись ценить то, что имеешь, и не рисковать понапрасну. Жизнь и так слишком коротка.

Всю дорогу до Ратон-Сити Майк молчал, размышляя над словами попутчика. Проехав пару кварталов по Мэйн-стрит, сержант свернул налево и через полмили притормозил возле мотеля «Робин Гуд». Однако, вместо того чтобы зайти в офис управляющего, патрульный указал на домик № 11 и протянул Майку ключ с биркой.

— Приехали. Номер в твоем распоряжении. Считай это рождественским подарком от администрации Ратон-Сити.

Майк взял ключ, удивляясь предусмотрительности полисмена.

— Такое впечатление, будто вы заранее знали о том, что я еду, — криво ухмыльнулся он, вылезая из машины.

— В общем-то, ты прав.

Вскинув голову, Майк удивленно уставился на сержанта. Его голубые глаза задорно поблескивали, но в этом не было ни малейшего намека на шутку.

— Даже не знаю, как вас и благодарить. Вы спасли мне жизнь.

— Любой на моем месте поступил бы так же. Только в следующий раз веди аккуратнее и почаще вспоминай о жене и малыше. А насчет благодарности... Будешь в наших краях, может, поставишь мне кружечку пивка.

— Непременно! — пообещал Майк. Захлопнув дверцу, он некоторое время стоял, глядя вслед патрульной машине, а когда красные габаритные огни скрылись в ночи, повернулся, вставил ключ в замочную скважину... и, потрясенный, застыл на пороге, не силах вымолвить ни слова, увидев Лору, игравшую с маленьким Джимми.

— Закрой дверь поскорее, не то малыш простудится! — воскликнула она и, бережно положив младенца на кровать, бросилась ему навстречу.

— Как ты здесь оказалась?! — нежно обнимая ее, прошептал Майк. — Откуда ты узнала?..

— Дорогой, разве не ты послал за нами того джентльмена?

— Какого?!

— Очень симпатичного сержанта полиции, заехавшего за нами в Таос, чтобы мы могли встретить Рождество всей семьей. Он сказал, что ты сам попросил его об этом, так как вынужден задержаться в Ратон-Сити, погрузил в машину все наши рождественские подарки и даже добавил от своих щедрот вон ту маленькую елку, что стоит в углу. Это и впрямь чудесный человек! Представляешь — проделать такой долгий путь, чтобы оказать любезность совершенно незнакомым людям!

Вспомнив прощальные слова сержанта, Майк задумчиво кивнул.

— Прямо не полицейский, а какой-то ангел-хранитель.

Даже не пытаясь найти объяснение свершившемуся «чуду», он повернулся к жене и заглянул в ее темно-зеленые глаза.

— С Рождеством тебя, дорогая!

— И тебя, милый!

Позвонив своему шефу и сообщив об аварии, Майк узнал, что ремонтная бригада уже на месте, и получил разрешение посвятить Рождество семье. Наутро они с Лорой обменялись подарками под маленькой елкой, а затем устроили роскошный обед в ближайшем ресторанчике. За короткий зимний день, проведенный в Ратон-Сити, он был поражен дружелюбием чуть ли не каждого встречного. Одна супружеская пара, узнав, что у них нет машины, даже устроила для них настоящую экскурсию, показав все местные достопримечательности — в том числе Большую Рождественскую елку в Рипли-парке и смотровую площадку, откуда открывался поистине потрясающий вид на Ратон-Кэньон. К вечеру Майк пришел к выводу, что Ратон-Сити — одно из тех местечек, где бы он с удовольствием поселился навсегда. Казалось, все вокруг излучает мир и спокойствие.

Добрый
дух
Ратон-Сити

На следующий день Майк с легкостью взял машину напрокат, но прежде чем вернуться в мотель за женой и сынишкой, решил заглянуть в полицейский участок, чтобы напоследок еще раз выразить признательность своему благодетелю. Войдя в вестибюль, он подошел к окошечку в стеклянной панели, где сидела девушка в форме — дежурный диспетчер.

— Я бы хотел поговорить с одним из ваших офицеров, поблагодарить его за помощь, оказанную им мне и моей семье в Сочельник.

— Нет проблем, сэр, — улыбнулась дежурная. — Как его зовут?

Майк растерянно пожал плечами.

— Вообще-то, он не представился. Высокий голубоглазый шатен с легкой сединой, в очках. Может, мне поговорить с вашим шефом?

— Минутку, сэр, — ответила девушка, снимая телефонную трубку. — А пока будете ждать, посмотрите на стену справа, там фото всех наших сотрудников. Вдруг вы его узнаете?

Тщательно изучив «экспозицию», Майк так и не смог отыскать своего спасителя, как вдруг...

— Странное дело, мисс! Здесь его нет, зато вон там, на снимке в углу...

— В углу? — удивилась та. — Где именно? — Однако, увидев фото, на которое указывал Майк, она внезапно побледнела, выронила трубку и даже не шелохнулась, когда у стойки появился немолодой мужчина с нашивками капитана.

— Добрый день, сэр. Капитан Маркус, начальник полиции. Чем могу помочь? — скороговоркой выпалил он.

— Здравствуйте. Я всего лишь сказал вашему диспетчеру, что хотел поблагодарить офицера, который под Рождество так выручил меня и мою семью. Вон его фото.

Взглянул на снимок, на который указывал Майк, Маркус на секунду замер, а когда он обернулся, его глаза сверкали от ярости.

— Не знаю, мистер, что за розыгрыш вы задумали, но в этом нет ничего смешного. Лучше

вам убраться отсюда подобру-поздорову, пока я не засадил вас за решетку.

Майк вздрогнул, как от пощечины.

— Не понимаю, сэр, за что вы на меня так взъелись! Я лишь хотел поблагодарить вашего сотрудника за его доброту и отзывчивость, и не вижу в этом ничего странного. Пожалуйста, передайте ему от меня привет, а я возвращаюсь домой в Таос.

Майк уже поворачивал ключ в замке зажигания, когда услышал стук в дверцу и, вскинув глаза, увидел капитана, стоявшего возле машины.

— Что вам угодно? — сердито буркнул он, опустив стекло. — Может, решили выписать штраф за парковку в неподобающем месте?

Капитан смущенно откашлялся.

— Простите, что я на вас так напустился, сэр... сейчас объясню — почему. Но сначала попрошу во всех подробностях рассказать, что с вами случилось под Рождество.

Пожав плечами, Майк выключил мотор, вылез из машины и, максимально сосредоточившись, изложил все о своих приключениях на горной дороге. Капитан слушал, не перебивая.

— Вот так это и произошло, капитан. У вас работает отличный офицер. Я обязан ему жизнью, и не только.

Когда они вернулись в участок, девушка-диспетчер рыдала, как малое дитя, и Маркус кивком указал ей на дверь.

— Успокойся, Бекки, сходи выпей чашечку кофе.

Дождавшись ее ухода, капитан потрясенно покачал головой, а затем повернулся к фотографии в углу, и Майк с удивлением заметил, что его глаза увлажнились.

— Да, сэр, он и впрямь был отличным офицером...

— Был? — нахмурился Майк. — С ним что-то случилось?

Капитан горестно вздохнул.

— Это — сержант Винсент Харрельсон, один из моих лучших сотрудников и близкий друг, в прошлом году как раз накануне Рождества погибший в авиакатастрофе — вместе с женой, тремя детьми и тестем. Его все любили. Не представляю, как объяснить случившееся с вами, но порой мне кажется, что его дух по-прежнему витает где-то рядом. — Больше не в силах сдерживать чувства, Маркус безнадежно махнул рукой и скрылся у себя в кабинете.

Сглотнув подступивший к горлу комок, Майк заворожено уставился на фотографию Винсента Харрельсона, и на миг ему показалось, что на лице покойного сержанта мелькнула уже знакомая задорная улыбка.

«Наверное, почудилось, — подумал он, промокая выступившие слезы носовым платком. — Впрочем, как знать?..» □

Перевод с английского **Дмитрия Павленко**

Инна Мухина

Издалека приеду
Обновленной,
Пропахшей гарью
Дальних поездов,
Их незнакомой пылью
Пропыленной
И посвященной
В тайны городов,
Влюбленной в храмы,

Улицы и лица
Людей чужих,
Сроднившихся со мной.
Мне сны цветные
Долго будут сниться
О Севере
В Москве
Моей ночной.

Калина, рябина,
Лесные поверья,
Заплачут вослед
По ушедшему двери,

Дождешься ли ты
Своего родника?
А доля сурова,
Медова, горька ...

Петроградский мираж

*О, Бронзовый Гигант!
Ты создал призрак-город.
Максимилиан Волошин*

Петроградский мираж,
Старый Заячий остров,
Где бы я ни была,

Ты судьбы моей остов.
Видно, в невской воде
Меня в детстве крестили,

И по свету бродить
От себя отпустили.
Я в Версале твои
Вспоминаю фонтаны
И решетки мостов
В паутинке тумана.
Я воспеть не могу
Флорентийскую осень,
Растревожил меня

Старый Заячий остров.
Там, где Невский проспект
Обручается с Летой,
Медный царь стережет
Петроград до рассвета,
Золотая игла
В небе светится гордо,
По каналам плывет
Белым лебедем город.

Ирина Щербина

Ворожба

Я черчу охранный круг
От страданий, от разлук,
Огражу свои следы
От печалей и беды.
Ломким мелом — полоса,
Углем смелым — небеса
Оторочены навек,
На плечо ложится снег.
У порога — белый конь,
Под копытами — огонь.
Все минувшее сожгу,
Привлекая ворожбу.
Тонкой спицей — по воде,
Колесницей — по судьбе
Я замкну защитный круг,
Чур меня, лукавый друг!

Евгения Белогорцева

У себя на родине, в Англии, Джером Клапка Джером популярен в нынешние времена гораздо меньше, чем у нас, в России. В чем тут дело — загадка. Возможно, в том, что после него родилось и стало популярным еще не одно поколение английских писателей-юмористов, которые известности так и не приобрели. Но, как бы то ни было, любой человек, услышав название «Трое в лодке, не считая собаки», непроизвольно улыбнется, припомнит самые смешные моменты, да и подумает, а не перечитать ли книгу — хотя бы для поднятия настроения.

Тонкий английский

Юмор

«Слабый всегда уступает
дорогу сильному,
И только самый сильный
уступает дорогу всем»

Дж. К. Джером

Как настоящий англичанин, Джером всегда отличался оригинальностью. Взять хотя бы его второе имя — Клапка, очень странно звучащее для любого уха — хоть английского, хоть русского. Это вовсе не псевдоним и не забавная придумка автора. Это реальное имя венгерского генерала Дьердя Клапки, который был дружен с отцом Джерома, и в честь которого последний дал сыну столь необычное второе имя.

Джером родился в 1859 году в графстве Стаффордшир. Его отец торговал скобяными изделиями, также числился проповедником, хоть и без наличия духовного сана, и периодически занимался инвестициями. Однако при всех этих разносторонних занятиях успешным назвать его было трудно. Единственное его достояние, пожалуй, — четверо детей, которые, разумеется, не приносили никакого дохода, а влекли одни лишь траты. Младший сын умер в раннем возрасте, и осталось трое — будущий писатель Джером и две его сестры.

После очередной неудачной инвестиции отца в горнодобывающую компанию семья Джеромов окончательно обанкротилась и была вынуждена перебраться в район лондонской бедноты и рабочих — Ист-Энд. Однако, несмотря на все трудности, Джером-старший решил все же дать сыну образование, и будущий юморист отправился в классическую школу.

Проучился он там, правда, недолго. В 1871 году умер отец, и

Джерому, как единственному мужчине в семье, пришлось устраиваться на работу. Сначала в железнодорожную компанию — собирать уголь, валявшийся вдоль железных дорог, а после смерти матери (она пережила отца всего на пару лет) чем он только не занимался, чтобы обеспечить пропитание себе и сестрам: был и школьным учителем, и репортером, и даже актером...

Любовь к театру привила ему сестра Бландина. Под псевдонимом Гарольд Кричтон Джером решил попробовать себя на сцене. Неизвестно, была ли отсыпана ему толика таланта в этом ремесле, но именно актерство и сподвигло его взяться за перо. Свои впечатления о театральной работе он описал в книге «На сцене и за кулисами», вышедшей в 1885 году. Он рассказывал даже не о театре, а о том, что подавалось (и продавалось!) под этим названием в исполнении актерского ансамбля, где актеры сами покупали себе костюмы, где количество репетиций сводилось к двум-трем, антрепренеры нещадно урезали гонорары, а спектакли шли на сцене, пока собирали зрителей. Труппа была небольшой, поэтому многим приходилось переодеваться крайне быстро, чтобы выходить на сцену во множестве ролей в рамках одного спектакля. Сам Джером вспоминал, что в «Гамлете» он исполнил все роли, кроме Офелии...

Первое же произведение молодого автора принесло ему шумный

успех, что позволило Джерому, во-первых, поверить в себя, во-вторых, выбраться из нищеты. Ну, и в-третьих, окончательно выбрать жизненную стезю — он решил стать писателем.

Через три года Джером женился — на женщине с длинным и прекрасным именем Джорджина Элизабет Генриетта Стэнли Мэрисс

(друзья называли ее просто Эtti). Свадьба состоялась всего через девять дней после развода Эtti с первым мужем. От первого брака у нее была пятилетняя дочь, тоже Джорджина, но ее называли Элси, дабы не путать с матерью.

Счастливая пара отправилась в свадебное путешествие на лодке

по Темзе, которое, как считают, и легло в основу знаменитой повести «Трое в лодке, не считая собаки».

Прототипами персонажей стали реальные друзья Джерома — Джордж Уингрейв и Карл Хеншель. Ну, и Этти, конечно.

Книга мгновенно стала невероятно популярной. За первые двадцать лет было продано более миллиона экземпляров по всему миру. Она продолжает переиздаваться и сейчас, что уж говорить о первых годах издания, когда приходилось то и дело заказывать дополнительный тираж.

Помимо успеха, славы и денег, которые она принесла своему автору, книга имела еще один неожиданный эффект: количество зарегистрированных на Темзе лодок

люди останавливали друг друга прямо на улице, чтобы зачитать наиболее удачные, по их мнению, отрывки... Учитывая всегдашнюю чопорность жителей острова, это просто из ряда вон выходящее событие.

Джером мгновенно стал знаменитостью: его узнавали на улицах, во время поездок его осаждали корреспонденты, требуя высказаться по самым разным вопросам, начиная от англо-бурской войны и заканчивая его мнением относительно этического обоснования опытов vivisection.

Он много работал, трудился редактором в сатирическом журнале «Лентяй», где начинали малоизвестные в те времена Конан Дойл, Марк Твен и Брет Гарт. Свои соб-

Как единственному мужчине в семье, Джерому пришлось устраиваться на работу. Сначала в железнодорожную компанию, а после смерти матери чем он только не занимался, чтобы обеспечить пропитание себе и сестрам: был и школьным учителем, и репортером, и даже актером

выросло на пятьдесят процентов, и Темза стала настоящей достопримечательностью.

Стоит ли говорить об огромном количестве радиопостановок, телефильмов, пьес, поставленных по сюжету «Троих в лодке...»?

Рассказывали также, что после выхода книги даже малознакомые

произведения Джером помещал в журнале редко, разве что нужно было подогреть угасавший время от времени интерес публики к изданию. Он также написал немало пьес, во время постановки которых лондонским театрам приходилось с боем добывать билеты.

В России Джером стал популярен примерно в то же время — в начале прошлого века. Писатель путешествовал по России, и «Петербургский листок» писал: отель, где остановился англичанин, осаждается поклонниками и журналистами, желающими побеседовать с гостем.

Доходило порой и до странностей: на литературном вечере прозаик И. Щеглов (Леонтьев) попросил Джерома надписать свою фотографию жившему в Ялте Чехову. Джером охотно согласился. «Однако, — как с досадой вспоминал Щеглов, — откуда ни возьмись, вынырнула какая-то экзальтированная барышня и утащила из-под носа эту самую карточку».

Интерес к писателю был столь силен, что активизировались и мощенники: под именем Джерома ста-

же прочие переводы являются подделкой.

В Америке при издании Джерома пошли еще дальше. Типичный английский юмор — юмор характеров, тонкий, почти незаметный, американский же — скорее от буффонады, от комичных ситуаций. И если последних у Джерома было немало (за что его и любили в Америке), то едкости и обличительности явно недоставало (по американским меркам). И издатели, ничтоже сумняшеся, стали... переписывать произведения Джерома, добавляя в них хлесткие бичевания, совсем не свойственные английскому писателю. Ни о каком авторском праве речь и не шла...

Однако, как это часто случается с авторами гениального и успешного произведения, Джером так и не

Первое же произведение молодого автора принесло ему шумный успех, что позволило, во-первых, поверить в себя, во-вторых, выбраться из нищеты и, в-третьих, окончательно выбрать жизненную стезю — Джером решил стать писателем

ли издаваться произведения, которых он вовсе не писал. Ему приходилось давать публичные опровержения и сообщать, что переводы его произведений на русский язык доверены лишь Н. Жариковой, жившей почти постоянно в Англии, все

смог повторить его успех. Он даже написал продолжение «Троих в лодке...» — «Трое на четырех колесах», где описывал велотурне по Европе с участием тех же героев, но эта книга оказалась не такой популярной, как первая.

К началу нового века Джером успел написать и автобиографическое произведение под названием «Школьные годы Поля Келвера», а также достаточно печальную и религиозную пьесу «Жилец с четвертого этажа», которая бы-

ла весьма прохладно встречена критиками.

В «Поле Келвере» и мемуарах Джером рассказывает, как в детстве он однажды встретил на дорожке Виктория-парка Диккенса и, преодолев робость, познакомился

с ним. Любовь к Диккенсу он пронес через всю жизнь, будучи сам при этом писателем совершенно иного рода.

Первая мировая война всколыхнула в Джероме патриотические чувства, но в силу возраста (ему было уже 56) на фронт его не взяли. Не по-

Джерома словно и не считали «настоящим» писателем. Даже Бунин, искренне восхищавшийся им, после их встречи писал: «Он... навсегда оставил во мне впечатление чего-то очень добротного и очень приятного, но никак не юмориста»

И дело тут вовсе не в масштабе дарования. Просто герои Джерома, в отличие от героев Диккенса, никогда не стали бы символами англичан как нации. В них не было значительности, основательности, стойкости. Скорее они были неким обобщенным «маленьким человеком» викторианской эпохи. Зато именно в этих героях условный «средний» читатель узнавал самого себя, хотя ни за что и никогда в этом не признался бы.

Джерома словно и не считали «настоящим» писателем. Даже Бунин, искренне восхищавшийся им, писал об их встрече в 1926 году, за год до смерти Джерома: «Он... навсегда оставил во мне впечатление чего-то очень добротного и очень приятного, но уж никак не юмориста». Вероятно, он ожидал встретить поверхностного остроумца, так и сыплющего шутками, а встретил типичного, приземленного, основательного англичанина.

лучив желаемого на родине, в Англии, Джером, страстно желая послужить на пользу общему делу, отправился к союзникам и устроился водителем «Скорой помощи» во французскую армию, еще раз доказывая, что англичанам порой приходят в голову весьма и весьма оригинальные решения.

Но война подействовала на Джерома угнетающе. Свою роль сыграла и смерть в 1921 году падчерицы Элси.

В это же время вышли в свет его мемуары под названием «Моя жизнь и эпоха», не отличающиеся, естественно, юмором, которого все так ждали от Джерома. Всего через год после окончания работы над мемуарами, в 1927 году писателя настиг инсульт, от которого он и скончался в больнице Нортхэмптона.

Джером К. Джером похоронен в церкви Святой Марии в Эфилме, графство Оксфордшир. Рядом с ним лежат Этти, Элси и его сестра Блан-

дина. В городке Уолсолл есть дом-музей писателя.

Возможно, он и не оставил столь великого следа в литературе, как

многие другие писатели, но он делал главное — заставлял людей улыбаться.

Джером К. Джером

Отрывок из повести «Трое в лодке, не считая собаки»

Нас было четверо — Джордж, Уильям Сэмюэль Гаррис, я и Монморенси. Мы сидели в моей комнате, курили и рассуждали о том, как мы плохи, — плохи с точки зрения медицины, конечно.

Мы все чувствовали себя не в своей тарелке и очень из-за этого нервничали. Гаррис сказал, что на него по временам нападают такие приступы головокружения, что он едва понимает, что делает. Джордж сказал, что у него тоже бывают приступы головокружения, и он тогда тоже не знает, что делает. Что касается меня, то у меня не в порядке печень. Я знал, что у меня не в порядке печень, потому что недавно прочитал проспект, рекламирующий патентованные пилюли от болезней печени, где описывались различные симптомы, по которым человек может узнать, что печень у него не в порядке. У меня были все эти симптомы.

Это поразительно, но всякий раз, когда я читаю объявление о каком-нибудь патентованном лекарстве, мне приходится сделать вывод, что я страдаю именно той болезнью, о которой в нем говорится, и притом в наиболее злокачественной форме. Диагноз в каждом случае точно совпадает со всеми моими ощущениями.

Помню, я однажды отправился в Британский музей почитать о способах лечения какой-то пустяковой болезни, которой я захворал, — кажется, это была сенная лихорадка. Я выписал нужную книгу и прочитал все, что мне требовалось; потом, задумавшись, я машинально перевернул несколько страниц и начал изучать всевозможные недуги. Я забыл, как называлась первая болезнь, на которую я наткнулся, — какой-то ужасный бич, насколько помню, — но не успел я и наполовину просмотреть список предварительных симптомов, как у меня возникло убеждение, что я схватил эту болезнь.

Я просидел некоторое время, застыв от ужаса, потом с равнодушием отчаяния снова начал перелистывать страницы. Я дошел до брюшного тифа, прочитал симптомы и обнаружил, что я болен брюшным тифом, — болен уже несколько месяцев, сам того не ведая. Мне захотелось узнать, чем я еще болен. Я прочитал о пляске святого Витта и узнал, как и следовало ожидать, что болен этой болезнью. Заинтересовавшись своим состоянием, я решил исследовать его основательно и стал читать в алфавитном порядке. Я прочитал про атаксию и узнал, что недавно заболел ею и что острый период наступит недели через две. Брайтовой болезнью я страдал, к счастью, в легкой форме и, следовательно, мог еще прожить многие годы. У меня был дифтерит с серьезными осложнениями, а холерой я, по-видимому, болен с раннего детства.

Я добросовестно проработал все двадцать шесть букв алфавита и убедился, что единственная болезнь, которой у меня нет, — это воспаление коленной чашечки.

Сначала я немного огорчился — это показалось мне незаслуженной обидой. Почему у меня нет воспаления коленной чашечки? Чем объяснить такую несправедливость? Но вскоре менее хищные чувства взяли верх. Я подумал о том, что у меня есть все другие болезни, известные в медицине, стал менее жадным и решил обойтись без воспаления коленной чашечки. Подагра в самой зловредной форме поразила меня без моего ведома, а общим предрасположением к инфекции я, по-видимому, страдал с отроческих лет. Это была последняя болезнь в лечебнике, и я решил, что все остальное у меня в порядке.

Я сидел и размышлял. Я думал о том, какой интерес я представляю с медицинской точки зрения, каким приобретением я был бы для аудитории. Студентам не было бы нужды «обходить клиники». Я один представлял собой целую клинику. Им достаточно было бы обойти вокруг меня и затем получить свои дипломы.

Потом я решил узнать, долго ли я проживу. Я попробовал себя обследовать. Я пощупал свой пульс. Сначала я совсем не мог найти пульса. Потом внезапно он начал биться. Я вынул часы и стал считать. Я насчитал сто сорок семь ударов в минуту. Я попытался найти свое сердце. Я не мог найти у себя сердца. Оно перестало биться. Теперь-то я полагаю, что оно все время оставалось на своем месте и билось, но объяснить, в чем дело, я не могу. Я похлопал себя спереди, начиная с того, что я называю талией, до головы и немного захватил бока и часть спины, но ничего не услышал и не почувствовал. Я попробовал показать себе язык. Я высунул его как можно дальше и зажмурил один глаз, чтобы глядеть на него другим. Я увидел лишь самый кончик языка, и един-

ственное, что это мне дало, была еще большая уверенность, что у меня скарлатина.

Счастливым, здоровым человеком вошел я в эту читальню, а вышел из нее разбитым инвалидом.

Я отправился к своему врачу. Это мой старый товарищ, и когда мне кажется, что я болен, он щупает мне пульс, смотрит мой язык и разговаривает со мной о погоде, — все, конечно, даром. Я решил, что сделаю доброе дело, если пойду к нему сейчас. «Все, что нужно врачу, — подумал я, — это иметь практику. Он будет иметь меня. Он получит от меня больше практики, чем от тысячи семисот обычных, рядовых больных с одной или двумя болезнями».

Итак, я прямо направился к нему. Он спросил:

— Ну, чем же ты болен?

Я ответил:

— Я не стану отнимать у тебя время, милый мой, рассказывая о том, чем я болен. Жизнь коротка, и ты можешь умереть раньше, чем я кончу. Но я скажу тебе, чем я не болен. У меня нет воспаления коленной чашечки. Почему у меня нет воспаления коленной чашечки, я сказать не могу, но факт остается фактом, — этой болезни у меня нет. Зато все остальные болезни у меня есть.

И я рассказал ему, как мне удалось это обнаружить.

Тогда он расстегнул меня и осмотрел сверху донизу, потом взял меня за руку и ударил в грудь, когда я меньше всего этого ожидал, — довольно-таки подлая выходка, по моему мнению, — и вдобавок боднул меня головой. Затем он сел, написал рецепт, сложил его и отдал мне. Я положил рецепт в карман и ушел.

Я не развертывал рецепта. Отнес его в ближайшую аптеку и подал. Аптекарь прочитал рецепт и отдал мне его обратно. Он сказал, что не держит таких вещей.

— Вы — аптекарь? — спросил я.

— Я — аптекарь, — ответил он. — Если бы я совмещал в себе универсальный магазин и семейный пансион, то мог бы услужить вам. Но, будучи всего лишь аптекарем, я в затруднении.

Я прочитал рецепт. Он гласил:

«1 фунтовый бифштекс и 1 пинта горького пива каждые 6 часов.

1 десятимильная прогулка ежедневно по утрам.

1 кровать ровно в 11 ч. вечера.

И не забивать себе голову вещами, которых не понимаешь».

Я последовал этим указаниям с тем счастливым результатом, — если говорить за себя, — что моя жизнь была спасена и я до сих пор жив. □

ЗАЩИТНИЦА

Глава 9

Первый день зимы. Дача Береславских. Шашлык на снегу

А осень тем временем плавно перетекла в зиму. Обильные дожди сменились не менее обильными снегопадами. И если Москва так и осталась мокрой серо-грязной, то Подмосковье сплошь выкрасилось в благородный белый цвет. Снег лежал на обочинах — узкие внутриселковые проезды стали походить на туннели. Снег лежал на крышах, заметно увеличивая высоту деревянных домов. И, наконец, снег лежал на ветвях, делая подмосковные леса блестящим произведением графического искусства.

Вот в такой день почти все конторские получили приглашение на 55-летие профессора Береславского, отмечаемое на его даче.

На приглашение откликнулись практически все, его получившие. И даже немного больше.

Петр Бойко и Неонила с Мишкой приглашения не имели. Они приехали в профессорскую деревеньку, чтобы встретиться с неуловимой Ольгой Шеметовой. Та так погрязла в своих юридических делах, что первым возможным временем для randevу стал выходной. А поскольку его планировали провести на даче Ефима Аркадьевича, то Ольга и дала этот адрес

Журнальный вариант. Окончание. Начало в №12, 2014 г.

Неониле, планируя незаметно отъехать на полчасика в какое-нибудь близлежащее кафе. Там бы и переговорили.

На деле вышло иначе.

Аккуратный Петр Иванович приехал на своей «Волге» за четверть часа до обозначенного срока. А абсолютная женщина Ольга Викторовна — через три четверти часа после оногo. Не опаздывала она только в суд и на деловые встречи.

Вот за этот образовавшийся в итоге час бывший прапорщик и был пленен профессором Береславским.

Сначала в прямом смысле, потом — в переносном.

Профессор увидел в камере охранной системы остановившуюся у дома черную «Волгу». Нила с Мишкой отошли побродить по заснеженным дорожкам, так что в автомобиле находился только серьезный уса́тый мужчина. Пять минут стоял, десять, двадцать. Так из машины никто и не вышел.

Зная, что сейчас к нему приедут гости, участвующие в каком-то небезопасном расследовании, он слегка заволновался. А когда профессор волновался, часто становился гораздо более решительным, чем следовало бы. Поэтому, зарядив предварительно металлический магазин «Сайги» десятью пулями, Ефим Аркадьевич вышел на улицу.

Бывший прапорщик был слегка удивлен, причем, неприятно, увидев направленный в свою сторону конкретный десятимиллиметровый ствол и явно невоенного человека, в чьих руках этот ствол находился, что, кстати, сильнее всего напрягло Петра Ивановича, он инстинктивно не доверял лысым штатским очкарикам, оснащенным мощным огнестрельным оружием.

Стараясь выглядеть максимально спокойным, Бойко объяснил цель визита. Профессор, не опуская «Сайгу», по мобильному телефону проверил его показания, и только после этого счел возможным смутиться.

А, смутившись, разумеется, пригласил Петра Ивановича в дом.

Тут, весьма кстати, и Неонила с ребенком подошли. Услышав про приглашение, Нила заволновалась. Она была не прочь зайти в тепло, они с Мишкой уже успели изрядно выморозиться, однако ее кое-что смущало. А именно: долгожданный, хоть еще и не узаконенный Нилин ребенок говорил мало, зато зачастую неожиданно. Например, слово из трех букв, рисуемое обычно маргиналами на заборах, было одним из наиболее используемых в лексиконе мальчика. Нила и Петр немало усилий приложили к тому, чтоб лексикон поменялся. Он и менялся, но — медленно.

Профессор, проявляя деятельное раскаяние, настаивал на своем приглашении и, как всегда, размахивал руками. Поскольку в одной из них было компактное, но от этого не менее смертоносное ружье, Петр Иванович деликатно попросил его поставить «Сайгу» на предохранитель. Ефим Аркадьевич, еще более смутившись, дополнительно сложил откидной приклад, что также делало несанкционированный выстрел невозможным, и удвоил усилия по вытаскиванию незваных гостей из машины.

В конце концов, Бойко и Неонила уступили, и были первыми из гостей, кто оказался внутри профессорского дома.

Внимание Петра Ивановича сразу привлекли висевшие на стенах картины, которые не только прекрасно вписывались в интерьер, но и мощно притягивали к себе взоры гостей. Но уже через минуту пытливый взгляд бывшего прапорщика остановился на огромной люстре — из 24-х лампочек светили лишь 19. Да еще на двери в гостиную отсутствовала ручка, от нее остались лишь дырки из-под шурупов, а красивая гардина пока висела довольно надежно, но уже не на всех крючках, какие положено.

— А почему лампочки не все светят? — хозяйским тоном спросил он.

— Перегорели, наверное, — подумав, ответил профессор.

Прапорщик, оценив глубину анализа, попросил у хозяйки запасных лампочек и стремянку — просто так до люстры было не дотянуться, даже с двух, одну на одну поставленных, табуреток.

Люстра, вобрав в палитру дополнительные огни и краски, засверкала ярче прежнего. Наталья горячо благодарила Петра Ивановича, а тот уже требовал инструмент — одна ручка на двери была оторвана полностью, вторая еще висела, но лишь на одном шурупе.

Ефим повел его в отдельную маленькую комнатку без окон, где хранились его инструменты.

Петр Иванович ахнул, обозрев хранящиеся сокровища. Это был арсенал серьезного мастера, причем, не сдерживаемого нехваткой средств. В основном, немецкие марки. Все — промышленные или полупромышленные модели. Если дрель — то уж точно не на месяц работы, а на пять лет,

причем, ежедневной. Если гаечный ключ — то надежный, идеально лежащий под руку и не искрящий. Не нужно быть ясновидящим, чтобы понять: износ у подавляющего количества образцов — нулевой.

— Зачем же такое богатство, если оно простаивает? — недипломатично спросил прапорщик.

— Люблю, — вздохнул Береславский. — Когда постоянно пользовался, работал всякой хренью. А теперь все есть, да братья неохота.

— За такие инструменты — и неохота? — не поверил Петр Иванович, опробуя в руке то один, то другой экспонат из коллекции профессора.

— Свой «Запорожец» я в свое время на дороге полностью мог перебрать, — попытался объяснить Ефим Аркадьевич. — И мечтал о собственном гараже, чтобы можно было поковыряться всласть. А теперь, когда у «ягуара» спускает колесо — вызываю «аварийку».

— Ужас! Как можно отдавать деньги за то, что легко можешь сделать сам?

— Я за это время заработаю другие деньги, — смущенно объяснил профессор, — гораздо большие.

— Тогда другое дело, — согласился Петр Иванович. Но видно было, что — из вежливости.

Подошедшая Наталья показала Петру Ивановичу направления возможных работ, и тот буквально пришел в восторг: руки аж зудели от желания испробовать чудесные инструменты.

А Ефим Аркадьевич пошел встречать начавших собираться друзей.

Большинство гостей уже бывали в этом гостеприимном доме и быстро нашли себе занятие. Кто-то играл с собаками — их вообще-то тут было целых три. Кто-то бросился помогать Наталье. Марина Томская тут же спелась со старшей дочкой профессора Лолой, джазовой вокалисткой по профессии и по зову души, что было вполне ожидаемо. Остальные просто надели валенки и

наслаждались белым снегом да раритетным в наше время воздухом: участок Береславских примыкал к лесу, и сам был частью соснового бора.

Ольга Шеметова уединилась с Неонилой, на чьих руках сидел Мишка. Он явно побаивался незнакомых людей, держаться рукой за шею Нилы (как он ее называл) было гораздо спокойнее.

Еще через полчаса сели за стол.

Основной, круглый — человек на десять — стоял в большом светлом эркере, во всех окошках которого был виден зеленый лес и искрящийся на заходящем солнце снег. К нему приставили три складных столика, так что гости уместились легко.

Завязался оживленный разговор. Темы были любые — от наболевших политических до высоких художественных.

Потом, само собой, свернули на рабочие.

Ефим потребовал рассказать про осложнения при ведении дел в Городке. Это был не праздный интерес, с учетом его безразмерных связей.

Выяснилось, что даже не все «конторские», где работали Ольга с Олегом, представляли себе размах охоты на защитников семьи Клюевых.

Первым практическое предложение внес самый старый адвокат конторы Аркадий Семенович Гескин. Он предложил бесплатное ведение дела музыканта Богданова — небедный старик уже мог себе это позволить. Ну, и поискать знакомых среди судей областного суда — ведь понятно было, что процесс с присяжными пойдет не в районном суде Городка.

Тут же подключилась и Маринка Томская, узнав историю про сломанную руку виолончелиста.

— Я могу дать с ансамблем благотворительный концерт. На операции, — пояснила она.

— А я могу его организовать, — вставил Ефим Аркадьевич. — Заодно, кстати, устроить и продажу картин, — добавил он. — Половину выручки тоже отдадим.

— И мы готовы поучаствовать, — сказала Лола.

Эта идея была согласована и занесена в электронный планшет профессора.

Тошка-«пионер» предложил свою помощь в оперативной работе в Городке. Дел у него пока было немного, работал на подхвате у старших и отдельно обучался у Гескина. Но многие из присутствующих помнили, что этот молодой человек, во-первых, уже немало может по юридической части (да и по рукопашной), а, во-вторых, — всегда готов эти свои знания и умения применить на пользу себе, друзьям и доверителям.

И лишь весельчак Волик Томский, муж Маринки и друг всех присутствующих, был настроен как-то мрачновато.

— Сдается мне, что в Городке вашем — одни «беспредельщики», — сказал он.

— Так оно и есть, — подтвердили в один голос Шеметова и Багров.

— Головы бы не лишиться, — заметил Волик.

— Легко можно, — подтвердил Ефим Аркадьевич, с некоторым недоумением глядя на сына старого друга, кстати, тоже здесь присутствующего. Однако Волик сам же и разрядил обстановку:

— Так речь не о том, чтоб сдаться, а о том, чтобы победить, и желательно без последствий.

— Логично, — согласились присутствующие.

— Похоже, здесь с нами будут работать по самым грязным схемам, — после паузы произнес Береславский. Никто не удивился, услышав «с нами». Этот колоритный, алчный и нахальный человек в принципе не бросал друзей. — Поэтому надо подключать СМИ.

Наталье все услышанное никоим образом не понравилось. Впрочем, поскольку она понимала, что мужа остановить нельзя, то пыталась лишь быстро сообразить, как уменьшить степень нависшей над компанией опасности.

Последним заговорил Петр Иванович:

— Я не юрист, и вообще невеликая птица. Но все, что могу, — к вашим услугам.

— Спасибо, — в разной откликнулись собравшиеся. В бою никто лишним не бывает. Лишь бы был крепок духом.

Глава 10

Москва. Бойко, Неонила и Мишка — как новая ячейка общества

Отношения Петра Ивановича и Неонилы представляли собой яркий пример брака по расчету,

что, несмотря на возраст Беляевой, поначалу здорово отравляло ей существование. Петр Иванович Бойко, со своим фрикративным «Г» и прапорщицким «Не положено» на роль романтического героя явно не годился. Он и так уже совершил подвиг, убрав в дальний ящик комода тренировочный костюм и придерживая мизинец во время чаепития.

Однако когда Неонила — впервые в своей жизни, между прочим, — испытала сильнейшее душевное переживание, именно этот человек подставил ей плечо, сделав возможным осуществление Мечты. Без него Мишка остался бы вне ее жизни.

С Мишкой все изменилось.

Страх генетической предопределенности, конечно, никуда не исчез, наоборот, даже обострился. Особенно он свирепствовал, когда все вроде бы становилось хорошо.

Мишка практически перестал сквернословить. Ел, как человек, а не как волчонок. Очень быстро развивался, наверстывая упущенное с младенчества, благо, Неонила обладала несметными интеллектуальными богатствами в бумажных и картонных обложках. Чтобы процесс развития шел быстрее, весь день мальчик проводил в специальном детском саду, где кроме воспитателей работали высокопрофессиональные детские психологи и логопед.

Пожалуй, теперь Мишка почти ничем не выделялся среди сверстников. По крайней мере, на первый взгляд.

На более глубокий — все-таки выделялся.

Однако именно в хорошие периоды, когда он был милым, приятным мальчиком, Нила больше всего боялась того, что, может быть, скрывали Мишкины гены.

Петр Иванович успокаивал.

Ну, не будет академиком. Ну, не станет миллионером. Они с Нилой тоже не миллионеры и не академики, а живут счастливо.

Нила с логикой соглашалась, однако сердечная тревога не проходила. Успокоилась она неожиданно, и опять же с помощью прапорщика.

— Нила, — как-то невзначай сказал он как раз в такой момент, когда она была в очередном напряге. — Нила, это неправильно.

— Что неправильно?

— Сама знаешь, — тихо проговорил Петр Иванович и неожиданно спросил: — Ты довольна, что Мишка с тобой?

— Очень, — не задумываясь, ответила Нила.

Конечно, что будет завтра, неизвестно. Зато про сегодня — все понятно. Сегодня — счастье.

Такие вот нехитрые доводы здорово подняли ее настроение.

И еще — стало заметно меньше давить на психику осознание брака по расчету.

То есть, сам факт трезвого расчета отрицать было невозможно. Ниле нужен был муж для юридического усыновления мальчика. Ниле нужна была помощь в домашних делах. И, наконец, в материальном плане две зарплаты плюс ожидаемая сумма за сдачу в аренду комнаты Бойко сильно перевешивали единственную небольшую зарплату библиотекаря. Еще нужно добавить спокойную голову рядом и пару крепких умелых рук.

Когда Неонила начинала перебирать достоинства приобретенного мужа, она, в конце концов, быстро уставала — столько их было. Недостаток же, по большому счету, имелся всего лишь один — не принц.

Но постепенно и очень неспешно они все-таки сближались.

Сначала им стало интересно беседовать друг с другом (многие супруги, начав с активной страсти, так и не доходят до подобной степени близости). Еще быстрее Петр Иванович стал необходим, если так можно выразиться, в обиходе. Он мог все, что вообще может потребоваться в быту. И, наконец, он был палочкой-выручалочкой с Мишкой, когда Нила не могла его прикрыть собой.

Короче, теперь у Нилы было все — и спина, на которую можно опереться, и локоть, за который можно уцепиться, и плечо, которое подставляют в трудный момент.

Вот только работы у Петра стало несравнимо больше.

Деньги были нужны, как воздух, и он занялся ремонтами. Ему было без разницы, что ремонтировать: автомобили, бытовую технику, дома и квартиры — лишь бы материалы и инструмент соответствовали. Дачу Береславских он, наверное, и бесплатно бы ремонтировал — так ему понравились неиспользуемые железяки профессора.

Шеметова, к счастью, запросила совсем небольшую сумму за свои услуги. Нила так и не поняла, что это: такая маленькая такса или завуалированная поддержка? Склонялась ко второму.

Ольга очень старалась, но в подобных делах быстрых результатов не бывает.

Нынешнее статус-кво — приемная мама при пьющей живой родной — поддерживалось пока самым простым способом — пятью тысячами рублей в месяц. По совету Ольги Викторовны, все деньги передавались физиологической мамаше под расписку.

Кроме того, деньги нужны были и на операцию Мишке — места прокусов заросли некрасивыми келоидными рубцами, и следующим летом предстояло две, а, может, и больше, косметических операции.

Но это летом.

А прямо сейчас предстояла очередная поездка на профессорскую дачу. Теоретически Ефим Аркадьевич собирался строить крытый отапливаемый вольер для своих собак, но по секрету признался Петру Ивановичу, что на самом деле это будет теплый денник для лошади. Или, на крайний случай, пони. И помещение для хранения сена. Бойко не удержался и сказал об этом Ниле, но она поклялась, что никогда не выдаст страшной тайны профессора.

Снега у Береславских навалило еще больше, чем в прошлый приезд, хотя, казалось бы, куда уж больше.

В этой семье ничего не изменилось.

Так же тек людской поток из дома в дом, так же звучало пианино — только на этот раз вместе с саксофоном — и молодые джазмены исполняли свои музыкальные оригинальности.

— Где хозяин? — спросил Петр Иванович у дочери-певицы.

— Мир спасает, — показала она рукой на плотно закрытую дверь кабинета. И, заметив, что бывший прапорщик направился к ней, засмеялась: — Но, скорее всего, спит. Хотя, может, и спасает — вон в Бурунди засуха кончилась.

Слегка смущенный Петр Иванович был вынужден обсудить будущую мини-стройку с Натальей, после чего пошел на участок — проводить практические измерения. Жена Береславского вернулась в гостиную, готовить при помощи Неонины обед.

— А что, стройки тоже на вас? — улыбнулась Нила.

— Ну, в общем, да, — согласилась супруга профессора.

— А смогут собачки жить в вольере? — Нила не нарушила данный мужу обет молчания, но, как женщина, не могла пройти совсем уж мимо тайны.

- Нет, конечно.
- А зачем же деньги тратить?
- Фима еще заработает, — отмахнулась хозяйка. — У него голова большая.
- А такие размеры вольера...
- Да о лошади он мечтает! — рассмеялась Наталья. — Отсюда и размеры.
- И вы согласились? — с восхищением посмотрела на нее библиотекарша.
- Ни — за — что! — отчетливо артикулируя, произнесла хозяйка.

Глава 11

Городок. Место, где возможно все

До чего ж приятно катить в машине с любимым человеком!

Ехали не быстро, Багров, в отличие от Ольги, лишь недавно получил права.

Любовались подмосковным раздольем, вели неспешную беседу. В основном — о деле, конечно. Но и без того хватало, о чем поговорить — им никогда не было скучно вдвоем.

За окном мелькали леса и поляны. Снег кое-где сошел, кое-где еще поблескивал на ярком апрельском солнце. Даже не верилось, что еще пару месяцев назад все вокруг напоминало декорации к сказке «Мороз — Красный нос», а сугробы наполовину закрывали оконца приземистых деревенских изб.

Тем временем, Городок — цель визита — становился все ближе, и супруги все чаще заговаривали о главном.

Внешне все было грустно: сила явно ломала соломку.

Из троих «перевербованных» следователи двоих завербовали обратно, применив старый

как мир прием — снова забрав в изолятор временного содержания. Там, напуганные и поверившие во всемогущество властей, они подтвердили свои первоначальные показания.

Конечно, для адвокатов это был шаг назад. Но в целом, стратегически, подготовка к неминуемому процессу с участием присяжных шла успешно. Ведь даже тот факт, что показания то дают, то от них отказываются, тоже играет против обвинительных выводов следствия. Присяжные ж не идиоты: на свободе свидетель говорит, что не слышал от Николая про убийство бизнесмена, в ИВС говорит, что слышал.

Один из них, Юрий Гири́н, которого капитан юстиции Маслаков вообще попытался сделать чуть ли не главным свидетелем, после двух «закрываний» и двух освобождений просто тайно свалил из Городка и перестал отзываться на повестки. Капитан его поиском не заморачивался, рассчитывая на суде огласить уже имеющиеся показания.

А еще была активная, хоть малозаметная, но очень важная работа, если так можно выразиться, «по закреплению ошибок следствия».

Например, «соучастник» обстрела дачи Слепнева и свидетель обвинения Власов — тот самый, который «посыпал красным перцем дорожку отхода» — по совету мудрого Косицына подписался не только под «перцем», но и под всей «военной частью» следственных изысков. То есть, дома у него и перец должен находиться центнерами, и военной литературой полки забиты — так, по крайней мере, следовало из протоколов, сочиненных Маслаковым.

После этого Олег Всеволодович написал ходатайство следователю о проведении обыска по адресу обвиняемого Власова на предмет обнаружения следов красного перца. Маслаков, загруженный по уши и не ожидавший подвоха, естественно, в ходатайстве отказал. Но отказать — не значит, что в деле об этом факте не осталось упоминания. На что и рассчитывали адвокаты.

Для обвинительно настроенного судьи такая деталь ничего не значила. Для независимых присяжных — четко демонстрировала нежелание Фемиды искать истинных виновников преступления.

Были и более серьезные факты.

Адвокат того же Гирина, поначалу склонный на мировую со следствием, с расчетом на меньший срок подзащитному, теперь поверил в успех и тоже начал профессионально, что называется, рыть землю.

Гири́н, по версии следствия, привез в день обстрела и передал Власову гранаты к гранатомету РПГ-7. Адвокат же нарыл, не без помощи Шеметовой, что указанный обвиняемый, он же свидетель против Николая Ключева, никак не мог участвовать в этом преступлении, так как отсиживал 15 ад-

министративных суток в Москве. А, соответственно, вопрос о том, откуда у Власова появились гранаты, остался открытым. Но если у Власова не было гранат, то чем они с Ключевым обстреляли собачью будку?

Сегодня Багров запланировал встречу с Ключевым. Надо было обсудить несколько вопросов, в том числе — согласовать позицию по эпизоду на бензоколонке. Олег вообще не хотел на следствии оспаривать этот эпизод, планируя прямо на суде предъявить имевшееся алиби.

Они уже подъезжали к Городку, и Багров спросил:

— Оль, опять разделимся?

— Да, — с сожалением подтвердила та.

— Я подвезу тебя к больнице, а сам поеду в СИЗО. Где тебя встретить?

— Подъезжай к больнице, я там опять буду в конце дня.

— Может, пообедаем вместе?

— С удовольствием, если получится, — улыбнулась Шеметова. — Звони, как освободишься.

Олег Всеволодович освобожден не скоро.

Потому что прямо на въезде, на посту ДПС, «мазду» остановили двое полицейских — капитан и старший лейтенант.

Дело обычное, после убийства начальника полиции здесь долго сохранялся режим усиления.

Но сейчас Багрова задерживали прямо как террориста.

Один рассматривал документы адвоката, второй держал его под автоматным прицелом.

— Выходите из машины, — приказал капитан, сунув права и паспорт Багрова в карман.

— На каком основании? — хором поинтересовались Ольга и Олег.

— Выполняйте требование сотрудника полиции, — услышали они вместо ответа.

Взбешенный Олег вылез из авто.

— А вы оставайтесь в машине, — сказал второй Ольге.

Ну, уж нет! Не стрельбу же он откроет!

Она открыла дверь, и старший лейтенант... передернул затвор!

— Ольга, сиди в машине, — спокойно приказал уже оценивший ситуацию Багров. — Это провокация. — Больше он ничего сказать не успел, так как, получив изрядный толчок, был направлен в служебное помещение поста.

— Вы не имеете права удерживать меня здесь! — испугалась Ольга за Багрова. Старлей вновь схватился за автомат. — Не глупите, — выходя из «мазды», сказала она ему. — Не дай бог, пальнете, потом полжизни сидеть. Проводите меня к вашему начальнику.

Пост был как пост: сине-белый, сложенный из бетонных блоков. Рядом площадка для аварийных и задержанных транспортных средств. И два «жигуля» с ДПС-ной цветографикой.

Внутри пахло казенным домом и мужицким нехитрым бытом.

Ольга, не ожидавшая ничего подобного, уже боялась увидеть сцену избиения, подкладывания наркотиков или чего-то аналогичного.

К счастью, беседа в помещении пока велась на тихих тонах. Но услышанное крайне не понравилось Шеметовой.

— Олег Всеволодович, вы задерживаетесь по подозрению в неповиновении сотруднику полиции на сутки, — объяснял Багрову человек, лицо которого показалось Ольге знакомым. Она тут же вспомнила — подчиненный Маслакова! — и скривилась в ехидной улыбке:

— Да, друзья, докатились до прямых провокаций.

— О чем вы, девушка? — вежливо спросил следователь, и гораздо более жестко добавил: — Вообще, кто вы такая? Какое отношение имеете к задержанному? Вы — его жена? Паспорт ваш можно посмотреть?

Хорошо подготовились.

— Я — адвокат Шеметова, — официально представилась Ольга, протягивая не следователю, а задержавшему Олега капитану документы. — Все, что сейчас происходит, — незаконно. Оно кажется вам безопасным, вы тут так привыкли, но вы серьезно ошибаетесь.

На капитана подействовало, он даже как бы сантиметров на двадцать отстранился от следака. А тот лишь скептически улыбнулся и пробурчал:

— Знали бы вы, сколько раз я это в своей жизни слышал.

— Мое дело предупредить. — Ольга вынула из кармана и включила телефон с записью. — Официально предупреждаю вас, что необоснованно задержанный вами Олег Всеволодович Багров болен диабетом. С этого момента неоказание ему медицинской помощи делает вас преступниками.

— За сутки не умрете? — издевательски спросил следак у Багрова. — А после суда тюремный врач побеспокоится.

— Я ни за сутки не помру, ни за год, — улыбнулся ему в ответ Олег. — Более того, я очень постараюсь, приложу, можно сказать, все силы, чтобы ваша улыбающаяся физиономия стала впоследствии куда более печальной.

— Капитан, зафиксируйте угрозу следователю, — покраснев, велел тот.

Полицейский, впрочем, не изъявил никакого желания вмешиваться в чужую драку. Он твердо помнил, у кого трещат чубы, когда паны дерутся.

— А разве вы следователь? — удивился Багров. — Да не может быть! Думал, хама какого-то «дэпээсники» поймали, или алкаша за рулем. Если вы следователь, представьтесь, пожалуйста, официально.

— Представляюсь, когда надо будет, — злобно зыркнул тот глазами и вышел из помещения поста, а капитан со старлеем, пыхтя, продолжали заполнять протоколы.

— Вы хотя бы понимаете, что участвуете в серьезном преступлении? — спросила у них Ольга. — Злоупотребляете полномочиями, вменяете в вину несовершеннолетние правонарушения, мешаете исполнять адвокатские обязанности. У этих парней свои игры, а отдуваться придется вам.

Старлей всем своим видом пытался показать, что он не при делах. Да и капитан, сначала хохорившийся, тоже приуныл.

— У нас приказ, — попытался он объяснить Багрову.

— За исполнение преступных приказов тоже наказывают, — спокойно ответил ему Олег.

Капитан, не в силах принять решение, вертел в руках дешевую одноразовую ручку, и Ольга уже подумала, что их, пожалуй, могут и отпустить, как неожиданно полицейским пришла подмога.

Да еще какая!

Лично Слепнев пожаловал, Георгий Витальевич.

Молча взял со стола Ольгин телефон, выключил его и, спокойно положив себе в карман, улыбнулся:

— Ну что, господа адвокаты, вы еще по-прежнему всемогущие и бесстрашные?

— Это, похоже, вы у нас всемогущий, — ответила Ольга. — Да и то, лишь в пределах Городка.

— Да и то, пока не сняли, — поправил ее Багров. — Господи, какой-то «врио», майор на полковничьей должности, а понтов, как у губернатора!

Слепнев вскочил, изменившись в лице, и, повернувшись к приехавшему с ним майору, приказал:

— Оформляйте задержанного!

— А женщину? — спросил тот.

Видно было, что Слепневу очень хотелось закатать в кутузку и ее. Но в обидных словах Багрова, несомненно, имелась значительная доля правды.

— Пусть идет, куда хочет. Проследите только, чтоб не натворила чего в городе.

— Есть, — ответил второй прибывший с ним офицер.

Слепнев отдал ему Ольгин мобильник, тот, поковырявшись в девайсе, нажал несколько кнопок.

«Сволочь, — подумала Шеметова. — Наверняка и контакты стер». Она была настолько зла, что даже слегка расстроилась своему освобождению.

Хотя умом понимала: сегодня у нее будет очень много дел.

Глава 12

Городок. Богатыри на Руси

Выйдя из помещения поста, Ольга на пару секунд застыла: история все же сбила ее с толку. В сердце ныла мучительная тревога за Олега. Отсутствие инсулина и холод были реальной опасностью. У нее в запасе имелось не более шести-восьми часов.

Нужно срочно звонить.

Она включила телефон и убедилась, что вся книга контактов пуста.

Спасибо, ребята. Это вам зачтется.

Наконец, приняв решение, села в машину, завела мотор. Вслед за ней немедленно двинулся полицейский «жигуленок». Впрочем, она не собира-

лась устраивать гонок. Проехала в известное ей с первых посещений кафе. Вышла, села за столик, попросила большую чашку горячего кофе. Достав из сумочки планшет, соединила его с телефоном.

Слава современной технике и покойному Джобсу! Все контакты вернулись в телефон из сохраненной на планшете копии.

Теперь спокойно можно за дело.

Звонков предстояло сделать много.

Первый — в контору. Гескину. Старик столько видел, что вряд ли удивится новости. Он и не удивился, сказал только:

— Так я и думал. Куда увезли, знаешь?

— Он еще на посту ДПС оставался.

— Вряд ли в Городке большой выбор, — буркнул Аркадий Семенович и посоветовал: — Ты там особо не резвись, из людных мест не уходи, лучше сиди в большом кафе.

— Я и так в кафе, — ответила Ольга.

— В каком?

— «Лебедь», вроде.

— Вот там и оставайся. Сейчас выпишем ордер на защиту.

— Волик приедет? — спросила Шеметова.

— А я чем тебя не устраиваю? — сделал вид, что обиделся, старик.

— Отлично! — обрадовалась она.

— Мы с Муной выезжаем, — сказал Гескин и повесил трубку.

Второй звонок был другому старику, местному. Михаил Аркадьевич Гохман, лечащий врач Клюева, поинтересовался, когда Багров последний раз делал инъекцию, и заверил:

— Не волнуйтесь, я все решу.

Третьим, кому она позвонила, был Иван Клюев. Веселый и добродушный в недавнем прошлом, стоматолог молча выслушал Ольгу.

— Вы в «Лебеде»? — уточнил он. — А то у нас три больших кафе.

— В «Лебеде», — заверила Шеметова, взглянув еще раз, на всякий случай, на бланк принесенного официанткой счета.

— Сейчас будем, — сказал Иван и дал отбой.

Четвертый позвонил сам. Береславский собственной персоной.

— Он еще в Бастилии? — озабоченно спросил профессор.

— Похоже на то, — вздохнула Ольга. — Грозят сначала на сутки, а потом на полмесяца. Вроде, серьезно взялись.

— Гитлер тоже серьезно брался, — оптимистично отметил Ефим Аркадьевич. — Напомните, пожалуйста, фамилию местного фюрера.

— Слепнев, Георгий Витальевич. Майор, врио начальника РОВД.

— Есть, — сказал профессор и отключился.

Пятый собеседник появился вживую. Без звонка. Леонид Богданов, бывший виолончелист.

— Шел мимо, и вдруг в окно увидел вас, — обрадовано сказал он, испросив разрешения присесть за столик.

— Леонид, вряд ли вам стоит здесь задерживаться, — вынуждена была сказать Ольга. — Вон парни в «жигуленке» всех снимают, кто ко мне подходит.

— А вы знаете, мне уже наплевать, — ответил Богданов. — Что они еще смогут у меня отнять?

— У живого человека всегда есть, что отнять, — попыталась, было, урезонить его Шеметова. — Совершенно не за чем лезть на рожон, тем более, бесцельно.

— Почему бесцельно? — улыбнулся Богданов. — У меня есть цель — помочь вам.

После чего бывший музыкант сделал то, чего Шеметова от него никак не ждала. Подошел к машине с полицейскими, демонстративно встал перед ними и начал фотографировать на мобильный.

— Что вы делаете? — спросил и без того изрядно деморализованный капитан, сидевший на пассажирском месте.

— Снимаю вас, — спокойно объяснил тот. — Вы ж не на скрытом патрулировании. Имею право. Для истории.

— Не нужно нас снимать, — сказал старший лейтенант, на всякий случай, включая мотор. И вовремя: к машине уже подходила часть семьи Клюевых с незнакомыми ранее Ольге людьми.

Старлей не выдержал и, под молчаливое одобрение капитана, отъехал с опасного места.

Прибывшие вошли в кафе.

Его хозяйка, заподозрившая неладное, попыталась объявить санитарный час, но ее проигнорировали. Правда, она оказалась не в накладе: все

участвующие в импровизированном народном вече сделали себе заказ — кто кофе, кто чай с пирожным, а кто, как Иван Клюев, бифштекс с кровью — большое тело требовало много энергии.

Потом последовал звонок, от которого Шеметова едва не расплакалась.

— Добрый день, это Фадеева. — Ольга сразу вспомнила начальницу департамента здравоохранения. Она же не хотела общаться, боялась! Или у нее опять что-то случилось? Ольга на таких зла не держит, нужна помощь — значит, поможет.

Но она не угадала. Наталья Игоревна звонила не за помощью, а чтобы помочь.

— Я ваш телефон у Мадины Клюевой взяла, — сказала она.

— У вас же был, — не поняла Шеметова.

— Я его выбросила, — честно призналась Фадеева. — Но это не важно. Я насчет вашего мужа.

— Что с ним? — У Ольги аж сердце зашлось.

— Все нормально. Слепнев вначале заартачился, мол, мужа вашего до суда не выпустит, передач не пропустит. Но, в итоге, насчет инсулина разрешил, я проследила. И одеяло теплое передали.

— Откуда у майора такое благородство, насчет инсулина? — поинтересовалась Ольга. — Он, вроде, настроен был по-боевому.

— Гохман Слепневу в лицо сказал, при всех нас, что, если инсулин не будет передан, то коллектив больницы обвинит его в покушении на преднамеренное убийство их пациента. В заявлении на имя генерального прокурора РФ.

— Так и сказал? — Ольга была потрясена. — Ну и дела!

— Так и сказал.

— А тот не пытался пугать?

— Конечно, пытался. Старик ответил, что свое отбоялся. И теперь очередь бояться майору.

— Круто! А вы-то что там делали?

— Я же говорю, делегация ходила, от больницы. Еще Мадина Ибрагимовна была, зав. хирургией Толоконников, главный терапевт Кирсанова и главврач, Мария Викторовна. Вряд ли вы их знаете. А пошли, потому что сначала, по телефону, Слепнев запретил передачу лекарства.

У Ольги вдруг дыхание перехватило от благодарности к этим людям. И слезы на глазах выступили.

Нет, не перевелись на Руси богатыри.

Не в кольчугах, не с мечами, а самые обычные люди, со своими интересами и тревогами. Со страхами, надеждами и каждодневными делами, от которых не увильнуть. Опасающиеся всяких разборок, готовые подчиняться почти любой власти.

Но когда эта пугающая власть заставляет простых людей делать что-то откровенно гадкое — они не готовы оставаться тихими и безропотными.

А очередная подлость зарвавшейся элиты вполне может стать началом конца ее власти.

В общем, работа закипела прямо в кафе.

Одни уходили, другие приходили.

Через час появились сразу две полицейские машины, уже не ДПС, а городские. Но остановились поодаль и в процесс не вмешивались, только наблюдали.

Через два часа подъехал Гескин, с Муной, Воликом и соглашением на защиту Олега Всеволодовича Багрова, в котором были прописаны оба адвоката. Наскоро перекусив и переговорив с коллегой, Волик помчался в ИВС, разыскивать несчастного узника.

Клюевская семейка и примкнувшие к ним соратники далеко не уходили, хотя стены «Лебедя», к большому облегчению хозяйки кафе, покинули. Перед уходом Иван подробно рассказал Ольге, что, как минимум, двенадцать человек, случайно проезжая мимо поста ДПС, видели, как его сотрудники в грубой форме задерживали несчастного Олега Всеволодовича, не оказывавшего никакого сопротивления. Если дюжины свидетелей мало, то там было еще много народу, тоже все случайно проезжали.

Ольга ответила ему, что этот ресурс непременно учтет, хотя очень надеется, что столько очевидцев не понадобится.

Здесь многое зависело от завтрашнего судьи.

Если попадет такой же, как Слепнев, то ристалище будет первостатейным. Если же в судебное заседание войдет разумный человек, то

Олега выпустят и без театрализованных масковок.

В кафе она провела чуть ли не весь день. Можно сказать, сроднилась с ним.

Уже музыканты подошли, стали настраивать инструменты к вечернему заугулу. Заиграла музыка, и появились новые гости — отмечался юбилей одного уважаемого в Городке человека. Ольгу как магнитом привлек один из них.

Майор Слепнев, собственной персоной, в гражданском костюме, да не простом, а с маленькой черной бабочкой.

Увидел ее — удивился. Конечно, он знал про штаб оппозиции в «Лебеде», однако был неприятно поражен столь интенсивной и длительной его работой. Тем более, успел заметить, как оператор с помощником запихивали в кофры камеру и свет.

Впрочем, Слепнев был не из тех, кто избегал драк, иначе просто не поднялся бы столь быстро по служебной лестнице. Он, как бы между делом, подошел к столику Ольги.

— Ну что, все воюем?

— А куда ж деваться? — развела она руками. — Можно подумать, у нас есть выбор.

— У вас был выбор, — подчеркнул прошедшее время Слепнев.

— У нас не было выбора, — устало ответила Ольга. — По крайней мере, до тех пор, пока мы в профессии.

— Ладно, ваше дело, — махнул рукой майор. — Только смотрите, как бы ваша карьера здесь не закончилась. Причем, навсегда.

— Могу вам сказать лишь то же самое, — выпрямилась Ольга. — Жену вы в Городке уже потеряли. Можете и остальное потерять.

Его как плеткой ударили.

— И что же я могу еще потерять? — побледнев от бешенства, спросил Слепнев. И Шеметова ответила, хотя точно знала, что лучше было бы промолчать:

— Только у вас, Георгий Витальевич, есть все мотивы для убийства полковника Иванова. Перечислить?

— Попробуйте, — прошипел тот.

— Ревность — он увел у вас женщину, — как плетью била Ольга. — Карьера — его место перепало вам. Деньги — автобизнес работает, но полковник с довольствия снят.

— Все? — Мог бы майор — убил бы ее на месте. Но — не мог, только лицо побагровело.

— Пока все. Но мы работаем, — уже не сдерживаясь, проговорила она.

Глава 13

Москва, Электrozаводская. Благотворительный концерт

Этот дом мало кому знаком, даже из тех, кто живет неподалеку.

Рядом с Яузой, но не на набережной.

Памятник городской усадебной архитектуры — а расположен между фабричным корпусом и рядовым советским Домом культуры.

Зато те, кому он все-таки знаком, бывают здесь частенько.

Ибо сегодня в этом доме, как и сто лет назад, кипит московская культурная жизнь.

Канторские пришли практически в полном составе.

Валентина Семеновна, секретарь, а по жизни — контороуправительница, даже мужа своего привела, что происходило крайне редко. Он сразу робко сел в предпоследний ряд и до начала концерта диспозицию не менял.

Волик помог Маринке с платьем и инструментом — все это было в довольно громоздких мешках и футлярах. Наконец Марина скрылась в артистической уборной, а Томский отправился разглядывать необычные интерьеры дома-музея. Он был тут в первый раз, хотя жена, как оказалась, выступала на этой сцене не единожды.

Гескин со своей Муной последовали примеру мужа Валентины, заранее заняв места. Но не в предпоследнем ряду, как тот, а поближе — акустические усилители на предстоящем концерте были не в почете. По крайней мере, в части классического струнного квартета.

Антон пришел с девушкой, пристально рассмотренной всеми сотрудниками конторы. Тошка, можно сказать, был сыном их адвокатского полка, так что интерес к нынешней избраннице имел основания.

А потом в зал ворвался Ефим Береславский. Очки, как всегда, сверкали. Взъерошенные волосы, там, где они еще оставались, свидетельствовали о том, что персонаж последние минут десять страшно торопился. В руках он нес небольшую картину.

Почти одновременно в другую дверь этого же зала плавно въехала тележка, влекомая супругой Береславского, Натальей. На тележке было работ пятнадцать, средних и крупных, плюс пяток легких мольбертов, с наклейками галереи Ефима Аркадьевича.

Профессор принялся размахивать руками и объяснять что-то арт-директору гостеприимного дома. А Наталья, ничем не размахивая, быстро и ловко начала развешивать привезенные картины, выставляя наиболее значимые из них на мольберты.

— Как слаженно работают! — зацокал языком Волик. В их прекрасном союзе с Маринкой слаженность также присутствовала, но роль умного профессора, как правило, исполняла супруга.

Тут и дочка Ефима нарисовалась, Лола. Высокая, красивая, в роскошном вечернем наряде с яркими крупными аксессуарами. Уже знакомые конторским пианист и саксофонист преданно сопровождали вокалистку. Им всем, плюс четвертому товарищу — звукорежиссеру, предстояло подготовить всю акустику для выступления.

Концерт, разумеется, тоже организовывал Береславский.

Он же приглашал гостей.

Даже по их количеству можно было судить о степени коммуникабельности профессора. Пришло не менее семидесяти человек, если с конторскими. И кого только среди приглашенных не было!

С некоторыми Шеметова уже пересекалась на мероприятиях Ефима Аркадьевича, некото-

рых совсем не знала. Перед самым началом концерта она увидела Леонида Богданова. Он сидел в первом ряду, одетый не по-вечернему, в свитере и джинсах. Правая рука бывшего музыканта была загипсована и на перевязи. «Непонятно, — подумала Ольга. — Вроде как операции предполагались после сбора денег. Может, часть сам набрал?»

Хотела подойти поговорить, но дали занавес.

Береславский в роли ведущего был краток, но убедителен.

— Сегодня мы собрались на два праздника сразу, — сообщил он зрителям. И тут же сам себя поправил: — Даже на три. — После чего добросовестно их перечислил: — Во-первых, это изобразительное искусство. Все, наверное, знают, что я однажды покинул бизнес. Но, вкусив радости от этих работ, вернулся, уже в качестве галериста. Во-вторых, мы услышим много хорошей музыки. Это и джаз, и, на мой взгляд, самый оптимистичный композитор последних трех веков — Моцарт. Очень важно, что Моцарта будет исполнять некая, знакомая многим присутствующим виолончелистка. Вдохновенно исполнять! Несмотря на то, что всего три года назад, в очень плохой для Марины и тех, кто ее любит, день, ей объявили, что дальнейшая жизнь в музыке для нее закрыта.

Все зааплодировали и посмотрели на Маринку, которая снова была в своем роскошном зеленом бархатном платье. Она встала и без микрофона громко сказала:

— Спасибо вам! Без вас у меня вряд ли что-то бы получилось!

Маленький зал вновь взорвался аплодисментами.

— Марин, а Леониду что-нибудь скажешь? — спросил Береславский.

— Леонид, я желаю вам, чтобы через год вы сыграли с нами в отчетном концерте!

И снова взрыв аплодисментов.

— Отдельное спасибо клинике реконструктивной хирургии. Здесь не только максимально снизили стоимость операций, но и взялись за дело до поступления первых денежных средств! — объявил профессор, указывая микрофоном на элегантную даму, вставшую в зрительном зале. — Эмма Витальевна, вам слово!

— Спасибо и за концерт, и за демонстрацию реальной дружбы, — сказала та. — Мы сделаем все, что в наших силах. Результаты первого вмешательства, по оценкам наших хирургов, дают хороший прогноз на будущее. Надеюсь, скоро услышу вашу игру, Леонид.

Богданов поднялся с места, покрасневший, взволнованный.

— Большое спасибо! — только и сказал он.

А потом занавес пополз вверх, и волшебный вечер начался. То ли Маринка играла чудесно, то ли Моцарт был особенно хорош, но настроение

у всех стало каким-то светлым и чистым. Может быть, чуть окрашенным печалью.

Музыкантов провожали громом аплодисментов, даже удивительно было, что такое небольшое количество людей способно так громко и неистово аплодировать. Да и ушли они только после трех выходов на «бис».

Народ потихоньку направился к выходу.

Некоторые остались поболтать с Ефимом. Ну а Наталья в одиночку собирала развешанные и расставленные картины.

— Все оставляем здесь, — подошел к ней профессор. — Я договорился с хозяйкой. Завтра водитель заберет.

— Мы сегодня без машины, — объяснила Наталья друзьям-адвокатам. — На такси приехали.

Шеметова и Багров сразу предложили их подвезти. Береславские с удовольствием согласились, и все двинулись на улицу, к машине.

Глава 14

Москва.

Прапорщик Бойко.

Дело Тайсона живет и побеждает

За прошедший неполный год жизнь Неонилы даже не изменилась, а полностью перевернулась.

Сейчас она иногда с искренним ужасом думала о том, что ведь могла и отказаться от путевки в заливаемые осенней моросью «Стожки». Могла не споткнуться на мостике и не вывернуть ногу.

А, значит, ее не нашел бы заплаканной и не взял, как маленькую, на руки бывший прапорщик Петр Бойко.

Что было бы в альтернативной истории, никто из нас знать не может, на то она и альтернативная.

Зато Нилу очень устраивало то, что происходило в истории реальной. Она теперь имела мужа. И главное, — пусть Петр на это не обижается, — она имела ребенка.

Хотя многое по-прежнему максимально напрягало.

Ситуация с Мишкой юридически пока никак не разрешилась. Шеметова хитроумными разговорами и действиями снимала агрессию Мишкиной родной мамы, желавшей получать за его «аренду» все больше и больше денег. Сейчас Мария получала уже по восемь тысяч в месяц этих странных «алиментов наоборот». И над Нилой висел постоянный страх того, что если эта алкогольчикка решит забрать их общего сына, то ей сложно будет что-либо противопоставить.

А в целом жизнь официальной семьи Бойко и Беляевой, включая их неофициального ребенка, проистекала насыщенно, полноценно и напряженно. На это лето, кроме возни с Мишкиным лицом — келоидные рубцы, к несчастью, разрастались — предстояли еще жизненно важные дела. Самое главное — бой за права на Мишку.

Однако была и дополнительная проблемка.

До переезда в маленькую «двушку» Нилы Петр Иванович жил в своей комнате, здесь же, в районе, неподалеку.

Нила там была.

Квартира двухкомнатная, только большая, и комнаты изолированные, с опять-таки большим коридором. Жильцов всего двое: Петр Иванович и относительно молодая женщина лет тридцати пяти-сорока. Нила знала, что ее зовут Галина, а фамилией на тот момент не особо интересовалась.

Как-то вместе с мужем заходила туда.

Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что эта женщина расстроена и возмущена.

Наверняка она имела виды на крепкого военного пенсионера с «Волгой». И, к сожалению, ее ненависть к несостоявшемуся жениху не угасала. Так, она уже два раза помешала им сдать комнату приличным людям. Создавала жильцам такие условия, что те, в конце концов, съезжали.

И даже написала донос на Бойко в налоговую инспекцию. Это как раз волновало меньше всего, жильцы приходили через риэлторское агентство, и с ними заключались официальные договоры аренды. Но потеря потенциальных пятнадцати тысяч в месяц напрягала сильно.

Петр Иванович несколько раз пытался по-человечески поговорить с Галиной, однако натыкался на все большую злость. Не в силах понять женскую природу, решил подъехать, пообщаться с дамой в последний раз.

Повод был более чем серьезный.

Наметился третий клиент, был готов платить восемнадцать тысяч рублей в месяц. В принципе, хорошая цена: близко от метро, квартира мало населена, но ремонта давно не было, да и дом старый. Если бы удалось наладить нормальные соседские отношения, вариант мог бы стать длительным. Причем прапорщик был готов платить Галине три-четыре тысячи из этих денег. Просто для того, чтоб снять тяготившую его ненависть. Ну и, если откровенно, чтобы потом не пришлось искать четвертого клиента.

Петр Иванович подъехал ближе к вечеру, чтобы застать даму наверняка: она работала в парикмахерской неподалеку, причем всегда в утреннюю смену.

Галина, как и ожидалось, была дома.

— Чего надо? — неприветливо спросила она, однако дверь открыла. Сам Петр Иванович своим ключом открыть не смог, замок Галина поменяла, что тоже неприятно его задело.

— Здравствуй, — пересилил себя Бойко. — Что ж ты все злишься?

— Не твое дело, — ответила женщина, плотнее запахиваясь в махровый халат.

Петр с какой-то даже жалостью посмотрел на нее. Вполне симпатичная была Галина, и слишком молодая, чтобы ставить на себе крест.

— Что смотришь? — вырвалось у нее. — Что, твоя библиотечка лучше, что ли?

— Да нет, — качнул головой Петр. — Ты очень красивая.

— А что ж к ней ушел? Вроде со мной на скуку не жаловался.

— Ты хорошая женщина, — ответил прапорщик. — Очень привлекательная. А я по-настоящему влюбился.

Ее лицо мгновенно изменилось, она, как вихрь, развернулась и ушла в свою комнату, на прощание оглушительно хлопнув дверь.

Беседа по душам явно не складывалась. Однако и уходить было нельзя. У нее — своя жизнь, у него — своя. И в этой его жизни пятнадцать тысяч в месяц — восемнадцать минус три — очень даже нужны. Мальчишке предстоят операции, причем, снова платные. Возможно, Рожковы вернут деньги за лечение, как обещали, но пока что их надо заплатить.

А еще прапорщика чрезвычайно злил общий телефон, унесенный в комнату Галины. Даже проводку не удосужилась сделать. Просто протаснула телефонный кабель под своей дверью.

Кстати, телефон ему сейчас нужен, на мобильном Петра оставалось лишь два процента заряда, а еще надо договориться с Нилой, кто заберет из садика Мишку.

Не хочется трогать ее в таком настрое, но придется.

— Галя, мне нужно позвонить, — мягко произнес он через закрытую дверь. — У меня телефон садится.

— Мне тоже нужно, — ответили оттуда, и было слышно, как крутится диск старинного аппарата.

— Галя, я быстро, мне нужно позвонить жене насчет ребенка!

— Ничего, подождет, никуда не денется!

— Галина, это наш общий телефон, — взывал к ее разуму бывший прапорщик, но, естественно, бесполезно.

Если б не Мишка, он бы, наверное, ушел. Но позвонить действительно было надо немедленно, а на трубке оставалось лишь два процента заряда. Петр на мгновение включил телефон, и на его глазах красная двочка превратилась в красную единичку.

— Галина, дай мне телефон! — жестко сказал он.

— Приходи завтра, — послышалось из-за двери.

— Тогда я обрежу шнур, — переклинило Петра. Он прошел на кухню, взял со столика ее парикмахерские ножницы и вернулся в коридор. — Отдай аппарат, или перережу провод!

— Себе чего-нибудь случайно не отрежь, — прокомментировали из-за двери.

Прапорщик наклонился к проводу и парикмахерскими ножницами аккуратно его перерезал.

Не успел разогнуться, как дверь с грохотом открылась. Из комнаты выскочила фурия с телефонным аппаратом на огрызке провода и с адским блеском в глазах.

— Ну, ты и сволочь! — заорала женщина и врезала прапорщику телефоном. А потом схватила за самое дорогое и болезненное место, да так, что у него дыхание перехватило.

— Отпусти! — выкрикнул прапорщик.

Боль не проходила. Он, не в силах с ней совладать, наклонился вперед и схватился зубами за то, что сумел достать...

Хватка сразу ослабела.

Галина страшно закричала, бросилась в свою комнату, прижимая руку к правой стороне головы.

А он, с отвращением и ужасом, выплюнул на пол крошечный кусочек человеческой плоти — полсантиметра мочки женского уха.

Господи, что ж происходит?!

На последний процент энергии мобильного Петр Иванович успел сделать два звонка: вызвал полицию и сообщил жене, что ей забирать ребенка. А с ним, прапорщиком, все нормально, он будет в местном полицейском участке.

— Полицейском? — спросила недоумевающая жена. — И как долго?

— Боюсь, что долго, — ответил Петр Иванович, и экран его мобильного обессиленно погас.

Глава 15

Москва. Ольга Шеметова. Отбор присяжных, откушенное ухо, и все бабы — дуры

Из дома Ольга пошла пешком, хотя дел сегодня предстояло немало.

Самым главным, был, конечно, предстоящий судебный процесс по делу Николая Клюева, или, как она его для себя называла — Тринадцатому делу. Сегодня должны были начать отбирать присяжных.

Шеметова считала необходимым присутствовать с Олегом на этом действе.

Потом нужно было готовиться к защите Анатолия Клюева.

Его дело следователи, не сумев никаким боком подтянуть парня к убийству полковника Иванова — имелось четкое алиби, — выделили в отдельное производство. Вела следствие уже полиция, а не прокуратура, и рассматривать дело предполагалось в районном суде Городка, присяжных при таком «мелком» составе не положено: ему инкриминировали все ту же драку на бензоколонке, которую поначалу предъявили и брату. Ну, и, конечно, хранение оружия. Хоть стволы при обысках не нашли — Жанна постаралась своевременно, — однако свидетельств понабрали. Опять же, свидетельств хлипковатых. Особенно с учетом активности московских адвокатов.

Кроме того, нужно было уделить пару часов делу об усыновлении мальчика. Там вроде бы засветили реальные варианты. С Марией, физиологической мамашей, сейчас был мирный период. Она без ругани оставляла им требуемые расписки, и, возможно, согласилась бы на вариант опеки, например, за счет увеличения выплачиваемой ей суммы до десяти тысяч рублей.

Из опеки перейти к усыновлению было бы уже несравнимо проще.

Еще надо было покрутиться с подготовкой бумаг по трем другим делам — менее интересным и эмоциональным, зато приносящим гораздо большие деньги в их с Олегом семейный бюджет.

Ольга собиралась, придя в контору, начать именно с тех, наименее важных, но наиболее прибыльных дел. Чтобы поскорее с ними закончить.

Она шла по улице, неприлично, как ребенок, размахивая своим коричневым портфельчиком. Вымытые первой грозой, под лучами почти летнего солнышка блестели и окна, и отмытые бока машин, и даже черный асфальт давал блики. И пахло не как обычно, выхлопом да городским смогом, воздух был свеж и чист.

«Как же все классно в нашей жизни!» — восторженно думала Ольга, но от таких приятных мыслей ее оторвал телефонный звонок. Она достала мобильник и нажала на зеленую кнопку, успев предварительно посмотреть отраженный номер — это была доверительница по делу усыновления мальчика. Ольга даже заволновалась: какие могут быть новости, чтобы так настойчиво названивать? Это они от нее должны ждать новостей, а не наоборот.

— Ольга Викторовна, здравствуйте! — послышался голос Неонила.

— Добрый день, Неонила, — отозвалась Шеметова.

— У нас беда, выручайте! — расплакалась Нила прямо в трубку.

— Что-то с мальчиком? — напряглась Ольга. — Она его забрала?

— Нет, с Мишкой все в порядке. Только не знаю, куда его сейчас деть.

— Так что случилось?

Дальнейший разговор выглядел отрывком из любимого библиотекаремшей Кафки.

Шеметова никак не могла понять, при чем здесь ухо, ребенок же укушен за лицо. Поняв, что ухо женское, опять не могла врубиться, чье. И, главное, кто его откусил.

Когда же плачущая Нила срывающимся голосом с третьего раза все расставила по местам, с Ольгой Викторовной чуть не случился припадок нервного смеха. Представить всерьез, как тихий Петр Иванович набрасывается на неведомую тетку и откусывает ей ухо, было просто невозможно.

— Только не бросайте нас, пожалуйста, — жалобно проговорила Нила, неверно расценив ее затянувшееся молчание.

— Я берусь за дело, — сказала Шеметова. — Подъезжайте в контору, заключим официальный договор, чтобы я могла представлять ваши интересы. Заодно поподробнее расскажете о случившемся.

— Не смогу, Ольга Викторовна! — в слезах объяснила та. Оказалось, что в Мишкином садике сегодня ночью случилось возгорание плиты на кухне, и пожарные опечатали помещение до устранения неисправностей. Родителей обзвонили рано утром.

— А Петр Иванович? — спросила Ольга, уже предвидя ответ.

— Он до сих пор в участке. Они его не отпускают.

Так. Все планы по боку. Ольга перезвонила Багрову, чтобы на отбор присяжных поехал он один, она не сможет, в контору не пошла, а вместо этого зашла в кафешку, заказала чашку кофе и по вай-фай вышла в Интернет. Отделение полиции нашла за пару минут. Записав адрес и допив кофе, она отправилась вызволять несчастного прапорщика.

Там все оказалось непросто, ибо уже существовало заявление потерпевшей, Галины Дми-

триевны Стрешневой. В нем живописалось о попытке ее убийства, острых ножницах и страшных зубах неменяемого соседа по квартире. А покушение на убийство — статья довольно серьезная.

К счастью, руководство в отделении оказалось разумным, да и Петр Иванович, даже потрясенный последними событиями, никак не выглядел злодеем. Правда, он при Шеметовой никак не хотел объяснять причину своей нечеловеческой ярости.

Ольга, кое-что заподозрив, специально вышла на пять минут из следственной комнаты, чтоб дать двум немолодым мужчинам откровенно объясниться.

Когда вернулась, майор действительно выглядел подобревшим. Что, впрочем, не отменяло тяжести вменяемого бывшему прапорщику деяния.

— Отпущу под подписку, — наконец принял решение полицейский.

Этому способствовала и Неонила, все-таки пришедшая в участок с Мишкой. С собой она принесла документы мужа, его боевые награды и даже вырезку из старой газеты, в которой рассказывалось, как Петр Иванович Бойко, рискуя жизнью, вывез на БТРе из зоны затопления четырех одиноко живущих стариков, высадив перед этим, чтобы не рисковать парнем, солдатика-срочника и сев за рычаги сам.

В общем-то, все было понятно. Однако безоблачного юридического будущего не предвиделось, а предвиделась кропотливая работа по сбору фактов и фактиков, которые могли бы доказать, что поступок Бойко — не акт насилия и садизма, а инстинктивный ответ на страшную боль, который, в свою очередь, был вызван противоправными действиями потерпевшей.

Неонила была готова расстаться с немногочисленными драгоценностями, а может, и с квартирой, лишь бы Петр Иванович не попал в тюрьму. И, что было взаимосвязано, лишь бы Мишку у них не забрали. Однако сейчас дело было не в деньгах. Или, по крайней мере, не только в них. Главное заключалось в том, что Шеметова нынче просто не имела в своем распоряжении немислимой уймы свободного времени, которое неминуемо уйдет на сборы тех самых, необходимых для оправдания прапорщика, фактов и фактиков.

Впрочем, если работа невыполнима, но ее нужно делать, то надо делать.

Хорошо уже то, что в отделение полиции они вошли втроем, а вышли вчетвером. Петр Иванович подавленно улыбался, понимая, что стал слабым звеном на их и без того не ударном фронте.

— Я не мог ничего сделать, — тихо сказал он. — Даже не помню, как это получилось.

— Ладно, разберемся, — вздохнула Шеметова. — Мне надо еще со Стрешневой встретиться. Может, удастся наладить контакт.

На перекрестке двух улиц они разошлись. Ольга двинулась к остановке трамвая — неторопливая пешая прогулка на сегодня, в силу обстоятельств, была закончена.

По дороге оглянулась на спутников. Они шли втроем по пустому тротуару — Нила справа, в середине Мишка, державшийся за руки папы и мамы, а слева — непривычно сгорбившийся прапорщик, отец семейства.

«У них, конечно, беда, — подумала Ольга, — зато они — семья. Беда пройдет, а семья останется».

Весь оставшийся день Шеметова пахала за троих, даже Томский удивился. Он уже дважды сходил за пончиками, пока суровая супруга-виолончелистка не видит. Она же не вылезала из-за стола: писала, звонила, получала мэйлы, распечатывала их, делала копии, подшивала в тома.

Когда закончила — оказалось, что день прошел. На часах было 19.30, и она еще могла попробовать заглянуть к Галине Дмитриевне Стрешневой, женщине с откушенным Шеметовским доверителем ухом.

Мало, конечно, вероятности, что эта встреча закончится чем-то путным, но и не попробовать нельзя.

После такого дня гулять пешком не хотелось вовсе. К тому же время поджимало. И так неизвестно, примет ли ее Стрешнева. А уж среди ночи — и подавно. Шеметова вызвала такси.

Вот и дом незадачливого прапорщика.

Ольга сверилась с записанным в мобильнике адресом, набрала код и вошла в чистенький подъезд.

Дом был не новый, но внутри ухоженный. Как положено, сказал бы в таком случае Петр Иванович.

А вот и «нехорошая» квартира, в которой людям откусывают уши.

Ольга постояла секунду перед дверью, дабы полностью удалить из сознания фривольные обороты, связанные со вчерашним прискорбным происшествием, и позвонила в звонок.

Не сразу, но дверь приоткрылась.

— Вы к кому? — спросила неприветливая дама. Непричесанные волосы ее спутались, глаза красные, заплаканные. Правая сторона головы закрыта марлевой повязкой.

Смеяться Ольге Шеметовой расхотелось полностью.

— К вам, Галина Дмитриевна.

— По какому вопросу?

— По вчерашней беде.

— Вы — его юрист? — догадалась та и попыталась закрыть дверь. Но почему-то не стала этого делать. Может быть, из-за прозвучавшего слова беда, а, может, что-то увидела в Ольгиных глазах. Наверное — сочувствие. — Уговаривать будете, чтоб заявление забрала? — усмехнулась она.

— Вообще-то, за этим и пришла, — честно призналась Ольга.

— Не выйдет, — отрезала Галина. — Только тюрьма. И пусть операцию мне оплатит. Косметическую.

— В тюрьме на операцию не заработать, — вздохнула Ольга. — К тому же ему летом еще одну операцию оплачивать.

— Только не говорите мне, что он жутко болен, — улыбнулась Галина, но какой-то кривоватой улыбкой.

— Он здоров, как бык. А вот его приемному ребенку собаки изуродовали лицо. Летом предстоит пластика, вот Бойко и собирает деньги.

— Приемный ребенок? — удивилась Стрешнева. — Это вы на жалость бьете? Откуда взялся этот ребенок?

— Так получилось, — коротко ответила Ольга. Рассказывать о несчастном ребенке почему-то не хотелось.

— Ладно, проходите, поговорим, — сказала Галина, наконец-то пропустив гостью в злополучный коридор. Старинный телефон, с диском и обрезанным проводом, стоял на своем прежнем месте, на тумбочке. — Что у вас в пакете? Я ничего подписывать не буду.

— Там торт, — сказала Ольга, — «Прага». Я с утра ничего не ела. Думаю, если пустите, чаю попьем.

— Читайте, пустила, — сказала та. Злость сошла с ее лица, но других чувств так и не появилось. Безжизненное лицо было сейчас у Галины Дмитриевны Стрешневой.

Она включила чайник, поставила на стол чашки с расписными цветам, дощечку с ножом и сказала:

— Давайте вашу «Прагу».

Ольга достала из пакета картонную коробку.

— Думали, небось, что придете, а там ведьма с оторванным ухом, так? — спросила Стрешнева, попутно доставая блюдца, ложки и лопаточку для торта.

— Да, примерно так, — призналась Шеметова.

— Что этой сволочи я не дала? Ну, что? — тихим голосом заговорила Галина. — Я что, о деньгах его мечтала? Я не меньше получаю. Я семьи хотела. Ребенка, пока не поздно. Счастья. Он полгода со мной чуть не как с женой жил! — разрыдалась она. — И я как рада была! Думала, мужа нашла. Так все удачно, и квартира вся нашей становилась, живи — не хочу! А он говорит — влюбился!

— Правду он сказал, — вставила Шеметова.

— Любовь, любовь... — прошептала Галина, вытирая салфеткой набухшие глаза. — Какие же мы, бабы — дуры!

Потом они плакали обе.

Потом съели торт с чаем.

Потом выпили залежавшуюся у Галины бутылку красного грузинского вина.

Возможно, потом даже пели. Одним словом, домой Ольга вернулась очень поздно.

Глава 16

Москва.

Областной суд. Процесс века

Итак, процесс пошел.

Нет, не так.

И грянул суд!

Под процесс отвели одно из самых больших помещений в новом здании областного

суда — настолько велик был к нему интерес. Впрочем, даже без представителей СМИ и привлеченных публикациями любопытных, одних только Клюевых с родственниками и друзьями на первом заседании было человек пятнадцать.

А публикации действительно наделали много шума.

Плюс — неустрашимость близнецов.

Плюс — сильная позиция адвокатов.

Плюс — Волькины пассы в прокураторе.

Плюс — Гескинские друзья в судейском сообществе.

Плюс — разнообразная и крайне нестандартная деятельность профессора Береславского.

Еще до первого заседания Багров получил прямой намек. Не от самого судьи, но от близкого к нему человека.

Неофициальная сделка, если бы она состоялась, выглядела бы следующим образом.

Николай Клюев соглашается на убийство Иванова из-за возникшей между ним и убитым внезапной ссоры. Суд же назначает наказание ниже низшего предела, с учетом тяжести клюевского заболевания. Потом — скорое условно-досрочное освобождение.

Багров даже торговаться не стал.

Какое убийство?

Дело шито белыми нитками, и каждый стежок этих ниток у Олега Всеволодовича в компьютере.

Кроме того, он не забыл ночь в холодной камере.

На самом деле, и тот эпизод был выигран оборонявшейся стороной.

Даже упертый Слепнев не рискнул в открытую запретить передачу Багрову инсулина и теплой одежды. Он впервые столкнулся с сознательным бунтом в вверенном ему — как майору всегда казалось — Городке. И, будучи от природы неглупым человеком — просто избалованным бесконтрольностью и всевластием, — сумел вечером вовремя остановиться. Эти безумные врачи, со своими средневековыми клятвами, случись что с борзым московским адвокатишкой, могли реально испортить ему карьеру.

На следующий день, правда, попытался отыгаться в мировом суде. Судья там был вполне вменяемый, и, как Георгию Витальевичу казалось, мог выполнить его скромную просьбу. Пусть не пятнадцать суток впясть, пусть поменьше, но Багрова, возмнившего о себе невесть что, должны были «закрыть». Оснований, опять же, как считал майор, было достаточно: протокол подписан аж четырьмя сотрудниками полиции.

Утром его ждало большое разочарование.

Судья позвонил ему сам и попросил... срочно отозвать протокол, чтобы иметь основания немедленно выпустить обвиняемого — тот уже был по документам «за судом».

Слепнев наорал на судью, а сам лихорадочно начал прикидывать, как перекинуть дело на второго мирового судью, который мог оказаться более покладистым.

Чтобы все прошло тип-топ, лично явился на заседание — пусть под его начальственным взором мелкие судейские сошки попробуют что-нибудь вякнуть.

И вот там-то его ждал сюрприз.

Крошечный зальчик местного мирового суда был забит до отказа. Олег Всеволодович Багров, вовсе не похожий на заморенного узника, а, наоборот, выглядевший героем, защищался с помощью аж двух московских адвокатов! В костюмах и бабочках, между прочим. Молодой мировой судья, чувствуя хреновую подоплеку скандального дела, откровенно робел, то и дело вытирая вспотевший лоб. Такое в Городке было в первый раз, за всю его многовековую историю.

Хуже того, до судьи (а через него — до Слепнева) быстро донесли, что есть минимум десять свидетелей, а, может быть, и сто, которые в момент разнесут позицию обвинения ко всем чертям. Возможно — вместе с обвинителями, так как в этом случае может иметь место оговор и превышение последними служебных полномочий.

Огорошенный Слепнев срочно проконсультировался с приятелем в прокуратуре. Тот, стараясь выразиться эзоповым языком и не называя никаких имен, посоветовал коллеге поскорее замять это дело. Типа — последовали неприятные звонки и могут последовать еще более неприятные.

В общем, Слепнев пережил первое в своей жизни унижение.

Обвинение было отозвано, узник освобожден.

Появление Олега Всеволодовича на улице встретила радостными возгласами мини-толпа из человек пятнадцати — вообще немыслимое для Городка дело.

Тот поганый для майора день закончился еще более скверно: крайне неприятным разговором с главой районной администрации. Сам этот хмырь тихо бы сидел в слепневском кулаке, но третьим за ужином был некий товарищ, дачник из буржуинского поселка за речкой. Вообще без погон, штатская очкастая штафирка, без слез не взглянешь.

Однако он вполне по-простому, перемежая содержательный текст матом, объяснил майору его место в этой жизни. Что он — вовсе не властелин Городка, как ему ошибочно показалось, и уж никак не его владелец. Он просто винтик в сложной системе финансовых потоков. И если майор на полковничьей должности будет создавать серьезным людям проблемы, то никогда ему полковником не стать. Более того, из майоров есть путь как наверх, так и вниз.

Еще Слепнев из разговора извлек, что уж, конечно, не адвокат Багров, и тем более не братья Ключевы озаботили упомянутых серьезных людей. Этим людям, в конечном счете, глубоко наплевать на всех адвокатов в мире, кроме своих собственных. Просто они не любят бесполезного шума, такого, от которого нет никакого экономического эффекта, а проблемы — есть.

Тяжело переживал Георгий Витальевич свое первое поражение в Городке. Ну, да ничего, не последний день живем. Майор был человек, может, и не злопамятный, но крайне недобрый и не забывающий обид.

Здесь, в областном суде, он тоже присутствовал, надеясь стать свидетелем теперь уже позора ненавистной ему адвокатской семейки.

Конечно, репортеры и зеваки собрались зря. По крайней мере, в первый день работы суда, потому что целое заседание и еще часть второго ушла на формальные вопросы.

И лишь когда суд, в соответствии с уголовно-процессуальным кодексом, приступил к судебному следствию, начались содержательные выступления.

Сначала выступил прокурор, молодой мужчина, Сергей Сергеевич Мухин. Стандартной для судов скороговорочкой он зачитал текст о предполагаемых грехах Ключева Николая, которые собирался затем доказать в судебном следствии. Даже простое зачитывание заняло порядком времени. Если кратко, то обвинялся Николай в следующем:

1. Убийство начальника криминальной милиции Владимира Петровича Иванова с отягчающими обстоятельствами.

2. Убийство коммерсанта Сальникова Геннадия Вениаминовича (труп, найденный в сожженном автомобиле).

3. Покушение на убийство Слепнева Георгия Витальевича методом, опасным для жизни двух или более лиц.

4. Приобретение и хранение огнестрельного оружия и боеприпасов.

Вторым подсудимым в этом процессе был «оруженосец» Николая Клюева Власов, однако, поскольку он все необходимые показания во время следствия дал, то свободы его пока не лишали, и в суд он приходил вместе с адвокатом Косициным.

Багров с Шеметовой слушали речь прокурора спокойно. Слова звучали, конечно, страшные, но ни одной прямой улики у прокурора не было. Если не считать показаний пяти персонажей, которые то давали их, то от них отказывались.

Принимай решение судья в одиночку — сидеть Клюеву, не пересидеть. Но в суде — присяжные, вот они с большим интересом слушают. Заставить этих людей подписаться под откровенной «липой» — не так-то просто. Собственно, на это и была вся надежда защитников и самих Клюевых.

После выступления прокурора сторона обвинения начала неспешные допросы своих свидетелей.

Их было много, очень много. Отнюдь не только те пятеро, что рассказали следствию об участии близнецов в преступлениях.

Например, Сергей Сергеевич Мухин, не торопясь, выпрашивал некоего Зотова о том, как тот увидел Николая Клюева недалеко от места убийства Иванова. И, разумеется, в тот самый вечер.

— Вы уверены, что видели Николая Клюева? — строго вопрошал прокурор. — Это был именно он?

— А кто ж еще? — отвечал Зотов. — Я ж его с рождения знаю.

— Не могли спутать с Анатолием? — вникал в нюансы гособвинитель, явно желавший перед присяжными казаться точным и справедливым.

— Это они для чужих одинаковые, — объяснил тот, — мы-то обычно различаем.

Сергей Сергеевич, победно вскинув голову, закончил допрос, после чего вступил Багров и, никоим образом не подвергая сомнению показания свидетеля, просто предъявил суду справку. А в ней черным по белому было изложено, что дом его подзащитного действительно находится рядом с местом преступления. Это ведь несколько меняет дело. Где же легче всего встретить человека, как не рядом с его жильем?

Так же неспешно допрашивался некий Вадим Попов. Он видел, как Николай заходил в хозяйственный магазин, где, как тонко подметил прокурор, вполне мог купить веревку, которой впоследствии удушил Иванова.

Попов подтвердил свои показания: да, видел, заходил Николай в магазин.

— Ну и что? — не удержался Багров. — А вы не заходили в этот магазин ни разу? — за что получил замечание от судьи.

Впрочем, присяжных, даже безо всякого юридического образования, на такой мякине не проведешь. Было бы что обвинению выставить посерьезнее — давно бы выставило.

Следующим был Мухин, который рассказывал про фантастическую физическую силу Николая Клюева. Перечислял его спортивные разряды и достижения. Обладая такой силищей, совсем несложно задушить немолодого и страдающего ожирением полковника полиции.

Но, во-первых, присяжные своими глазами видели довольно изможденного тюрьмой и болезнью подсудимого. А, во-вторых, Олег Всеволодович, как кролика из шляпы, вытащил копию находящегося в деле акта судебно-медицинской экспертизы. В ней черным по белому было указано содержание алкоголя в крови покойного. Такого количества достаточно для тяжелой интоксикации. Другими словами, от нее и так помереть можно, безо всякой удавки.

При этом, разумеется, адвокат и не думал отрицать смерть полковника от удушения. У него была совершенно другая задача — объяснить суду и, главное, присяжным, что человека с таким содержанием спирта в крови мог задушить даже ребенок. Для этого вовсе не нужно быть физически сильным. Зато обязательно надо иметь мотив.

По мнению обвинения, мотив имелся.

Снова вытащили на сцену Алексея Епишева. Именно он рассказал в первую ночь, после тотального ареста всего криминалитета Городка,

о том, что Николай Ключев обещал убить парутройку ментов, поскольку сам болен раком и уже ничего не боится.

Присяжные с раскрытыми глазами слушали его откровения, которые зачитывал Мухин.

Однако Багров ходатайствовал перед судом о личном выступлении свидетеля, поскольку тот уже дважды отказывался от своих показаний. И, что характерно, — в тюрьме сознается, на воле — отказывается.

День проходил за днем, присяжные ходили на суд так, как раньше на работу.

А в суде игра шла прямо-таки в одни ворота. Ольге, как женщине с тонкой душевной организацией, даже становилось жалко Мухина. Он пытался прикрыть чужие огрехи, а у него не получалось.

Конечно, не забыло обвинение и такую ключевую персону, как Владимир Андреевич Власов. Тот по-прежнему оставался на свободе, под подпиской о невыезде, поэтому сидел не вместе с Ключевым, в клетке, а напротив судьи, на первой скамье. Разумеется, его адвокат, старик Косицын, тоже присутствовал здесь, рядом с Багровым. Косицын, кстати, был трезв, как стеклышко — ведь решалась судьба его подопечного.

Гражданин Власов В.А., или, как его все звали, Вовчик, судя по его собственным показаниям, много чего наворотил. Помог главному бандиту Ключеву привести в боевое состояние имевшиеся, якобы, у того ручные гранаты РГД-42 и Ф-1. Получил от некоего Гирина выстрелы (реактивные гранаты) к гранатомету. Нес и помогал изготавливать к стрельбе гранатомет РПГ-7. После же совершения преступления — обстрела дачи Слепнева реактивной гранатой — обильно посыпал дорожку отхода заранее захваченным из дома красным перцем.

Прокурор с Вовчиком был ласков, а тот, изящный хрупкий юноша лет двадцати двух, с длинными, безукоризненно промытыми белокурыми локонами, смущался и краснел от прокурорского доброжелательного внимания.

— Вы подтверждаете данные на предварительном следствии показания? — спросил у него Мухин. Это был его коронный свидетель. Единственный, кто ни разу не отказывался от ранее сказанного.

Вовчик опять залился краской, посмотрел на своего защитника — впрочем, лицо Косицына ничего не выражало — и тихо ответил:

— Видимо, да.

— Что значит — видимо? — по инерции спросил Сергей Сергеевич и, опять же, видимо, сам себя укорил — с такими свидетелями лучше лишних вопросов не задавать.

Власов ничего не ответил.

Прокурор тоже решил больше не испытывать судьбу. Багров же прямо-таки жаждал расспросить кое о чем свидетеля.

— По вашим только что озвученным показаниям, вы здорово разбираетесь в оружии, — начал он. — У меня же есть сомнения по этому поводу. Будьте добры, расскажите, что изображено на моих картинках?

— Ходатайствую о снятии вопроса, как не имеющего отношения к делу, — послышалось в зале. Но не от Косицына, а от Мухина.

— Вопрос имеет прямое отношение к делу, — не согласился Багров. — Про оружие Николая Клюева мы слышали только от Власова.

Судья Игорь Николаевич Саднюк замешкался, было видно, что он не прочь снять вопрос. Но процесс-то шел с присяжными!

— Отвечайте, — буркнул он свидетелю.

Картинки Олег — точнее, Антон, помощник — приготовил добротные, размером 40 на 50 сантиметров, четкие и предельно точно отрисованные. На них были изображены РГД-42, Ф-1, а также кумулятивные гранаты к гранатомету РПГ-7. Пояснительные подписи стажер Крымов, разумеется, убрал. Да еще шутник Антон на одну из картинок закинул обычный гранат, типа — фрукт. Еще на трех картинках, формата 40 на 80 сантиметров, были изображены различные гранатометы.

— Назовете, что изображено на этой картинке? — показал Багров гранату РГД-42. — Вы же знаток военной техники. Именно ее вы готовили для Клюева.

Вовчик лишь смущенно улыбался и краснел.

— Почему вы молчите? — спросил Олег.

— Я не вижу, — сознался тот.

— С пяти метров? — удивился адвокат.

— У меня некорректируемый дефект зрения, — объяснил Вовчик, кокетливо поправляя длинные волосы.

И в зале, и среди присяжных появлялось некое понимание ситуации.

— Можно, я подойду поближе? — спросил у судьи Багров.

— Передайте приставу, — недовольно сказал судья.

Присутствующий на заседании судебный пристав передал картинку Власову.

— Ну, что, хоть один предмет вы можете опознать? — давил адвокат.

Повисла длинная пауза.

— Этот знаю, — наконец показал Вовчик на гранат-фрукт.

В зале откровенно засмеялись, а Власов вновь обиженно замолчал.

— Ходатайствую о внесении в протокол результатов только что состоявшегося осмотра, — удовлетворенно произнес Багров. — Подсудимый Власов не смог опознать ни одного из предъявленных ему предметов — взрывоопасных, кстати. А ведь, судя по его показаниям, он, якобы, по просьбе Николая Клюева, лично занимался с ними, даже ремонтировал и приводил в боевое положение.

— Мы и не утверждали, что это Власов обстреливал дачу Слепнева, — попытался спасти положение прокурор.

— У вас больше нет вопросов к подсудимому Власову? — нетерпеливо спросил у адвокатов судья.

— Есть, Ваша честь, — выждав секундную паузу, сказал Олег и посмотрел на Власова: — Вы по-пластунски ползать умеете?

— Это как? — растерялся Власов. — Зачем мне ползать?

— Ну, у вас же написано: подползли к точке обстрела, зарядили гранатомет, и Николай Клю-

ев выстрелил. Что же получается, он с гранатометом полз, а вы за ним во весь рост шли?

Парень зарделся ярким цветом и, уже не скрываясь, умоляюще смотрел на Косицына. Тот же по-прежнему был безучастен.

— А потом посыпали красным перцем дорожку отхода, так? — перешел на следующую тему Багров, убедившись, что предыдущий коллапс показаний Вовчика отмечен присяжными заседателями.

— Посыпал, — прошептал Власов. Он уже сам был цвета красного перца.

— Из дома принесли?

— Из дома, — кивнул Вовчик.

— Такое количество? — допытывался Олег. — У вас всегда в доме хранится такое количество красного перца?

— Всегда, — прошептал Власов. — Хранится... — едва слышно добавил он. Впрочем, вновь не забыв элегантно поправить тщательно уложенную прическу.

— Зачем повторять сказанное? — попытался остановить адвоката Мухин. — Это уже было оглашено.

— Для точности, — любезно пояснил тот. После чего выпустил завершающий снаряд в и так уже изрядно покореженные конструкции показаний Власова: — А вы в курсе, что ваша мама страдает страшной аллергией к красному перцу? И в вашем доме его не должно быть ни крошки. Я ходатайствую, — обратился Олег к судье, — о приобщении к материалам дела вот такого документа. — Он через пристава передал справку судье. — Мать свидетеля дважды попадала в анафилактический шок от наличия красного перца. Это справка из больницы. У них в доме нет ни грамма этого вещества, никогда не было и не будет. Слишком опасно. И, если можно, последний вопрос к свидетелю. Владимир Андреевич, получается, в ваших показаниях полно неправды. Фактически — одна неправда и есть. Причем, вопиющая, легко вскрываемая и не дающая вам никаких личных выгод, более того, делающая вас преступником. Как это понять? Как так получилось? Зачем это вам?

— Ходатайствую о снятии вопроса! — заявил прокурор. Но судья не успел отреагировать, потому что Вовчик уже ответил:

— Они сказали, что посадят меня к бандитам.

— Если не подпишете показания?

— Да.

— А если подпишете — отпустят?

— Ходатайствую снять вопрос, как содержащий утверждение, — снова сказал прокурор, но дело уже было сделано.

Очередное мелкое сражение в битве теленка с дубом было выиграно теленком.

Правда, сама битва пока еще не завершилась.

Глава 17

Москва. Областной суд. Делай, что должно, и будь что будет

Областной суд слушал дело по квалифицированному убийству.

Прошло уже десять судебных заседаний, а конца пока видно не было. Хотя результат давно всеми предчувствовался.

Следствие, не обладая никакими серьезными доказательствами вины Николая Ключева, рассчитывало лишь на его скорую физическую смерть. А он взял и не умер. И теперь его умные и толковые адвокаты вдрызг разносили все притянутые за уши доказательства.

Вообще-то, по первоначальному замыслу следствия, братья по большинству эпизодов должны были проходить вместе.

Однако здесь, как было сказано выше, уже здорово сработала Шеметова, доказав по ключевым моментам — убийство Иванова и убийство коммерсанта в сожженной машине — прямое алиби своего подзащитного. Таким образом, Анатолий в убийстве не обвинялся, и дело его рассматриваться в суде присяжных не могло.

Рассмотрение его дела в райсуде планировалось в самое ближайшее время.

А тем временем прокурор Мухин пытался подвязать Николая Ключева к убийству теперь уже четырехлетней давности. Коммерсант Сальников Геннадий Вениаминович был застрелен неподалеку от тех самых Стожков, где завязался роман библиотекарши Неонилы и прапорщика Бойко.

Доказательств же у следствия было мало. Точнее — только одно.

Некто Юрий Гирин, тот самый, который, будучи в ИВС, показал, что передал Власову гранаты для РПГ, там же сообщил и о Николае Ключеве. Якобы он лично рассказал ему о совершенном преступлении.

На самом деле, надо понимать, что было бы у следствия больше времени, этого эпизода, скорее всего, вообще бы не появилось. Слишком хлипко даже для обвинительно настроенного судьи. Но в той чудовищной спешке, когда в Городок съехалось чуть ли не все правоохранительное начальство страны, о силе доказательств не думали. Гораздо более важным казалось их количество. А также количество преступных деяний, которые можно было бы вменить такому подходящему «злодею», как Николай Ключев. Вот и появился в его деле труп коммерсанта Сальникова в сгоревшем автомобиле.

Тем не менее, показания-то о причастности к преступлению Николая были. И, именно их, в отсутствие свидетеля, несмотря на несогласие защиты, зачитывал сейчас прокурор Мухин.

Присяжные, было видно, сразу засомневались. Ведь только что перед их глазами прошествовал «оружейник» Власов, также упомянутый Гириным в своих показаниях, поэтому доверие к Гирину изначально было подточено.

Багров же окончательно его добил.

Выждал паузу, после чего вежливо осведомился — а почему бы не вызвать на процесс самого Гирина? Уж если других доказательств нет, то стоит потерять время уважаемых членов суда на выявление истины.

— К сожалению, Юрий Гирин скрылся с места проживания. Следственными и розыскными мероприятиями установить его нынешнее местопребывание не представилось возможным, — четко отбарабанил прокурор.

— А, может, дело в том, что Юрий Гирин дважды отказывался от своих показаний? — поинтересовался Багров, вновь вызвав нездоровое оживление в зале: народу там было, конечно, меньше, чем на открытии процесса, но тоже достаточно много.

— Нет, — спокойно парировал Сергей Мухин. — Я только что зачитал последние по времени показания свидетеля.

— Они были сделаны им на свободе или в изоляторе временного содержания? — спросил Олег.

— Снимаю вопрос, — сказал судья. — У вас нет оснований обвинять следствие в давлении на свидетеля.

— Просто из любопытства спросил, — коротко рассмеялся Багров. — Но вы согласны со мной, — обратился он к прокурору, — что такой важный свидетель, да к тому же — единственный, очень бы желателен был в суде?

— Конечно, согласен, — снисходительно улыбнулся Мухин. — А вы знаете, где он сейчас находится?

— Разумеется, — ответно улыбнулся адвокат. Зал замер.

— Я, к сожалению, не имею возможности производить розыскные мероприятия, — уже откровенно издевался Багров, — поэтому просто взял у его матери мобильный Юрия и позвонил ему.

Здесь Олег немного лукавил. Не так-то просто было взять мобильный у матери, вряд ли она дала бы его представителям следствия. Хотя, конечно, если бы они сильно хотели, то нашли бы «слинявшего» свидетеля сами — Гириджил и работал под своей собственной фамилией барменом в московском отеле. Отношений с женой и родителями, оставшимися в Городке, при этом не прерывал ни на день.

Просто кроме Багрова его никто не искал.

Да и зачем нужен Маслакову такой неустойчивый свидетель, который уже дважды менял показания? То подтверждал слова, якобы сказанные Николаем Клюевым об убийстве Сальникова, то отказывался от них, то шел по промежуточному варианту, объясняя, что Клюев что-то говорил, но что — не помнит.

— Так мне позвонить ему? — улыбнулся адвокат.

— Отказываемся от обвинения по данному эпизоду, — после короткого раздумья, выдавил из себя прокурор, приняв неприятное, но очевидно, в данной ситуации, самое правильное решение.

— Спасибо, — ехидно поблагодарил его Багров.

Вот так, день за днем, шли их неторопливые и жесткие ристалища. Шаг за шагом, эпизод за эпизодом отвоевывали адвокаты у мощной, но,

как выяснилось, неаккуратной и неповоротливой судебной следственной машины.

Николай Ключев, как говорится, оказался не в том месте и не в то время.

Кстати, в самых демократических и «правильных» странах такой вариант тоже возможен. Ведь жертва — этакий криминальный козленок на судебное заклание — выбирается не просто так. Да и сейчас на скамье подсудимых сидели Ключевы-«торпеды» Чащина, а не, скажем, их брат-стоматолог.

Тем не менее, процесс шел к концу. Это чувствовали все.

Прокурор становился все печальнее, адвокаты и подсудимые — все веселее.

Были произведены уже две замены присяжных: одного мужичка официальным письмом вызвали на работу, а беременная женщина за время процесса успела дойти до предродового состояния.

Это беспокоило Багрова, однако не так сильно: по его ощущениям, оставалось одно-два заседания до вынесения приговора.

Кстати, Шеметова на процессе Николая пару дней отсутствовала, потому что защищала в райсуде Городка его брата, Анатолия.

Там все происходило несравнимо быстрее, чем в суде присяжных. И даже, можно было бы сказать — веселее, если б речь не шла о тюрьме.

Драка на бензоколонке — самое тяжелое, что смогли накопать слепневские следователи — отпала сама собой.

Потерпевший Авдеев предпочел не явиться на суд, хотя был приглашен повесткой.

А Ольга нашла своему подзащитному довольно забавное алиби. Не верное по фактической сути, зато не заставлявшее Шеметову лгать перед даже несправедливым судом.

Ведь поначалу в эпизоде с дракой на бензоколонке обвиняемыми были оба брата одновременно. Хотя физиономию наглецу Авдееву, по многочисленным свидетельствам, бил только один. И, поскольку у полиции были оперативные данные, что это сделал Анатолий, то с Николая драку сняли — более надеялись на обвинение в убийстве.

Так вот, алиби Анатолия Ключева по этому эпизоду оказалось чистенькое и яркое, как конфетка. Даже с проставленным временем на фантике.

Собственно, так оно и было.

Почти.

Время проставил автомат в поликлинике — в Городок тоже дошли модные нововведения. Николай (конечно же, Николай!) носил туда младшего ребенка на плановую вакцинацию, Жанна не могла, была на дежурстве в больнице.

А вот талон, на котором отпечаталось планируемое время прихода пациента в процедурный кабинет, ему взял брат, Анатолий. Проходил близко от поликлиники и среагировал на звонок брата, машинально зафиксировав в талончике свои данные. Действительно машинально, какая разница, кто брал талон, если прививку все равно собирались делать ребенку? Приписаны же к этой поликлинике были все Клюевы.

В итоге, оказалось, разница большая.

Мало того, что талон на имя Анатолия остался у Жанны, в бумагах о сделанных прививках, так Шеметова, с помощью книги учета посетителей, еще и очевидцев нашла.

Несколько человек сидело в очереди в процедурный кабинет. Когда вдруг «ворвался этот скаженный», как заявила одна из ожидавших старушек. С ребенком на руках, с талончиком, горячий Николай (это был, конечно, он) не стал слушать возражений о живой очереди, а просто вошел в кабинет.

Процедурная сестра тоже не стала спорить с таким большим и сердитым человеком, сделав укол малышу фактически вне очереди.

Именно в это время получал по пухлым щекам наглый московский владелец «тахо» Евгений Авдеев. Когда выхватил заправочный пистолет у старика Клюева, да еще и сильно его толкнул, он никак, видать, не ожидал такой скорой расправы. Был бы там Николай — вполне возможно, разбитым лицом бы не отделался.

Но там был Анатолий, человек относительно мирный и спокойный.

Дал пару раз по жирной физиономии, разрядился и побежал к отцу, выяснять, не пострадал ли тот от тычка Авдеева.

И он же, судя по талончику и показаниям очевидцев, находился в то же самое время в поликлинике. Попробуйте отличить однойцевых

близнецов, особенно, когда они огромны, сердиты, и вспоминать вам придется события трехлетней давности!

В общем, Авдеева стукнул некий фантом, похожий на братьев Ключевых. Однако — больно.

Женщина-судья, недовольно бурча, сняла эпизод с рассмотрения, оставив лишь хранение оружия. То есть, разумеется, формально говоря, судья не может снять эпизод с рассмотрения, зато она может установить, что «обвинение в хулиганстве не нашло своего подтверждения в ходе судебного разбирательства».

Хранение оружия тоже было, откровенно говоря, не сильно доказанное.

Впрочем, в полном соответствии с обвинительным уклоном и логикой происходящего, недоказанность вовсе не означала оправдания.

Анатолий получил ровно столько, сколько отсидел, выйдя на свободу раньше брата «за отбытым». И, разумеется, все дни заседаний теперь просидивал на процессе в Москве, стараясь, чем возможно, подбодрить брата.

... Перед одним из последних дней процесса, в выходной, опять собрались большой компанией на даче у Береславских.

Летом тут было не менее красиво, чем зимой.

Только огромные собаки теперь носились по участку в специальных голубых противоклещевых ошейниках.

— Действительно помогает? — спросила Ольга у хозяина. У ее знакомой недавно, после укуса клеща на даче, собака погибла от вирусной инфекции.

— Не уверен, — честно признался профессор. — Скорее, свою совесть очищаю: сделал все, что мог. Ну, и уповаю на Всевышнего. — Береславский смешно сложил пухлые ладошки. — Должен же он помогать хорошим людям.

— Вашими бы устами, — задумчиво проговорила Ольга. На ее памяти уже случались беды у очень достойных, с точки зрения Всевышнего, людей. Хотя — имеет ли она право даже рассуждать на эту тему?..

Девушки помогли Наталье, и вскоре все устроились прямо на природе.

Было не жарко, комаров отпугивала новомодная ультразвуковая ловушка. Шеметова вдруг почувствовала состояние, близкое к счастью.

Полностью погрузиться в радостную прострацию не дала промелькнувшая мысль о Ключевых — и братьях, сидящих в камере, и родных, что уже больше года маются вместе с ними.

— Иногда мне кажется, что вся наша деятельность — впустую, — сама того не желая, вдруг сказала она.

— Почему вы так решили? — внимательно посмотрел на нее Береславский.

— Ну, год уже крутимся вокруг стопроцентно невиновных братьев. Зачем? Их изначально не должны были сажать.

— Вы кому сейчас выговор делаете? — уточнил профессор. — Следствию, вашему Слепневу или вообще мирозданию?

— Не знаю, — вздохнула Ольга. — Но иногда мне становится весьма грустно.

— Слава богу! — обрадовался Ефим Аркадьевич, лицо его засветилось в улыбке. — Потому что полностью довольны жизнью лишь сытые и обихоженные кретины.

— В каком смысле? — не поняла Ольга.

— В прямом, девушка, — ответил профессор. — Если мозг отключен, в человеческом понимании этого явления, а субъекту тепло и сыто — то он абсолютно счастлив. Ну, плюс еще пару желаний удовлетворить...

— Понятно, — улыбнулась Шеметова. — Значит, я не безнадежна. А то уж появились сомнения в ценности нашей работы.

— Ну, ты даешь! — с пионерским задором заговорил Антон Крымов. — Да мы, можно сказать, в самом центре мироздания находимся. Мы сейчас для тех же Клюевых важнее бога.

— Уймись, юноша, — важным голосом произнес Томский, — пока тебя какой-нибудь депутат не услышал. А то огребешь за оскорбление религиозных чувств.

— Да нет же, я серьезно! Мы — последний оплот справедливости на этой земле!

Томский не преминул проехаться по молодому человеку. Однако за него неожиданно заступился многоопытный Береславский. Правда, весьма своеобразно.

— Вы абсолютно правы, молодой человек, — обратился он к довольному Антону. — Хотя вряд ли в состоянии серьезно менять ход вещей.

— Как это — не в состоянии? — возмутился Крымов. — Вон, Клюев без нас в тюрьме бы помер.

— Может, еще и помрет, — без эмоций проговорил Береславский. Это неприятно задело всех.

— Думаю, через неделю он будет на свободе, — горячо произнес Багров, никак не ожидавший от уважаемого им профессора такого пессимизма.

— А парня под Архангельском они с пожизненного сняли? — завелся Тошка, показывая рукой на Ольгу с Багровым. — А дело с прапорщиком нашим уладили?

— Почти уладили, — отозвалась Шеметова. Она бы постеснялась рассказать собравшимся, каким образом убедила Галину Стрешневу отказаться от уголовного преследования Бойко. Но ведь убедила же!

— Не о том речь, — спокойно продолжал Береславский. — Никто не сомневается в сотнях вырученных вами людей. И все же, взять хотя бы ваш сегодняшний процесс. Он изначально несправедлив. А вы, если удастся, уменьшите степень этой несправедливости. Братья могли бы просидеть «десятку», а отсидят всего «двушечку».

— Пока — год, — возразил Багров. Почему-то его тревожили речи чудака-профессора.

А Ольга оценила интеллектуальные усилия профессора и, улыбнувшись, отметила:

— Вы прямо философ.

— Не без этого, — принял похвалу Береславский. — Есть такая фраза: «Делай, что должно, и будь, что будет». Я считаю ее великой. Правда, она имеет свой собственный смысл для каждого в отдельности. Зато устраняет все переживания по поводу смысла жизни и бренности существования.

Шеметова вздохнула. Профессор, как всегда, прав. Но что делать, если этим правилом руководствуется и она, и, скажем, господин Слепнев? Ведь у каждого свое понимание долга.

Глава 18

Москва. Областной суд. Шеметова и остальные. Все только начинается

Медленно прокручивались колеса судебной машины. С кряхтением и скрипом. Но — тем не менее, прокручивались, и действие, ведомое уголовно-

процессуальным кодексом и понуканиями адвокатов, приближалось к завершающей части.

Это чувствовали все.

Клюев четче и бойчее стал отвечать на вопросы. Прокурор Мухин, наоборот, проявлял все меньшую активность. Входя в процесс, он примерно представлял, что его ждет в юридическом плане, но, конечно, рассчитывал на несравнимо лучшую следственную проработку.

Маслаков тоже не был профессиональным злодеем. Скорее, была виновата кривая логика раскрытия резонансных преступлений, подтакивавшая следствие в спешке искать не истинного убийцу, а «удобного». А тот взял, да и оказался неудобным.

Судья, возможно, уже принявший какое-то свое решение, даже перестал обрывать Багрова, когда тот в наиболее красивых местах выдавал особо забористые обороты.

Впрочем, к концу суда атмосфера снова накалилась. Способствовала этому и близость ожидавшегося приговора, и появление на сцене злого гения Городка, майора Слепнева.

Судья осознанно не хотел видеть на процессе этого персонажа, однако хитроумный Багров нашел, как организовать его «бенефис».

Заход был сделан через виолончелиста Богданова.

Тот перенес уже третью операцию, ходил с довольно большим гипсом, но с вновь появившимся счастливым блеском в глазах.

Речь шла о незаконных методах следствия в Городке. Удар, формально, был нацелен на Маслакова, но демонстрация несправедливых методов следствия делала еще более никчемными те многочисленные путаные показания, которые испуганные парни из местного криминалитета дали на Николая Клюева.

Однако слово за слово, почти во всех показаниях всплывала фамилия майора. И когда Багров ходатайствовал о допросе виолончелиста, судья не стал отказывать.

Богданов рассказал, при каких обстоятельствах он получил тяжелую травму, лишившую его в пятьдесят лет и профессии, и куска хлеба, и любимого дела жизни.

Поддержать Богданова пришли его коллеги, в том числе — Марина Томская. Их присутствие в зале делало происходящее гораздо более эмоциональным.

А далее уже постарался сам Слепнев. Страдая несомненной манией величия, решил защищать свою честь самостоятельно. Пришел с длинной министерской инструкцией, в которой излагалось, как именно сотрудник полиции может использовать силу для того, чтобы гражданин прекратил свою противоправную деятельность.

— Брать на излом руку хулигана можно до хруста, — объяснял майор слегка испуганным присяжным. — Я так и сделал. Я ж не виноват, что не сразу хрустнуло.

Багров попросил его продемонстрировать, как именно майор останавливал хулигана, бросившего сигаретную пачку, даже предложил для этого свою собственную руку. Думал, что Слепнев, как разъяренный бык, схватит наживку.

Но — не схватил.

Однако и сказанного было вполне достаточно.

У присяжных уже сложилось свое мнение и по хрупкому хулигану от музыки Богданову, с гипсовой рукой на перевязи, и по борцу за городскую законность Слепневу, готовому за брошенную пачку сигарет крутить руку преступнику до «первого хруста».

Народ, поживаясь, смотрел на все это: случайно стать «преступником», в принципе, мог каждый из них. И, соответственно, испытать на себе бычий гнев Фемиды.

Второй раз Слепнев подставился в самом конце судебного следствия, когда попытался убедить суд, что мотив для убийства у Николая Ключева все-таки был.

— Идет война, — насыщенным баритоном говорил он, глядя прямо на присяжных заседателей. — Она не всем видима, но она идет. Преступность никогда не исчезала, и все вы помните, что творилось в девяностых. Если б не жесткая позиция правоохранительных органов, так бы и продолжались стрельбы на городских улицах. И неужели вы ду-

маете, что те, кого мы свергли с криминального пьедестала, не затаили на нас злобу?

Говорил Георгий Витальевич, вроде, правильно, однако как-то без особого успеха.

Наверное, не только у Шеметовой возникла мысль, что, свергнув с криминального пьедестала маргинальных бандитов девяностых, Слепнев со товарищи сами с удовольствием этот пьедестал оккупировали. Тем более, только что майор демонстрировал приемы общения с гражданами «до первого хруста».

Вот тут-то Багров ему и врезал.

— Можно вопрос потерпевшему, Ваша честь? — обратился он к судье.

— Задавайте, — разрешил Саднюк. — Однако уточняю, что на сегодняшнем заседании господин Слепнев — свидетель.

— Спасибо, ваша честь, — поблагодарил адвокат и повернулся к майору: — А вот кроме общих рассуждений, о ненависти криминалитета к сотрудникам органов вообще, вам есть, что сказать? Про ненависть конкретно Ключева к конкретно полковнику Иванову?

— Вам сложно это понять, — ответил, улыбаясь, Слепнев. — Вы не задерживали преступников, не сажали их в ИВС и СИЗО, вы не знаете, в какое бешенство приходят эти люди, и как они хотят отомстить бойцам правопорядка.

— Почему же, — не согласился Олег, — лично знаю. Меня, например, на въезде в ваш Городок остановили на посту ДПС и, хотя было множество свидетелей, попытались осудить за якобы сопротивление сотрудникам. Ничего, конечно, не вышло, но ночь я провел в «обезьяннике», и что испытывают задерживаемые вами люди — знаю точно.

Краем глаза Олег Всеволодович посмотрел на присяжных. Они — такие же граждане, как и все

вокруг — внимали каждому слову защитника. Все им сказанное их тоже касалось напрямую.

— Мы сейчас обсуждаем другую историю, — попытался перевести стрелки Слепнев. Он уже сам жалел, что полез во всю эту бодягу.

Однако адвокат вовсе не собирался просто так выпускать его из своих зубов. Не для того, как говорится, сидел.

— Так вы не ответили на вопрос: какие у Николая Клюева могут быть конкретные мотивы к убийству полковника Иванова? Только без общих фраз, пожалуйста, — попросил он.

Георгий Витальевич лихорадочно соображал. В итоге решил отмолчаться. За него опять продолжил Багров:

— Вот вы говорите — ненависть преступника к полицейскому. Допускаю. Но, во-первых, Николая Клюева еще никто преступником пока не назвал, суд не закончен. А, во-вторых, если бы каждый, даже осужденный, преступник убивал по полицейскому — чтобы творилось в стране?

— А вы этого хотите? — съязвил майор.

— Упаси бог! — искренне ответил адвокат. — Я хочу совсем другого — чтобы человека не осудили за преступление вообще без доказательств, да еще, если у него не было ни одного мало-мальски серьезного мотива! А знаете, у любого из нас мотивов не меньше, чем у Клюева. А у некоторых — даже больше.

— В каком смысле? — не заметил подвоха майор.

— Ну, возьмем, например, вас.

Зал вновь замер, а у Шеметовой от страха и восторга забилося сердце.

Судья, в принципе, мог остановить эту странную перепалку, однако Саднюк в последнее время проявлял какую-то непонятную пассивность. Если раньше была заметна его игра на стороне обвинения, то теперь он стал индифферентен.

— В каком смысле — меня? — оценил, наконец, глубину ямы майор.

— Чисто в теоретическом, — заверил Багров. — Ваша жена восемь лет назад ушла к Иванову. Годится как мотив? Чисто теоретически, конечно.

— Ваша честь, я требую немедленно прекратить это издевательство! — чуть не закричал майор.

Судья не откликнулся.

У Шеметовой — и, похоже, не только у нее — возникло ощущение, что Саднюк таким образом квивается со Слепневым, одним из главных авторов неудачного юридического проекта.

— Почему — издевательство? — недоумевал Олег. — Я ж не обвиняю вас в убийстве Иванова! Я лишь чисто теоретически взял первого попав-

шегося человека, и рассматриваю, какие могут быть мотивы. Вот у Клюева я ни одного не нашел. А у вас, например, карьерный рост случился — после смерти Иванова. Вы же заняли его должность.

— Я требую прекратить безобразие! — повторил Слепнев, уже полностью теряя самообладание, аж глаза забегали.

— Господин адвокат, ваши соображения не имеют отношения к вашему подзащитному, — наконец соизволил вмешаться судья. — Прошу прекратить.

— Исполняю, ваша честь, — покорился Багров. Но последнее слово оставил за собой. — Хотя не понимаю, почему не имеет отношения. Я ведь на примере майора показываю, что у многих жителей Городка могут быть мотивы к убийству полковника Иванова. А вот у Клюева их как раз нет.

Багровый от ярости Слепнев чуть не выбежал из зала, хотя по статусу уже выступившего свидетеля мог бы остаться.

Напряжение все росло.

Прения прошли быстро. Только прокурор говорил относительно долго, однако в свете недавно прошедшего судебного следствия — неубедительно.

Багров уложился в двадцать минут.

Но — как говорил!

Каждое его слово — гвоздь, забитый в гроб обвинения.

А под конец он жестко заявил о нарушениях, допущенных в ходе следствия, в том числе — даже к адвокатам. И прямо назвал Городок территорией, свободной от российских законов, призвав высокий суд исключить подобный подход к правам граждан при принятии сегодняшнего судебного решения.

Последнее слово было кратким.

Подсудимые Клюев и Власов объявили о своей полной невинности — Власов еще раньше отказался от сделанных под давлением показаний. А Николай высказался своеобразно, но по делу:

— Если и виновен перед Богом и людьми, то только не в том, в чем меня сегодня обвиняют.

Сложные обороты дались этому огромному парню с трудом, тем более, дикция его из-за болезни заметно ухудшилась. Но Николай справился. И, несомненно, произвел впечатление на присяжных.

Они удалились в совещательную комнату.

Время опять потекло медленно. Однако ждать решения пришлось недолго.

И вот дюжина обычных людей, вдруг превратившихся в вершителей людских судеб, снова вошла в зал.

Дальнейшая процедура такова: старшина присяжных должен отдать листок с решением председательствующему в суде, в данном случае — Саднюку. Тот, посмотрев, обязан вернуть его старшине, который и зачитывает вердикт вслух.

В зале реально было слышно, как летает большая муха. Больше не раздавалось ни звука.

Старшина — солидная дама лет шестидесяти — отдала листок с решением судье.

Тот начал глазами пробегать вердикт и в какой-то момент даже несильно хлопнул ладонью по столу.

И тут же мгновенно, как ужаленный, подскочил прокурор Сергей Сергеевич Мухин. Не просто так, разумеется. А с заявлением. Слегка запинаясь, он сообщил, что вскрыт факт, делающий нынешний состав присяжных заседателей неправомочным. Перекрикивая тихий, но нарастающий ропот зала, торопливо объяснил: оказалось, присяжная Головина Алевтина Павловна в момент отбора скрыла от состава суда существенные обстоятельства своей биографии, которые неизбежно бы повлияли на вопрос ее включения в состав заседателей. А именно, двадцать лет назад она была привлечена к уголовной ответственности за обвес покупателя при продаже колбасы.

— Эта статья исключена из УК! — выкрикнул, не выдержав, Багров.

Однако и он, и Шеметова уже понимали, что их и их подзащитных вероломно обманули. Из двенадцати членов жюри двое по закону не имели право ими быть. Вторым был Михеев Николай Николаевич, присяжный заседатель номер четыре, который при отборе скрыл, что проходил службу во внутренних войсках и исполнял обязанности конвоира.

Потом уже, когда все относительно успокоилось, адвокаты пришли к выводу, что именно Михеев был тем единственным членом жюри, который проголосовал за вину их подопечных. Не справился таким образом — справился другим.

— Сволочи, специально подсунули! — довольно громко высказался Олег.

Вот этого делать уже не стоило, даже в запале. Судебный пристав посмотрел на Саднюка, однако тот не дал никаких указаний. Репрессий не последовало.

У присутствовавшего при действе Гескина вообще сложилось твердое мнение, что Саднюк участвовал в фарсе против своей воли. Возможно, так оно и было: значительная часть судебных работников в любых обстоятельствах сохраняет честь юриста и человека. Но не все, конечно — у любого из нас есть десятки болевых точек, на которых с удовольствием играют бесчестные люди.

Ольга, так та просто тихо плакала, стараясь не издавать неподобающих всхлипов и лишь вытирая глаза салфеткой.

— Не плачь, дочка, — подошла к ней Мадина Клюева. — Все только начинается. Видишь, осудить нас они так и не смогли. Это благодаря вам. — А поскольку Шеметова никак не могла успокоиться, добавила: — Посмотри на ребят!

Ольга подняла голову, взглянула на клетку, к которой подходили конвоиры для сопровождения Клюева в автозак.

Николай поднял вверх кисть руки с расставленными двумя пальцами, знаком победы. Стоявший рядом с ним, уже свободный, Анатолий повторил его жест.

— Спасибо! — крикнул Николай.

Тут к братьям подскочила Жанна, поцеловала обоих. Солдат не стал мешать — видать, и ему не понравилась эта вероломная история.

— Вы — молодцы! — сказала Мадина Ибрагимовна. — Пойду к детям. — Но через пару шагов обернулась и еще раз повторила: — Все только начинается!

Эпилог

Интересно, что ту же самую фразу расстроенная до глубины души Ольга услышала от профессора: он-таки прибежал на оглашение приговора.

— Все только начинается, ребята, — сказал Береславский, подойдя к Багрову и Шеметовой.

— Будем надеяться, — ответил Олег, не в силах разжать сведенные кулаки. — Дождем этих гадов на пересмотре.

Вообще, на чистый проигрыш ситуация действительно была непохожа.

Да, конечно, их подзащитный отправился обратно в тюрьму (Власова, опасаясь скандала, так и не «закрыли», оставили под подпиской).

Однако на процессе было полно журналистов, и в нескольких СМИ появились довольно жесткие описания событий. Таким образом, появился шум, о нежелательности которого в свое время предупреждали г-на Слепнева.

Возможно, поэтому он так и не стал подполковником, и не сменил приставку врио на просто должность начальника РОВД. Более того, ему сделали предложение, от которого он не в силах был отказаться. Если хочешь продвижения — то в Чечню, где в тот момент велись активные боевые действия, и куда постоянно командировались сотрудники полиции (тогда еще — милиции) из самых разных областей России.

Злые языки утверждают, что там Георгий Витальевич тоже был весьма инициативен по коммерческой части. Что-то такое даже говорили про продажу боевикам армейских бронжилетов.

Разговоры прервали три пули, прострелившие могучее тело майора насквозь и окончившие его земное существование.

Опять же, злые языки говорили, что пули, завершившие карьеру несостоявшегося начальника РОВД, прилетели не спереди, а сзади. Достоверность этой информации проверить не представлялось возможным. Да и не стал бы никто проверять, даже появившись такая возможность. Ведь раскройся какие-то новые грешки Георгия Витальевича — и теперь уже страдает не он, ему-то все равно, а его жена и малолетний сын, получающие пенсию за отца-героя. Так что никто не стал и не станет уже ворошить темное прошлое Слепнева на чеченской войне.

В московской же битве за справедливость все происходило гораздо дольше. Еще трижды (!) в аналогичной ситуации срывалось вынесение оправдательного приговора.

В четвертый раз прямо в совещательную комнату вошел кто-то неизвестный. Возможно, судебный пристав, возможно, кто-то еще.

Вошедший популярно объяснил присяжным, что после двух лет СИЗО Ключева по чистому оправданию не отпустят.

— Не портьте ему жизнь, — попросил он. И предложил вариант, который, в итоге, и приняли.

Согласно этому варианту, подсудимый признавался невиновным в убийстве. Зато — виновным в хранении оружия, том самом, которое вовремя спрятала Жанна.

В результате Николай Ключев, как и его брат, получил ровно столько, сколько отсидел, и, как говорят юристы, был отпущен «за отбытым».

То есть освобожден в зале суда.

Удивительно, но Николай Ключев жив до сих пор. Его состояние по-научному называется устойчивой ремиссией и уже вошло в кандидатскую диссертацию одного молодого онколога. Старику же Гохману диссертации давно не нужны. Он по-прежнему работает, однако не оперирует: только консультации и диагностика. Николай остается его постоянным пациентом.

У всех остальных Ключевых — жизнь без изменений.

Разве что Жанна, преодолев тысячу препонов, выбила любимому, по бумагам — инвалиду, право на парашютный прыжок.

Сама, разумеется, прыгнула с ним и Анатолием. Еще, неожиданно, в компанию подверстался старший брат Иван, стоматолог. Его парашют укладывал лично Николай, никому не доверил.

Все четверо получили колоссальное удовольствие.

Но Николай испытал отдельное чувство.

Когда он сидел, держа за руку Жанну, в стареньком «АН-2» и когда летел сквозь пустоту, отдаваясь от самолета, и когда медленно парил под куполом, наблюдая чуть в стороне свой прекрасный родной Городок, повторял бывший десантник одно и то же: СЛАВА ТЕБЕ, ГОСПОДИ! Что есть мама и папа, что есть братья, что есть Жанна, что есть два любимых детеныша и скоро будет третий.

Слава тебе, господи!

Ну, не про рак же думать в синем небе.

Профессор Береславский, как всегда, спасает мир в своем кабинете. Разумеется, когда кабинет не занят детьми и внуками.

Говорит, что пока все идет нормально, да и дальше будет не хуже.

Смешно, но Наталья в это верит. Даже если иногда из кабинета доносится тихое похрапывание.

Впрочем, дома застать его довольно сложно: голова профессора полна планов, и самое странное, что значительная их часть реализуется.

Неонила Беляева растит Мишку. К сожалению, юридически процесс усыновления мальчика далеко не закончен. И хотя Шеметова считает, что все у них получится, Неониле часто снится один и тот же страшный сон. Она гуляет с Мишкой по парку, а к ней подходит кто-то, не имеющий лица, и уводит плачущего мальчика за ручку. Она все это видит, при всем этом присутствует, сердце разрывается на куски, а сделать ничего не может.

Как-то не выдержала, рассказала Ефиму Аркадьевичу, во время очередного ремонтно-развлекательного визита. Тот объяснил, что она таким образом избавляется от копящихся в подсознании страхов. Короче, страшные сны — несравнимо лучше страшной действительности.

Забавно, но Неониле стало легче.

А Петр Иванович собрался с духом и сходил в гости к Галине. Не сам, конечно, с Ольгой Шеметовой.

Там договорились о сдаче комнаты и о сопутствующих Галиных коммерческих интересах. Похоже, Галина слегка успокоилась: все это здорово напоминало ей ситуацию развода с алиментами. Косметическую операцию по восстановлению мочки уха тоже оплатил Бойко. А врача нашел, разумеется, Береславский: знакомство с этим человеком, как однажды сказал Волик Томский, стоило половины ГУГЛа. К тому же окружали Ефима Аркадьевича, по его собственному утверждению, исключительно при-

личные люди, в то время как в ГУГЛе имелись всякие.

В конторе тоже все без изменений.

Гескин, слава богу, жив.

Муна, слава богу, вполне довольна его обществом, и свой разговор со стариком об улетевшей птичке Шеметова старается не вспоминать.

Их Тошка, Антон Крымов, сильно растет, и, наверное, тоже сможет стать в будущем героем хороших книжек. А тут он на Новый год опять привел с собой ту девчонку, Сашеньку, с которой был на концерте.

Хорошая девочка. Добрая и умная. Разве что не пробивная. Впрочем, если у них все сложится, куража Тошки хватит и на нее, и на всех их детей.

Волик Томский специализируется на делах с хозяйственным уклоном. Говорит, так денег больше, а главное — особо никого не жалко, нервы лучше сохраняются. Денег, наверное, действительно больше: купил Маринке итальянскую виолончель XIX века. Не Гварнери, конечно, но крутую. Контора по этому поводу получила отдельный концерт.

Валентина Семеновна по-прежнему царствует в коллективе, но по-настоящему угнетаемым ею остался только Тошка: Шеметова уже внушала секретарше отдельное почтение.

Багров же и Шеметова потихоньку, естественным образом, стали неофициальным центром конторы. Здесь все адвокаты были сильными, однако эта парочка росла интенсивнее всех. Ни на миг не переставая жестко конкурировать между собою.

Что касается главного для Шеметовой — это, конечно, работа. Она по-настоящему счастлива, каждый день занимаясь тем, что в радость. Не зря же говорят окружающие, даже незнакомые друг с другом: Ольга Шеметова — защитница не только по должности, но и по состоянию души.

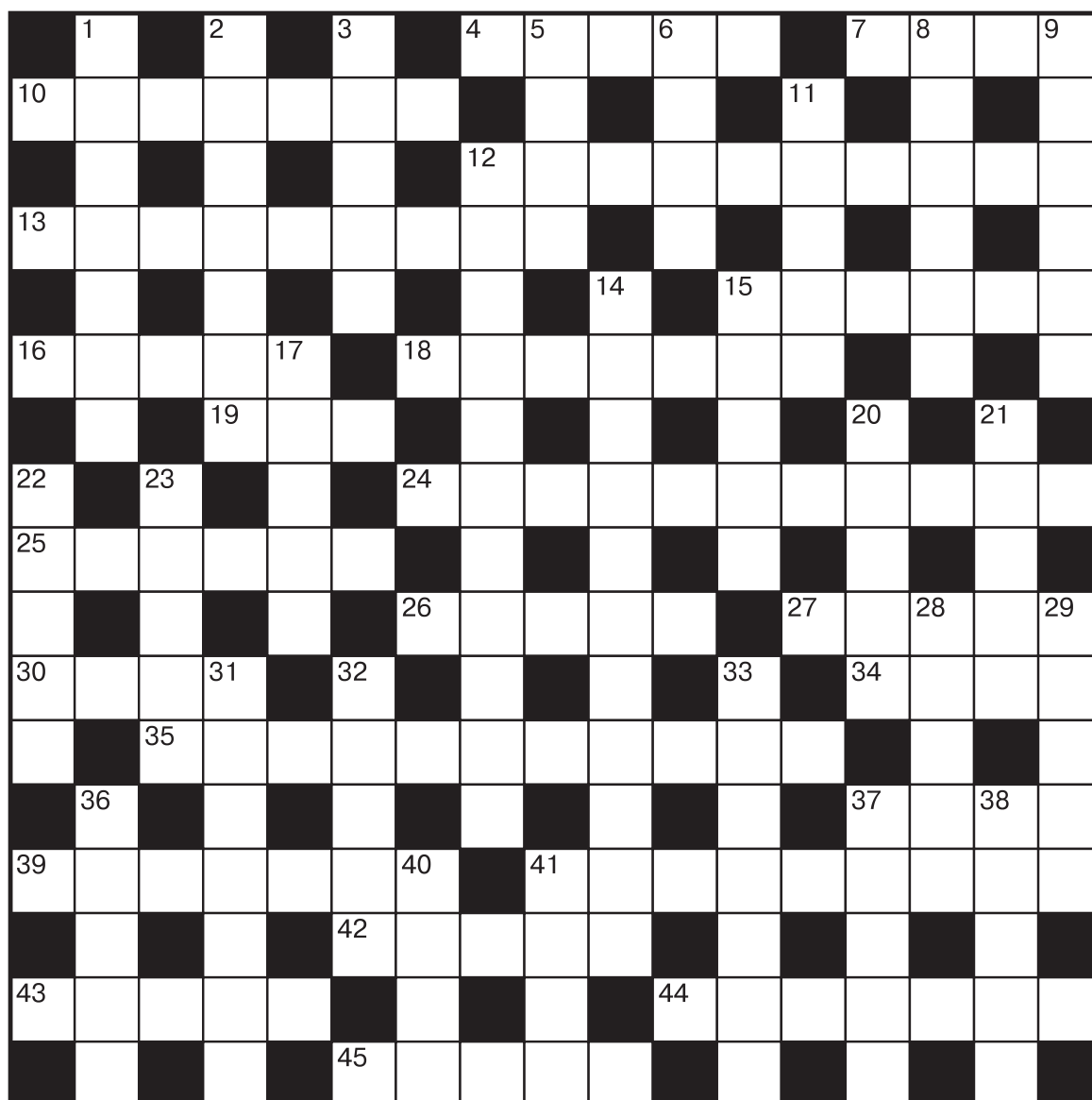
И это факт.

Короче, почти вся ее жизнь — праздник.

Ну, может быть, исключая минуты, когда она зачем-то листает свой паспорт. Добавься туда еще один синий штампик — и жизнь станет окончательно счастливой. Может, поэтому штампик где-то задерживается?

Чтобы мотивация не исчезала. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Что провоцирует на смех? **7.** Мучная броня. **10.** Какая служба в Венеции передвигается на лодках синего цвета? **12.** Тайный вредитель. **13.** Нерас траченная мощь. **15.** Помните, что из растительных продуктов наш организм ... всасывает плохо. **16.** Немец, доказавший основную теорему

алгебры. **18.** Европейская страна, чья гражданская война попала в «Зеркало» Андрея Тарковского. **19.** Бильярдный жезл. **24.** К какому врачу нужно поспешить, если со зрением нелады? **25.** Этап землетрясения. **26.** Средневековые схоласты полагали, что есть только три вида наделенных разумом существ: бес, чело-

век и ... **27.** «... ненужного тряпья». **30.** «Квадрат» жилой площади. **34.** Кто из великих художников оформил квартиру «королевы косметики» Елены Рубинштейн? **35.** Кто свою спортивную карьеру на корте делает? **37.** «Ласточка весною в ... к нам летит». **39.** Кресло под солнцем. **41.** Огибание волнами препятствий. **42.** Персидский завоеватель Египта. **43.** «Засор» в артерии. **44.** Жительница прибалтийской страны. **45.** Рудольф в упряжке Санта-Клауса.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Речное низвержение». **2.** Белорусский город, место проведения традиционного «Славянского базара». **3.** Чего американцы ежедневно съедают по 18 гектаров? **5.** В каких горах искал свой каменный цветок Данила-мастер? **6.** «Оскарноносный гладиатор». **8.** Какого комика великий Чарли Чаплин считал своим учителем? **9.** Французский сыр, который с плесенью не оттого, что пропал, а потому, что гурманы так любят. **11.** «Опас-

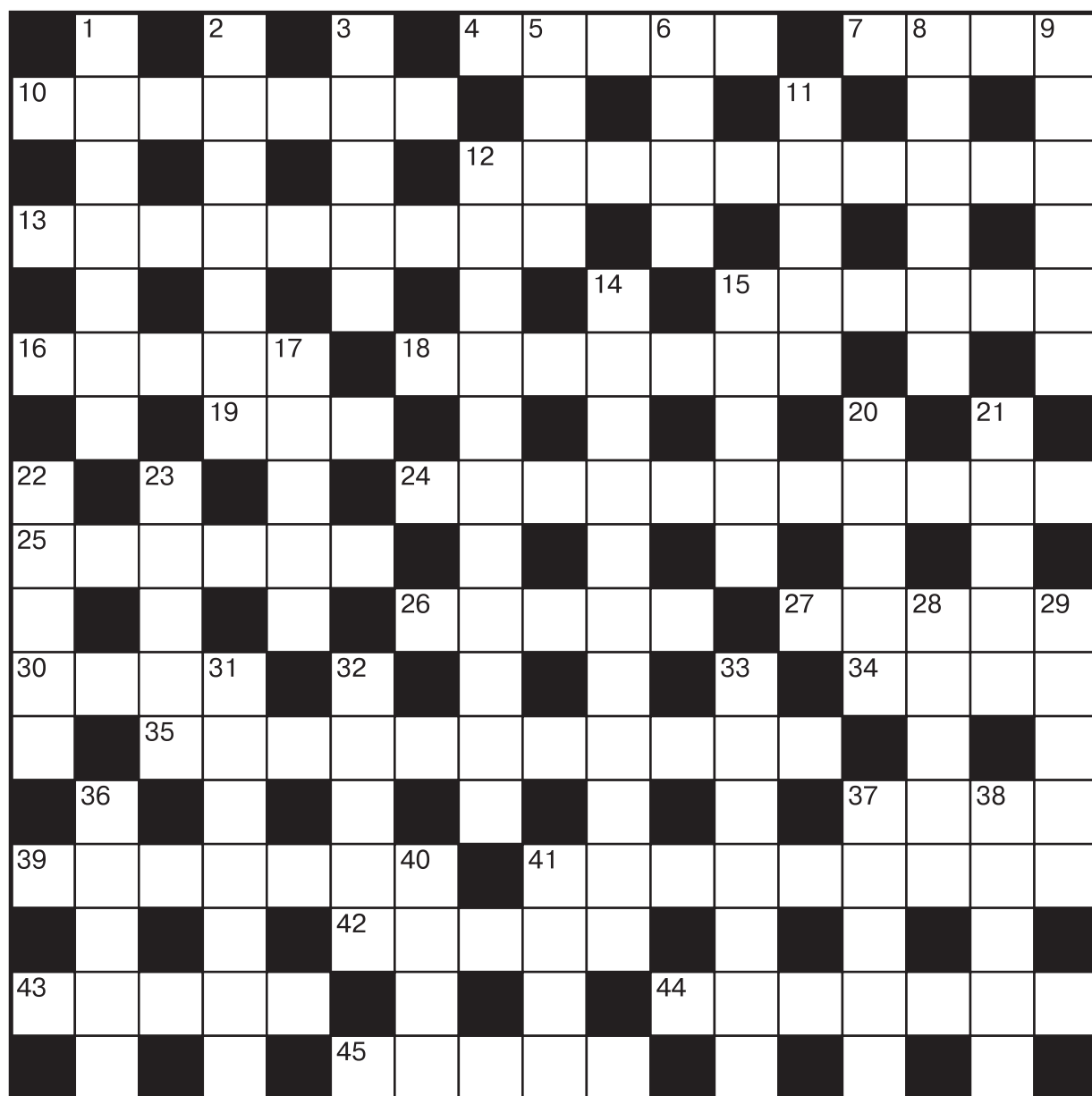
ная ...» **12.** Музыкальное амплуа американского президента Билла Клинтона. **14.** Кто из классиков нашей музыки, будучи «дважды крещеным», в зрелых годах был убежденным атеистом? **15.** «Товар» риэлтора. **17.** Совет церковных иерархов. **20.** «Были сборы недолги от Кубани до Волги мы коней поднимали в ...» **21.** Юбочный низ. **22.** Речевой стереотип. **23.** Ростислав среди ближайших друзей актрисы Веры Марецкой. **28.** Парашютный «портфель». **29.** Любимый школьный предмет для Шарон Стоун. **31.** «Концентрат пошлости» для Владимира Набокова. **32.** «Тигр из Мадраса» на шахматном троне. **33.** Кто в примерке к выходу на сцену готовится? **36.** Какая лошадка украшает монеты Ботсваны и Танзании? **37.** Во что играет герой Элайджи Вуда в фильме «Убийства в Оксфорде»? **38.** «Куда проходит иголка, туда пролазит и ...» **40.** Кельт для римлянина. **41.** Эстрадная дива Селин ... росла в семье, где было четырнадцать детей.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Амбир. **6.** Цитата. **10.** Эмаль. **12.** Альтернатива. **13.** Бренд. **15.** Гамбургер. **17.** Опыт. **20.** Рой. **21.** Арбитр. **22.** Бог. **24.** Осло. **26.** Лимон. **28.** Убийство. **29.** Талант. **30.** Нюх. **31.** Лом. **33.** Отпор. **34.** Носик. **37.** Тесак. **39.** Спрос. **40.** Бангкок. **41.** Смысл. **42.** Дрофа. **43.** Биарриц. **44.** Энергия. **45.** Флирт. **46.** Юдифь.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Амбра. **2.** Шланг. **4.** «Мольба». **5.** «Интерпол». **7.** Ирак. **8.** Авиапассажир. **9.** Азартность. **11.** Ордер. **14.** Дантист. **16.** Робот. **18.** Машук. **19.** Абрикос. **23.** Гипюр. **25.** Австралия. **27.** Насос. **30.** Новгород. **31.** Лемминг. **32.** Маэстро. **35.** Спираль. **36.** Комфорт. **38.** Голиаф. **43.** Бит.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Самая длинная из рек Евразии. **7.** Англичанин, открывший озеро Виктория. **10.** Анекдот эпохи Возрождения. **12.** Какой кальмар связан с убийством Триш Данн из романа «Утраченный символ» Дэна Брауна? **13.** Жители древней страны, подарившей свое письмо древним грекам. **15.** Генерал-

губернатор Канады, учредивший хоккейный кубок, впервые разыгранный в 1893 году. **16.** Без чего, как полагал Конфуций, нельзя достигнуть храбрости? **18.** Чилийская пустыня, где ни разу не наблюдали дождя. **19.** Королевский дружинник времен Альфреда Великого. **24.** Плетеные сандалии у венесуэльцев. **25.** Какая

крупа лучше других выводит из организма избыточный холестерин? **26.** Кого победил Барак Обама на своих вторых президентских выборах? **27.** Бугорок на кончике птичьего языка, помогающий пернатым клевать пищу прямо с земли. **30.** Школа гейш. **34.** Мешок под кумыс. **35.** На какой лире играл библейский царь Давид? **37.** Шаурма из Мексики. **39.** «Казахский изумруд». **41.** Кто из предков великого Данте участвовал в крестовом походе Конрада III? **42.** Исландский округ. **43.** Кто сочинил первую английскую комедию? **44.** Золотые блики на православных иконах. **45.** Галл в сподвижниках у легендарного Спартака.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Бармен, готовящий кофе. **2.** Обет безбрачия у католических священников. **3.** Сплетенные пучки нитей в молитвенном одеянии у иудеев. **5.** «Лежанка для сидящих». **6.** Античный критик, получивший прозвище «Бич Гомера». **8.** Игра из Прованса с шарами. **9.** Декоративная подвеска с бусинами у девиц в Древней Руси. **11.** Какой

богине древние римляне посвящали жертвенный огонь? **12.** «Гормон паники». **14.** «Чжень-Цзю терапия». **15.** Какой ветер ослепил ясновидящую Вангу? **17.** Кому пришлось похудеть на 20 килограммов ради съемок в фильме «Изгой»? **20.** Шелуха мускатного ореха для пряной выпечки. **21.** Дерево, чьими ветвями древние римляне украшали свой праздник Сатурналии. **22.** «Никогда не спите после еды» (наш великий хирург). **23.** Какая аквариумная рыбка первой побывала в космосе? **28.** Какой балет «познакомил» Пабло Пикассо с будущей супругой — Ольгой Хохловой? **29.** Кого Марк Твен признавал единственным своим критиком? **31.** У какого князя Владимир Святославич отнял Киев? **32.** «Не жги ... назло вшам» (восточная мудрость). **33.** Тосканская золотая монета. **36.** Немецкий инженер, придумавший холодильник. **37.** Гусарская сумка. **38.** Силовое разбивание предметов руками в тхэквондо. **40.** «Поминальный танец» у чеченцев. **41.** Обитаемая планета в галактике Кин-дза-дза.

Ответы на эрудит, опубликованный в №12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Табак. **6.** Сливки. **10.** Право. **12.** Невинномысск. **13.** Юлила. **15.** Антитерра. **17.** Брыу. **20.** Клу. **21.** Лабрум. **22.** Неф. **24.** Апуя. **26.** Халат. **28.** Месектет. **29.** Хостел. **30.** Джо. **31.** Бид. **33.** Пекур. **34.** Борек. **37.** Шалот. **39.** Сонар. **40.** Гданьск. **41.** Пифос. **42.** Ректо. **43.** Ветчина. **44.** Талалур. **45.** Стинг. **46.** Скуснс.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Трель. **2.** Авила. **4.** Анемия. **5.** Авимелех. **7.** Лума. **8.** Васершпатцен. **9.** Инкруаябль. **11.** Снарк. **14.** Анчутка. **16.** Аллах. **18.** Климт. **19.** Абрскил. **23.** Фаджр. **25.** Беренджер. **27.** Толос. **30.** Душничок. **31.** Барибал. **32.** Доломан. **35.** Рометти. **36.** Картинг. **38.** Ксенон. **43.** Вуц.

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 1-е полугодие 2015 года через редакцию.

Оформить подписку на журнал «СМЕНА» вы можете в редакции с получением по почте. Теперь данная услуга доступна и для жителей Республики Крым и г. Севастополя.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Банка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или на эл. почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 81 рубль 40 копеек	За 1 номер — 100 рублей 10 копеек
За 6 номеров — 488 рублей 40 копеек	За 6 номеров — 600 рублей 60 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

КУПОН

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на журнал «СМЕНА» на 1-е полугодие 2015 года в любом отделении почтовой связи. Теперь данная услуга доступна для жителей Республики Крым и г. Севастополя. Образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 70656 — годовая подписка Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков.
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

« В начале марта 1921 года Советскую Россию облетела невероятная весть: восстал Кронштадт. Это казалось нереальным, поскольку балтийские моряки стали символом Октября, а Кронштадт — образом революционной Балтики. Матрос-балтиец с винтовкой в руке и пулеметной лентой через плечо уже тогда был излюбленным плакатным героем молодой советской графики. Что же произошло через считанные месяцы после окончания гражданской войны? »

Светлана **Бестужева-Лада** «Кровавый эпилог»»

« Гоголь вез в Москву потертый кожаный портфель с золоченым замочком, в котором лежали начальные наброски второго тома «Мертвых душ». Она уже вызревала в его мятущейся душе, эта книга, наполненная разящим смехом, от которого почему-то щемило сердце... Давний замысел комедии, так понравившейся Пушкину, постепенно обретал ясные очертания. Даже название придумалось — «Владимир третьей степени». Вот, правда, цензура... Но в Москве — очень нужные люди: собрат по перу Сергей Аксаков, знаменитый романист Загоскин, историк, издатель и литератор Михаил Погодин, гордость российской сцены Щепкин. Они не откажут Гоголю в поддержке... »

Юрий **Осипов** «Портфель Гоголя»»

« На занавесе Детского музыкального театра имени Натальи Сац изображен символ — символ счастья, Синяя птица Мориса Метерлинка. Как же удавалось автору «Синей птицы» писать столь искренние, полные непонятных аллюзий, абсолютно сказочные истории? Кто он такой, Морис Метерлинк, или, как его называли, «бельгийский Шекспир»? »

Евгения **Гордиенко** «Бельгийский Шекспир»»

« 21 сентября 1993 года Почтовая служба США выпустила в обращение памятную серию марок «Легенды американской музыки», посвященную шести выдающимся композиторам Голливуда. На одной из них изображен портрет обладателя четырех Оскаров и номинанта на эту премию 22 раза! Этот удивительный талантливый человек — наш соотечественник Дмитрий Зиновьевич Темкин. »

Владимир **Братченко** «Певец прерий»»

« Новый детектив Анны и Сергея **Литвиновых** «Сердце Бога» »